

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет

Н О В И К

В ы п у с к 25

Сборник научных работ студентов
и молодых ученых

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2026

УДК 902/904(082)
ББК 63.4я43
Н73

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук И. Б. Шишкина (науч. ред. выпуска), д-р ист. наук Е. Ю. Захарова, д-р ист. наук
Ю. В. Селезнёв, канд. полит. наук Л. А. Гончаров, А. И. Корнеева (отв. секретарь выпуска)

Н73 **Новик.** Вып. 25 : сборник научных работ студентов и молодых ученых / [под ред.
И. Б. Шишкиной] ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Изда-
тель-
ский дом ВГУ, 2025. – 101 с.
ISBN 978-5-9273-4482-6

Сборник содержит статьи по археологии, этнологии, всеобщей и отечественной истории,
политологии и социологии, написанные студентами, магистрами, молодыми учеными.

Для научных работников, студентов, всех интересующихся историей.

УДК 902/904(082)
ББК 63.4я43

ISBN 978-5-9273-4482-6

© Воронежский государственный университет, 2026
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Ширяева А. А.</i> Коллекция палеолитических венер с Гагаринской стоянки на Верхнем Дону	5
<i>Максимов И. М.</i> Образ антагониста в основном индоевропейском мифе	10
<i>Мешкова М. М.</i> Место женщины в религиозных воззрениях и культовой практике народов Древней Месопотамии.....	14
<i>Медведева А. Ю.</i> Образ Клеопатры в арабской литературе.....	21
<i>Василенко А. С.</i> Отражение общественной и политической жизни Древнего Рима в творчестве Вергилия	26
<i>Скородумова М. Д.</i> Харун Ар-Рашид: сказочный образ и реальная историческая фигура.....	30
<i>Генералова Н. А.</i> Жизнь и обычаи донских казаков в 30–40-е годы XVII века	34
<i>Тареева П. А.</i> Песня как средство выражения общественно-политических настроений в период Французской революции	38
<i>Лисин С. О.</i> В. И. Старцев – новатор советской исторической науки.....	42
<i>Калентьева С. Б.</i> Уникальное географическое положение как фактор, влияющий на национальный характер.....	47

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Куянцев А. О.</i> Морской флот Афин в эпоху архаики	51
<i>Просвирин А. М.</i> Жреческие коллегии Древнего Рима в период правления династии Юлиев–Клавдиев по данным Светония	56
<i>Розмысл Е. В.</i> Военная организация и войны швейцарских кантонов в XIV в.: формирование профессиональной пехоты	59
<i>Вишневецкая А. В.</i> Социальная организация общины парсов в Индии	65
<i>Бобрышова А. С.</i> Особенности формирования и трансформации государственных и партийных институтов КНДР в конце 1940-х – начале 1970-х годов	70
<i>Басова О. А.</i> Си Цзиньпин: становление политического лидера Китая (1953–2002).....	78

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Завирюхин Д. В.</i> Роль культурно-ценностных представлений молодежи в формировании образа будущего современной России	81
--	----

<i>Шугайкин И. В.</i> Анализ предвыборных программ политических партий на досрочных выборах в Бундестаг 2025 года	86
<i>Саласина А. С.</i> Новая эра избирательных кампаний: нейросети на политической арене.....	91
<i>Игнатьева К. В., Репина А. В.</i> Социальные сети как арена для конфликтов.....	95
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	99
СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ.....	100

КОЛЛЕКЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ВЕНЕР С ГАГАРИНСКОЙ СТОЯНКИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

А. А. Ширяева

Воронежский государственный университет
(nastya.shiryayeva.03@mail.ru)

Аннотация. Палеолитические вены, представляющие собой антропоморфные статуэтки и изображающие в основном женщин, являются одним из наиболее ярких проявлений искусства малых форм эпохи верхнего палеолита. На Верхнем Дону к настоящему времени изучен лишь один памятник, на котором они встречаются – Гагаринская стоянка. Всего на этом памятнике за время работ 1920-х и 1960-х гг. обнаружено 15 статуэток, включая небольшие фрагменты. Все они имеют как ряд общих черт, так и несколько ярких индивидуальных признаков, отличающих их друг от друга. В данной публикации детально рассмотрены уникальные экземпляры (например, двойная статуэтка, «танцующая венера», скульптура с поднятыми руками), которые могут повлиять на выводы исследователей о происхождении и значении палеолитических венер в целом.

Ключевые слова: палеолитические вены, Гагаринская стоянка, верхний палеолит, скульптура, женские статуэтки.

Палеолитические вены – обобщающее условное понятие для множества женских статуэток эпохи верхнего палеолита, обладающих определенными общими признаками. Основная их часть относится к периоду граветта, в более поздних эпохах они встречаются реже. Эти статуэтки чаще всего изображают обнаженных женщин, переданных в реалистичной манере, но часто с подчеркнутой, даже утрированной формой отдельных частей тела. На Верхнем Дону вены палеолита встречаются на стоянке Гагарино, о которой и пойдет речь в данной работе.

Гагаринская стоянка, возрастом примерно 22 тысячи лет, находится на левобережье Верхнего Дона в Задонском районе Липецкой области. Известна она с 1924 г. Первым ее исследователем был советский археолог С. Н. Замятин. Экспедиция под его руководством работала там до 1929 г. В процессе работ было обнаружено 9 миниатюрных женских статуэток. До этого была известна лишь одна подобная скульптура, найденная П. П. Ефименко на стоянке Костенки 1 в 1923 г. и небольшой фрагмент нижней части фигурки с раскопок польского археолога С. Круковского 1915 г. на той же стоянке [Замятин, 1922. С. 7].

Все эти статуэтки выполнены из бивня мамонта и обнаружены по краям жилища, около его стен (рис. 1).

Работы на стоянке в период с 1961 по 1969 гг. продолжил Л. М. Тарасов. Им было обнаружено еще 6 женских скульптур, дополнивших коллекцию С. Н. Замятина. Все они так же выполнены из мамонтового бивня.

Таким образом, с памятника происходят 15 статуэток, из которых 6 сохранились практически целиком, остальные предстают в виде обломков. Стилистически они относятся к гагаринско-хотылевскому типу венер, входящих в костенковско-виллендорфскую группу культур. Но, несмотря на это, некоторые статуэтки со стоянки имеют признаки костенковско-авдеевского типа той же группы культур.

Оба типа имеют ряд общих черт: крупные формы, наклоненная вперед голова, сведенные в бедрах и разведенные в голени ноги, сложенные чаще всего на животе руки, отсутствие черт лица. Конкретно у гагаринско-хотылевского типа руки ниже локтя обычно не вырезались. Различается у статуэток двух типов и линия спины: у гагаринско-хотылевских сильнее выступают назад ягодицы, а верхняя часть более заметно наклонена вперед, чем у костенковских, при этом ноги как бы тоже выдвинуты вперед [Гаврилов, 2018. С. 96].

Прежде, чем перейти к рассмотрению конкретных экземпляров, необходимо выработать совокупность признаков и проследить их встречаемость в коллекции. Начать следует с пропорций тела: в коллекции встречаются как полные, так и худощавые изображения женщин. Линия спины: в некоторых случаях в области поясницы может наблюдаться характерный прогиб, в некоторых – прогиб отсутствует. На головах статуэток могут быть намечены следы головного убора или прически, некоторые же предстают без какой-либо орнаментации. Линия плеч: у одних они изображены покатыми, у других – прямыми. Руки обычно прижаты плотно к телу, однако в редких случаях могут быть подняты. Ноги имеют устойчивое положение: бедра плотно сжаты, голени разведены в стороны; однако и в данном случае могут быть исключения.

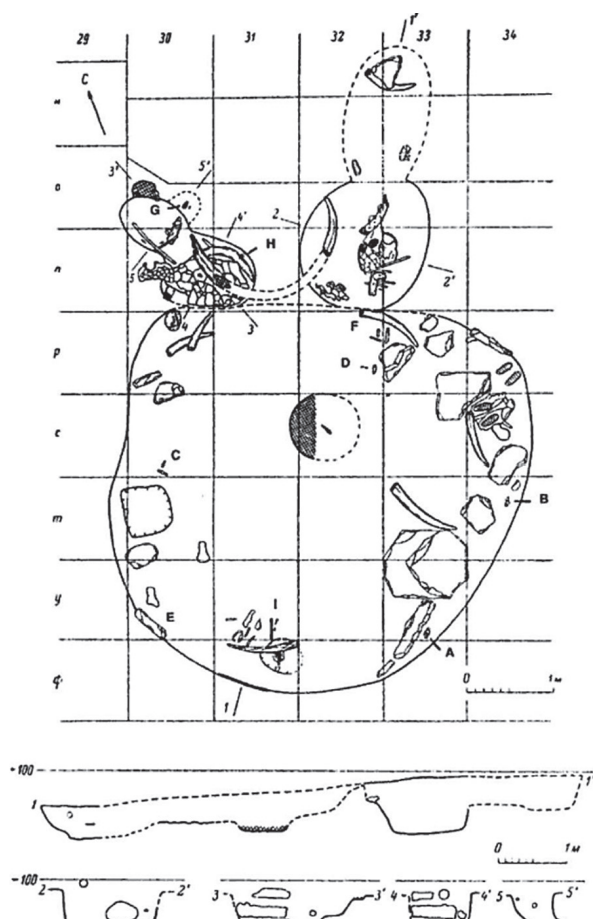

Рис. 1. План жилого комплекса на Гагаринском поселении и расположение венер по раскопкам 1920-х и 1960-х гг. [Тарасов, 1979. С. 54]: А – статуэтка № 1; В – статуэтка № 2; С – статуэтка № 3; D – фрагмент статуэтки высотой 2,3–2,4 см; E – фрагмент высотой 4,4 см; F – фрагмент высотой 7,2 см; G – статуэтка № 4; H – статуэтка № 6.

Далее, чтобы более четко понимать специфику венер с Гагаринской стоянки, нужно подробнее рассмотреть каждую из них, выделив их особенности. Начать стоит с фигурок, обнаруженных С. Н. Замятниным в 1927 г.

Статуэтка № 1 высотой 5,6–5,8 см представляет собой изображение довольно полной женщины (рис. 2. 1). За исключением части ног ниже бедер, утерянных еще в древности, и небольших повреждений на поверхности фигурка сохранилась хорошо [Замятнин, 1935. С. 63]. Вырезана она довольно тщательно, но не пропорционально: узкие, покатые плечи в сравнении с довольно широкой седалищной частью. Спина чуть наклонена вперед и не имеет характерного прогиба в области поясницы. Голова округлой формы, помещенная на короткую шею, чуть наклонена вперед. На поверхности головы можно наблюдать головной убор или прическу, обозначенную нанесенными по всему периметру насечками и неглубокой бороздкой, намечающей края убора. Руки выполнены только в плечах, что как раз является ярким признаком гагаринского типа. В бедрах ноги плотно сжаты.

Статуэтка № 2 (рис. 2. 2) высотой 5,2–5,5 см демонстрирует те же особенности фигуры, что и у предыдущей венеры. Спина прямая. На чуть склоненной голове вдоль лба спереди намечен выступ в виде сильно выпуклого валика, представляющий, скорее всего, головной убор. Небольшая часть правой руки изображенной женщины была утрачена в древности, но это не мешает зафиксировать их интересное положение: ее тонкие руки согнуты в локтях, имеющих здесь округлую форму, и подняты до уровня подбородка. В качестве примера ближайшей аналогии для такой позы С. Н. Замятнин приводит один из рельефов Лоссея, где изображена женщина, держащая в поднятой руке рог [Замятнин, 1935. С. 65]. А поскольку у этой фигурки обломана одна рука, не исключено, что и она что-то держала. Ноги статуэтки чуть согнуты в коленях, область которых хорошо намечена, бедра сведены вместе, а голени разведены в стороны, нижняя часть ног в области голени была утрачена.

Совершенно иные пропорции демонстрирует *статуэтка № 3* с чуть обломанными ногами в области голени (рис. 2. 3). Имея высоту 6,8–7,1 см, фигурка представляет собой высокую, даже худощавую женщину, что сильно выделяет ее на фоне остальных женских скульптур со стоянки. Статуэтка сильно вытянута и уплощена, особенно с задней стороны [Замятнин, 1935. С. 65]. В остальном тип этой фигурки похож на предыдущие; руки и ноги у женщины довольно тонкие.

Далее можно рассмотреть экземпляры, обнаруженные Л. М. Тарасовым.

В 1962 г. в примыкающей к жилищу яме Л. М. Тарасовым была обнаружена *статуэтка № 4*, высотой 12,6–12,7 см. (рис. 2. 4). В ходе реставрации она была восстановлена в полном объеме. От предыдущих венер коллекции С. Н. Замятина ее отличает больший реализм исполнения: она выполнена куда более пропорционально. Спина ее отклонена, немного сгорблена, в пояснице имеется заметный прогиб. Руки переданы в плечах, плотно прижаты к бокам; плечи прямые, что в этом плане больше роднит ее с костяковским типом. Ноги, чуть согнутые в коленях, в области бедер плотно сжаты, а голени разведены. При этом одна нога выступает вперед, что передает женщину как бы в движении. В литературе эту скульптуру еще называют «танцующей». Хотя Г. А. Хлопачев пишет, что при реставрации фигурки ноги были присоединены к туловищу не совсем правильно и интерпретация ее как танцующей или идущей является ошибочной [Хлопачев, 2016. С. 87].

Статуэтка № 5, найденная в 1968 г., является среди находок Л. М. Тарасова, пожалуй, самой интересной и необычной (рис. 2. 5). Она представляет собой сдвоенную скульптуру общей длиной 14,8 см: маленькая статуэтка имеет длину 5,2 см, а большая – 9,6 см. Фигурки примыкают друг к другу головами,

но разделены при этом глубокой ровной бороздкой, в связи с чем Л. М. Тарасов предположил, что статуэтки разделять и не собирались. Кроме того, фигурки не были обработаны до конца. Скульптура меньшего размера в большей степени завершена: нижняя половина – ноги и живот – вырезана полностью, верхняя часть намечена в общих чертах. Вторая фигурка выполнена более обобщенно: лишь ноги спереди разделены неглубокой чертой. Головы у обеих фигурок имеют одинаковый размер. Л. М. Тарасов проводит здесь интересное сравнение между этим изображением и погребением подростков на стоянке Сунгирь недалеко от Владимира. Он отмечает схожесть положения подростков в захоронении и позы переданного в этой фигурке изображения женщин [Тарасов, 1979. С. 138]. Это дает исследователям возможность интерпретировать значение венер в привязке к культу мертвых.

У *статуэтки № 6* 1967 года обнаружения, высотой 5,7 см отсутствует голова и ноги ниже колен: они были утрачены еще в древности. Для нее, как и для венеры № 4, характерны соразмерность пропорций и высокий реализм исполнения; особенности фигур у этих статуэток схожи. З. А. Абрамова пишет о ней, как о наиболее выразительной из всех гагаринских Венер [Абрамова, 2010. С. 247].

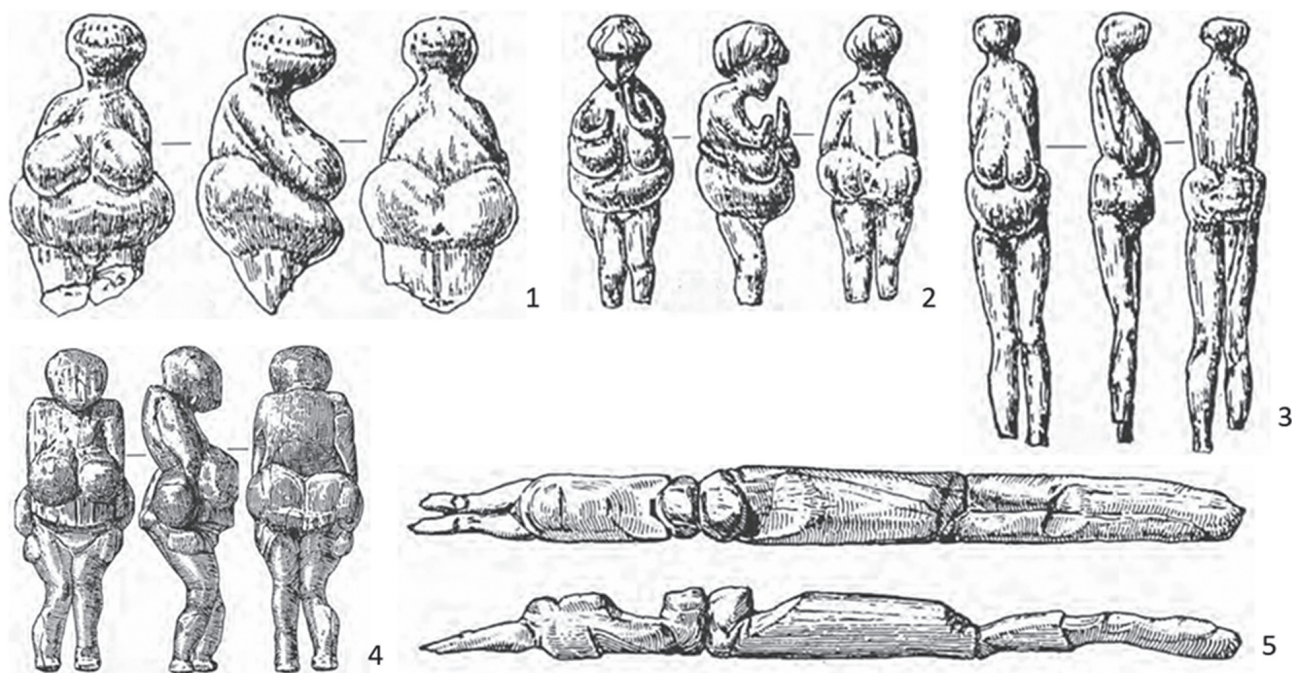

Рис. 2. Палеолитические венеры с Гагаринской стоянки [Абрамова, 2010. С. 245–247]

Статуэтка № 7, найденная в 1968 г., была обнаружена в мешаном грунте при повторном исследовании жилища, которое уже изучалось С. Н. Замятниным в 1927 г. Эта фигурка является весьма своеобразной. Она имеет довольно большую высоту – 17,7 см, а в целом виде могла бы быть все 19 см. Она представляет собой тонкий, лишенный каких-либо деталей стержень с небольшой уплощенной головкой сверху. Поверхность скульптуры гладкая. Это изображение очень выделяется среди вышеперечисленных статуэток, хотя на других стоянках ему имеются аналогии [Тарасов, 1979. С. 140]. Из-за отсутствия деталей нельзя точно сказать, кто изображен здесь – женщина или мужчина – поэтому исключать ее из этого перечня все же нельзя.

Далее идет группа фрагментов. Среди находок 1927 г. есть совсем миниатюрная фигурка, высотой лишь 2,3–2,4 см. Она обломана на верхнем и нижнем концах и передает изображение женщины в сильно схематизированном виде. Следующий экземпляр тоже представляет собой обломок высотой 4,4 см. На фрагменте можно различить выпуклый живот, плоскую седалищную часть и плотно сжатые, чуть согнутые в коленях ноги. Еще один фрагмент имеет высоту 7,2 см. В данном случае намечена лишь голова, плечи и верхняя часть груди. Вероятно, все эти 3 фигурки не были завершены из-за поломки в процессе изготовления.

Кроме того, имеется еще несколько более мелких обломков миниатюрных скульптур. Один из них является фрагментом обломанной в древности ноги, предположительно правой, небольшой скульптуры, высотой всего 2 см. С. Н. Замятнин считал этот фрагмент утраченным, однако он находится в коллекции МАЭ вместе с остальными находками, и его в своей работе несколько позже осветил Л. М. Тарасов [Тарасов, 1972. С. 193]. С. Н. Замятнин упоминает еще пару небольших фрагментов. Один из них представляет собой обломок женской груди, а второй представляет собой фрагмент мало определенной формы, вероятно, тоже являвшийся частью Венеры [Замятнин, 1935. С. 69].

В 1968 г. в тех же условиях, что и статуэтка № 7 был обнаружен еще один экземпляр, собранный позднее из небольших обломков [Тарасов, 1979. С. 139]. У этой статуэтки полностью разрушена лицевая сторона, противоположная сохранилась лучше. В целом корпус довольно массивный. Голова, судя по фрагмен-

ту, могла иметь в верхней части заостренные очертания. В области поясницы виден небольшой прогиб, выше же спина прямая. Седалищная часть и остальная сохранившаяся поверхность лишены каких-либо деталей, что позволяет предположить, что фигурка не была закончена.

Среди находок есть еще небольшой фрагмент, найденный в 1966 г. и представляющий собой головку антропоморфной статуэтки с небольшой частью корпуса, собранную из двух обломков. Высота фрагмента 1,9 см. Поверхность головки ровная, без каких-либо следов орнамента [Тарасов, 1979. С. 142].

Практически все фигурки и их обломки были обнаружены в жилище на значительном расстоянии друг от друга. Среди них выделяется разный конституционный тип: от очень полной до заметно худощавой. М. Д. Гвоздовер выдвигала версию о том, что наличие статуэток разного типа телосложения может говорить об изображении женщин разного репродуктивного возраста [Гвоздовер, 1985. С. 28]: так, можно предположить, что статуэтка № 1 показывает достаточно пожилую женщину, а фигурка № 3 – молодую. Свою классификацию женских статуэток по типам телосложения выдвигала и З. А. Абрамова [Абрамова, 1962. С. 56]. Рассматривая гагаринские венеры более подробно, можно заметить, что помимо характерного для стоянки гагаринско-хотылевского типа некоторые фигурки имеют черты костенковско-авдеевского типа, если не полностью, то частично, то есть нельзя говорить о существовании здесь одного «чистого» типа венер.

Интересно отметить и то, что новая коллекция в значительной степени отличается от старой. Венеры из коллекции Л. М. Тарасова выполнены с куда большим реализмом. Вероятно, это может объясняться тем, что они были изготовлены в разное время и разными мастерами, а также наполнены разным смысловым содержанием, которое мастера вкладывали в свои изделия. Хотя на самом деле причин этому может быть гораздо больше. Также наличие здесь фигурок различной степени обработки позволяет проследить процесс их изготовления.

Кроме того, обнаружение таких экземпляров, как фигурка № 2 с поднятыми руками или двойная статуэтка, аналогов которых до этого найдено не было, позволяют по-новому взглянуть на интерпретацию значения фигурок и, возможно даже, вывести новые теории их происхождения и предназначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З. А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2010. 304 с.
- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 150 с.
- Гаврилов К. Н. Типология, иконография и археологический контекст женских статуэток восточного гравейта Русской равнины // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 4. С. 93–109.
- Гвоздовер М. Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. 1985. Вып. 75. С. 27–66.
- Замятин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края: Каменный и бронзовый век Воронежской губернии. Воронеж: Тип. 1 отд. Автономного упр. , 1922. 16 с.
- Замятин С. Н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО) // Изв. ГАИМК. Москва; Ленинград, 1935. Вып. 118. С. 26–77.
- Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Ленинград: Наука, 1979. 168 с.
- Тарасов Л. М. Скульптура Гагаринской палеолитической стоянки // Палеолит и неолит СССР. Ленинград, 1972. №185. Т. 7. С. 193–201.
- Хлопачев Г. А. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. Санкт-Петербург: Экстрапринт, 2016. 384 с.

A COLLECTION OF PALEOLITHIC VENUS FIGURINES FROM THE GAGARINO SITE ON THE UPPER DON

A. A. Shiryayeva

*Voronezh State University
(nastya.shiryayeva.03@mail.ru)*

Abstract. Paleolithic Venus figurines, which are anthropomorphic statuettes depicting women, are one of the most striking examples of small-form art from the Upper Paleolithic era. In the Upper Don region, they were found at the Gagarino site. During the 1920s and 1960s, 15 figurines, including small fragments, were discovered at this site. They all have a number of common features, as well as distinct individual characteristics. This publication provides a detailed analysis of unique specimens (such as the double statuette, the "dancing Venus," and the sculpture with raised arms) that may influence researchers' conclusions about the origin and significance of Paleolithic Venus figurines in general.

Key words: Paleolithic Venus, Gagarino site, Upper Paleolithic, sculpture, female figurines.

Научный руководитель Ширяевой А. А. – Захарова Е. Ю., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира.

ОБРАЗ АНТАГОНИСТА В ОСНОВНОМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ МИФЕ

И. М. Максимов

Воронежский государственный университет
(ivmax2710@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье рассматривается образ противника громовержца в основном индоевропейском мифе, встречающемся в ведийской, иранской, армянской, греческой, германо-скандинавской и балтийской мифологиях. Выявлена его семантика и охарактеризованы отдельные специфические черты и особенности данного архетипа, присущие различным мифологическим системам.

Ключевые слова: индоевропейская мифология, основной индоевропейский миф, Вритра, Тифон, Вала, Велняс.

Общим для всех индоевропейских мифологических систем является основной миф, сюжет которого повествует о борьбе небесного божества со своим змееподобным противником-демоном. Распространение этой мифологемы весьма велико, мы можем наблюдать ее в большинстве индоевропейских систем: ведийской, иранской, армянской, греческой, германо-скандинавской и балтийской. Сюжет при этом будет варьироваться от системы к системе, но, в целом, мы можем вычленивать относительно единую канву событий: в центре повествования находится поединок громовержца со змеем [Иванов, Топоров, 1980. С. 530], оканчивающийся победой первого.

Змееборческий миф широко распространен среди индоевропейских народов и имеет важное значение, он логически проистекает из космогонических мифов, повествующих о выделении из первобытного хаотического начала организованного космоса и сотворении упорядоченного мира и предшествует эсхатологическим мифам, являющимся по сути своей завершением цикла существования упорядоченной вселенной и в то же время началом появления новой. Таким образом, змееборческий мотив занимает важное, иногда центральное место во многих индоевропейских мифологиях.

Если сам змееборец в подавляющем большинстве случаев является высшим божеством, то его враг, как правило, является представителем более низкого, чудовищного ранга существ. Таковыми являются принадлежащий к вишапам Аждахак у армян или относящийся к ажи Ажи-дахака в иранской мифологии. Несомненным также остается более низкое по-

ложение в мифологической иерархии Вритры, Ахи будхньи и Вала по отношению к Индре в ведийской мифологии, Ермунганда по отношению к Тору в германо-скандинавской и Пифона и Тифона к Апполону и Зевсу в греческой соответственно.

В наименованиях противника громовержца мы можем выделить два корня: *uel-: др.-рус. Велес, Волос, литов. Velnias, Vielona, латыш. Veins, Vels, др.-инд. Vala, Vritra, и *Budh: др.-инд. Ahi budhnya, «змея глубин», где ahi, как и др.-иран. Aji dahaka «Змей Огненный», закономерно продолжает индоевропейское *ngwhi, «змея» – отсюда же др.-греч. Πυθών «Пифон» [Иванов, Топоров, 1980. С. 530].

Крайне показательной является враждебность перечисленных выше чудовищ, проявлением которой может служить, в том числе, внешний вид. Особо ярко эти черты выделяются, например, в греческой мифологии в образе сына Тартара и земли Геи Тифона, обладающего сотней драконьих голов и извивающимися кольцами змей вместо ног [Лосев, 1982. С. 514].

Характерной особенностью всех фигурирующих в основном индоевропейском мифе демонических существ является их змееподобный облик. Змеями или драконами являются уже упоминаемые нами Ермунганд, Ахи будхнья, ажи-дахака, аджахак, Пифон и хеттский Иллуянка. Змеиные черты присутствуют в образе Тифона и Вритры. Эта особенность имеет для нас большое значение, т. к. в представлении многих из рассматриваемых нами систем змеи соотносятся с землей [Иванов, 1980. С. 468]. В этом плане показательным характерно для индоевропейских мифологий расположение змей у корней символизирующего вертикальную трехчленную структуру мира мирового древа [Топоров, 1980. С. 400; Топоров, 1980.

С. 445]. Например, змеи, которые гложут корни Игд-расилля [Мелетинский, 1980. С. 478]. Все это позволяет нам приурочить рассматриваемых нами змееподобных персонажей к низу – нижнему царству.

Другой характерной особенностью является частая связь этих персонажей с водой: Ермунганд обитает в мировом океане, матерью преграждающего течение рек [Топоров, 1980. С. 253] Вритры (др.-инд. Vritra, букв. «затор», «преграда») является связанная с водами Дану [Топоров, 1980. С. 353] (др.-инд. Danu, «поток»), в хеттских текстах встречаются упоминания «морского Иллуянки» [Иванов, 1980. С. 506], отмечается также связь с водоемами балтского Велняса [Иванов, Топоров, 1980. С. 228] и армянских вишапов [Арутюнян, 1980. С. 237]. Эта особенность также крайне важна, т. к. в индоевропейских мифологиях водная стихия, как первоначальное, исходное состояние всего сущего [Аверинцев, 1980. С. 240] в лице, например, мирового океана [Топоров, 1982. С. 249], часто связывается с первоначальным хаосом [Топоров, 1982. С. 581], который традиционно противопоставляется космосу [Топоров, 1982. С. 9]. Важно отметить, что хаос также в модели мира, как правило, относится к нижнему царству [Топоров, 1982. С. 9], что только подчеркивает целостность образа змееподобного противника.

Подытоживая все изложенное выше, мы можем предположить, что он выступает, по всей видимости, олицетворением хаоса, приуроченного к низу. На такую принадлежность нам указывают все перечисленные черты: змееподобность, хтоничническая сущность, связь с землей, с одной стороны, и с водой, с другой, чудовищность и враждебность по отношению к богам.

Несмотря на то, что во всех рассматриваемых нами мифологиях антагонист имеет схожую семантику, остается ряд интересных характерных особенностей, мотивов, параллелей и микросюжетов, характерных для тех или иных отдельных вариаций мифа.

Как было рассмотрено нами выше, одной из черт, присущих антагонисту, является связь с водой. Однако интересной особенностью греческой мифологии является то, что в ней противостоящие громовержцу змееподобные чудовища обычно не соотносятся с водной стихией. Убитый Аполлоном змей Пифон рожден землей-Геей [Тахо-Годи, 1982. С. 316], сыном ее же и Тартара является Тифон (по другой версии его породила Гера, ударив рукой о землю) [Лосев, 1982. С. 514]. Однако учитывая, что в греческой мифологии Гея принадлежит к архетипу, соответствующему земле богини-матери [Тахо-Годи, 1980. С. 300], которая в

представлении многих мифологических систем, в свою очередь, соотносится с первобытным хаосом [Рабинович, 1980. С. 467], и что с землей может отождествляться другой эквивалент первобытного хаоса – водная стихия [Аверинцев, 1980. С. 240], мы можем сказать, что в греческой разновидности мифа, несмотря на связь антагониста с землей, а не водой, сохраняется основная семантика образа.

Среди всех родственных друг другу антагонистов особо выделяется параллель Вала – Велняс или Велс. Мифологемы с участием этих персонажей имеют близкое сюжетное родство, и в то же время свою, несколько обособляющую их от других вариантов специфику. Во-первых, для Вала и Велняса не свойствен змеиный облик, являющийся одной из определяющих черт антагониста основного индоевропейского мифа. Очевидными также являются достаточно ярко выраженные созвучность и родство этих имен. Кроме того, в мифе с их участием особенно выделяется подсюжет с похищением скота. Антагонист укрывает похищенное стадо в пещере, после победы громовержца следует освобождение этого скота, которое часто бывает сопряжено с природными явлениями: зарей [Топоров, 1980. С. 210] или дождем [Иванов, Топоров, 1980. С. 154]. Принимая во внимание то, что Велс в балтийской мифологии выступает богом загробного мира и скота [Иванов, Топоров, 1980. С. 228], что по некоторым индоевропейским представлениям загробный мир является пастбищем (др.-греч. название его – *Νηυσίος λαίμων* – Елисейские поля с тем же корнем *ual-, а также тохарск. *Awal*, «умирать», *walu* и лувийск. *ulant*, «мёртвый») [Иванов, Топоров, 1980. С. 228], а также то, что пещера в мифологических системах может выступать как место – с одной стороны – рождения, а с другой – погребения [Топоров, 1982. С. 311], и часто бывает включена в комплекс жизнь-смерть-плодородие [Топоров, 1982. С. 311], мы можем предположить, что в данном случае с основным индоевропейским мифом оказались сопряжены не настолько явственно просматривающиеся в других вариациях мотивы цикличности, смерти и возрождения.

Спецификой скандинавского варианта мифа является то, что образ антагониста громовержца – Ермунганда, видимо, первоначально являлся положительным, неся в себе черты элемента пространственной системы [Мелетинский, 1980. С. 436], что выражается в эпитете «Мидгардорм» (др.-исл. *Midgardsormr*) – «змей Мидгарда» [Мелетинский, 1980. С. 436]. Ермунганд выполняет функции мирового змея, обитая в океане, окружающем Мидгард [Мелетинский, 1980.

С. 150]. Связь змея с мировым океаном, его прямое родство с другими хтоническими чудовищами [Мелетинский, 1980. С. 436] лишь подчеркивает то, что он является олицетворением хаоса в этой вариации интересующего нас мифа. Интересным является то, что змеборческий миф в германо-скандинавской мифологии сопряжен с эсхатологическим. Укрощенный в космологических мифах Ермунганд вместе с другими чудовищами вырывается на свободу в Рагнарек [Мелетинский, 1982. С. 362], в ходе которого впоследствии происходит поединок громовержца со змеем. Исходя из того, что скандинавский эсхатологический миф продолжает в своей семантике мотив борьбы хаоса и космоса и, принимая во внимание, что германо-скандинавская мифология в принципе состоит из космологических и эсхатологических мифов, в ходе которых симметрично повторяются в том числе одни и те же поединки богов и чудовищ [Мелетинский, Гуревич, 1980. С. 288], мы все равно можем отнести этот сюжет к разновидности основного индоевропейского мифа,

несмотря на кажущиеся различия. Здесь можно увидеть интересную параллель с иранской мифологией, где победа Тразтаоны над Ажи-дахакой также не является окончательной: закованный в цепи над жерлом вулкана Демавенд, он освободится перед концом мира и падёт от другого иранского драконоборца – Керсасы [Лелеков, 1980. С. 50].

Таким образом, мы можем резюмировать, что для образа антагониста в основном индоевропейском мифе, встречающемся в большинстве индоевропейских мифологических систем (ведийской, иранской, армянской, греческой, германо-скандинавской и балтийской) характерны схожие черты: змееподобность, хтоничность, связь с землей и водой, чудовищность и враждебность по отношению к богам. Все это позволяет нам сделать выводы о семантическом значении данного образа: олицетворение соотносимого с низом хаоса, по всей видимости, вступающего в рамках основного индоевропейского мифа в антагонизм с верхом и космосом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 240.
 Арутюнян С. Б. Вишапы // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 237.
 Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 468–471.
 Иванов В. В. Иллуянка // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 506.
 Иванов В. В., Топоров В. Н. Балтийская мифология // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 153–159.
 Иванов В. В., Топоров В. Н. Велняс // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 228.
 Иванов В. В., Топоров В. Н. Велс // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 228–229.
 Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 527–533.
 Лелеков Л. А. Ажи-дахака // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 50.
 Лосев А. Ф. Тифон // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 514–515.
 Мелетинский Е. М. Ёрмунганд // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 436–437.
 Мелетинский Е. М. Иггдрасиль // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 478–479.
 Мелетинский Е. М. Мидгард // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 150.
 Мелетинский Е. М. Рагнарек // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 362–363.
 Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 284–292.
 Рабинович Е. Г. Земля // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 466–467.
 Тахо-Годи А. А. Гей // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 300.
 Тахо-Годи А. А. Пифон // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 316.
 Топоров В. Н. Вала // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 210.
 Топоров В. Н. Вритра // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 253.
 Топоров В. Н. Дану // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 353.
 Топоров В. Н. Дерево мировое // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 398–406.
 Топоров В. Н. Животные // Мифы народов мира. Москва, 1980. Т. 1. С. 440–448.
 Топоров В. Н. Космос // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 9–10.
 Топоров В. Н. Океан мировой // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 249–250.
 Топоров В. Н. Пещера // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 311–312.
 Топоров В. Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира. Москва, 1982. Т. 2. С. 581–582.

THE IMAGE OF THE ANTAGONIST IN THE MAIN INDO-EUROPEAN MYTH

I. M. Maksimov

*Voronezh State University
(ivmax2710@yandex.ru)*

Abstract. This article examines the image of the thunderer's opponent in the main Indo-European myth, found in Vedic, Iranian, Armenian, Greek, Germanic-Scandinavian and Baltic mythologies. Its semantics are revealed and some specific features and characteristics of this archetype inherent in various mythological systems are considered.

Key words: indo-European mythology, main Indo-European myth, Vritra, Typhon, Vala, Velnias.

Научный руководитель Максимова И. М. – Захарова Е. Ю., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира.

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ И КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ НАРОДОВ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

М. М. Мешкова

Воронежский государственный университет
(masameskova25020@gmail.com)

Аннотация. В данной статье рассмотрено место женщины в древних государствах Месопотамии, таких как Шумер, Аккад, Вавилон и Ассирия; охарактеризованы различные богини пантеона того или иного времени, роль женщин в обрядах и повседневных религиозных ритуалах, а также отображение женского облика в культовых предметах и сооружениях.

Ключевые слова: Месопотамия, культовые сооружения, женщина в религии, мифология.

Месопотамия, расположенная между реками Тигр и Евфрат, считается колыбелью цивилизации и одним из древнейших центров развития религиозной мысли [Коростовцев, 1983. С. 30]. Несмотря на патриархальный уклад жизни, женщина в древних цивилизациях Месопотамии играла значительную роль в религиозных обрядах и культовой практике. Её образ в культовых сооружениях и мифологии отражался как символ жизни, плодородия и материнства. В данной статье мы рассмотрим, как женский образ был отражён в древних верованиях Месопотамии, а также как он был воплощён в архитектуре храмов и святилищ того времени.

В Шумере поклонялись огромному количеству божеств, среди которых были и боги в женском облике. Самыми первыми богами считаются супруги Ки (богиня земли) и Ан (олицетворение неба), однако, богиню Ки не почитали наравне с супругом. Некоторые исследователи сомневаются в существовании культа богини, так как упоминания о ней встречаются лишь в некоторых текстах о сотворении мира – согласно одному из мифов, небо и земля изначально представляли собой гору, с основанием в виде земли и верхушкой – небом. От союза небесного бога Ану и богини земли Ки родился бог воздуха Энлиль, отделивший небо от земли [Снегоцкий, 2019. С. 5]. С. Н. Крамер отождествляет Ки с шумерской богиней-матерью Нинхурсаг, также известной как Нинмах, Намму, Нинту [Крамер, 2023. С. 143]. Она долгое время почиталась в Месопотамии и имела огромное число последователей. Согласно мифам, Нинхурсаг управляет всеми природными процессами. Ещё одной

почитаемой богиней была Инанна. Согласно представлениям шумеров, она являлась богиней войны и любви, была воплощением утренней звезды Венеры, а также почиталась как покровительница города Урук. Согласно одному из мифов, она выманила у своего отца Энки «таблицы судьбы», с помощью которых Инанна приносит в Урук блага цивилизации, в первую очередь, символы власти – корону, трон и скипетр [От начала начал, 1997. С. 59]. Помимо вышеупомянутых богинь в пантеоне шумеров существовало немало других – владычица родов Нинту (один из образов богини-матери), богиня ремесла Нинмуг, Нидаба – покровительница письма и науки. Женские божества шумера отвечали за многие важные составляющие жизни шумеров – деторождение, ремесло, различные науки и многое другое.

Если говорить об участии женщин в религиозной жизни, можно отметить жриц при различных храмах. В Шумере служителями божества могли стать не только мужчины, но и женщины. Самыми почитаемыми считались жрицы-лукур. Ими становились девушки из наиболее знатных семей, и из их числа выбиралась «невеста бога», вместе с правителем принимавшая участие в ежегодном обряде «священного бракосочетания».

Женские образы встречаются в архитектуре храмов, в скульптурах и печатях. Одним из первых памятников монументального строительства стал храм в Уруке, посвященный богине-покровительнице этого города – Инанне. Так называемый «Дом небес» был украшен колоннами, нишами, резными изображениями и росписями (рис. 1). Храм состоял из открытого внутреннего двора и святилища, в глубине которого располагалась статуя богини [Якобсен, 1995. С. 91].

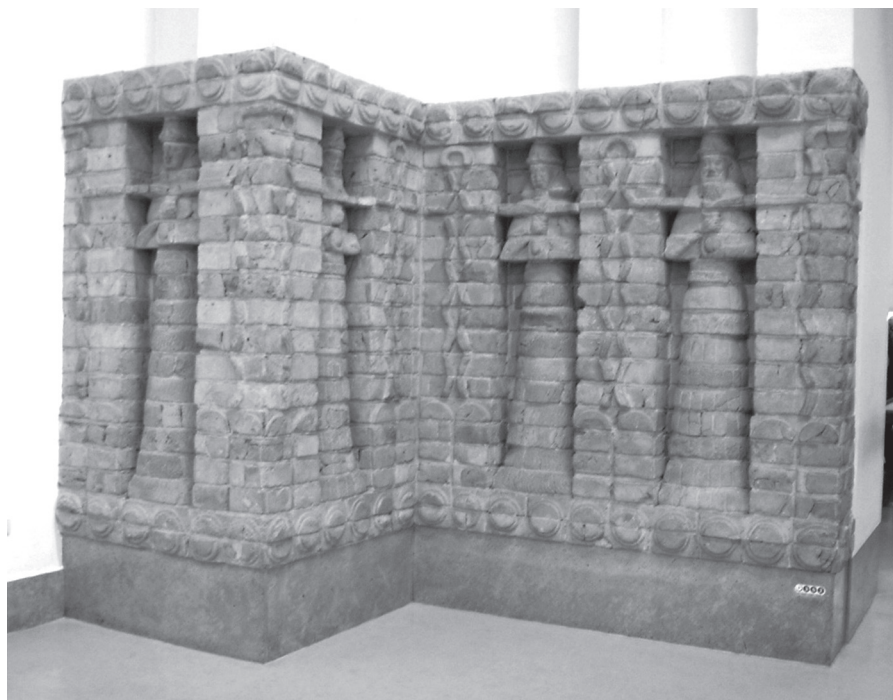

Рис. 1. Фрагмент стены храма Инанны в Уруке

Ещё одним значительным памятником является храм богини–матери Нинхурсаг в Уре. Храм имел прямоугольную форму с выступами и нишами, в которых стояли медные фигурки быков [Якобсен, 1995. С. 127].

Аккадцы переняли основной пантеон богов от шумеров, при этом содержания мифов могли отличаться (кроме мифов о «Сошествии Иштар в подземное царство» и о «Потопе»). Но основной пантеон богов аккадцы переняли от шумеров. Так, богиня подземного царства Эрешкигаль почиталась и аккадцами, и шумерами, однако ее муж Нергал у аккадцев выдвинулся на первый план и затмил свою супругу в то время, как у шумеров он не играл важной роли. Богиня Инанна была известна в Аккаде как богиня плодородия, любви и войны Иштар и являлась одной из основных богинь пантеона. Она также ассоциировалась с Венерой и была изображена как женщина с львиной головой и крыльями на спине. В одном из мифов о сотворении мира главную роль играет богиня-мать Мами (Аруру), которая также известна шумерам под именем Нинхурсаг. Позже ее имя встречается и в вавилонском эпосе о сотворении мира Атра-Хасис. Аккадцы также почитали шумерскую богиню плодородия Бау, богиню ткачества Утту и многих других.

В период существования Аккадского государства женщины были также вовлечены в жреческую деятельность. Самой знаменитой жрицей этого периода

считается Энхедуана – автор первого в истории стихотворения. Она была аккадской царевной, дочерью первого царя Аккада Шаррумкена (Саргона Древнего) и жрицей при храме бога Нанны в Уре [От начала начал, 1997. С. 18]. Несмотря на то, что она являлась жрицей в храме лунного бога, Энхедуана называет вдохновительницей своего творчества богиню Инанну, которой посвятила две большие молитвы-сказания [От начала начал, 1997. С. 18]. Её известность также связана с тем, что шумерские тексты, как правило, не называют автора, а Энхедуана подписывала свои тексты, благодаря чему их смогли идентифицировать. Царевны становились жрицами не так уж редко, это было своеобразной традицией, способом правителя укрепить свою власть и при помощи дочери получить благосклонность и покровительство богов. Также, как и в Шумере, в Аккаде верховная жрица становилась богу-покровителю города «священной супругой» и выполняла роль жены в повседневной жизни.

В древнем Вавилоне пантеон богов также отчасти состоял из шумерских божеств, но анализ мифологии показывает, что произошло дальнейшее развитие. Например, миф о сошествии Иштар в преисподнюю в аккадской мифологии имеет несколько отличных от изначальной шумерской версии черт. В шумерской версии мифа Иштар спускается по неизвестным причинам в царство мертвых к своей сестре Эрешкигаль – владычице подземного мира. Она надела свои царские

одежды перед входом в мир и при проходе через 7 врат преисподней снимала их с себя. Иштар предстает перед своей сестрой и ануннаками, которые своим взглядом превращают ее в труп. Однако, Энки посылает две фигурки – кургарру и калатурру – чтобы они оживили богиню. По закону, все, что когда-либо попадает в подземное царство, не может покинуть его, не найдя себе замены, и Иштар посылает своего мужа Думузи вместо себя.

В вавилонском варианте мифа также не объясняются причины сошествия Иштар в преисподнюю, однако в конце, уже после освобождения богини, Таммуза (Думузи) представляют как брата и возлюбленного Иштар [Емельянов, 2007. С. 105]. Также в этой версии истории говорится о всеобщем бесплодии, накрывшем землю после ухода Иштар в страну мертвых. Сам момент сошествия мало чем отличается, однако в вавилонской версии Иштар предстает в более агрессивном виде, угрожая снести ворота в преисподнюю и выпустить всех мертвых, если ее не пропустят. В этой отличительной особенности можно увидеть страх вавилонян перед душами умерших. В вавилонской версии Иштар также снимает одежды при прохождении через врата, однако ануннаки Эрешкигаль не превращают ее в труп.

Также отличается и миф о сотворении мира, одну из главных ролей в котором играет богиня Тиамат. Миф о творении нашел свое воплощение в эпической поэме «Энума Элиш», что переводится как «когда вверху...» и соответствует первым строчкам повествования [Якобсен, 1995. С. 147]. Рассказ начинается со времён, когда не существовало ничего, кроме океана пресной воды Апсу и океана солёной воды Тиамат. Из их союза на свет появляются боги, шум от которых со временем надоедает паре, и они обсуждают, как им избавиться от них. Тиамат не стремится к убийству, но Апсу уже разрабатывает план. Младшие боги, прознав о намерениях Апсу, убивают его. Тиамат готовится отомстить за мужа, но погибает от рук Мардука [Емельянов, 2007. С. 388], ставшего позднее главным божеством вавилонского пантеона богов.

Основная обязанность верховной жрицы со временем не изменилась – ей нужно было вступить в священный брак с божеством-покровителем города. Священный брак в Месопотамии был важным ритуалом плодородия, воспроизводящим первозданный акт творения всего живого и гарантировавшим продолжение жизни. В сакральные обязанности верховных жриц также входило регулирование ритуальных обязанностей других жриц. Они воспевали божество своего храма и других богов месопотамского пантео-

на, передавали богам подношения людей и сообщали правителям и народу волю богов. По традиции, верховные жрицы были дочерьми царей и служили всю жизнь, с раннего возраста.

Кроме того, в Вавилоне существовал еще один класс жриц – надиту. Они проживали в обителях гагум на территории храмового комплекса [Бастракова, 2019. С. 90]. Надиту становились либо девушки, которые не смогли выйти замуж, либо те, чьи отцы не хотели отдавать вместе с дочерью и приданое. В случае, если в гагум поступала девушка из знатной семьи, отец платил ежегодные подношения – пикиттум, если семья была бедная – платило государство. Однако, со временем слишком много девушек из бедных семей становились надиту, поэтому позже был принят закон, обязывающий семью девушки самим оплачивать ее становление надиту.

В Вавилоне также культовые постройки посвящались богиням, в частности, богине Иштар. В одном из храмовых помещений современного Вавилону города Мари была найдена алебастровая статуя богини Иштар (рис. 2). Из кувшина, который она держит в руке, когда-то лилась вода.

Рис. 2. Статуя богини Иштар из Мари

Также богине Иштар были посвящены восьмые ворота стен Вавилона – так называемые ворота Иштар (рис. 3). Они находились с северной стороны в городской стене и представляли собой полукруглую арку, ограниченную с двух сторон стенами. Ворота были

покрыты синей краской с орнаментами желтого, белого и черного цветов. Городская стена, башни ворот были сложены из обожжённого кирпича, причём на отдельных кирпичах были сделаны рельефным штампом фигуры идущих животных.

Рис. 3. Ворота богини Иштар

«Рельеф Бёрни» (Царица Ночи, ок. 1800–1750 до н. э.) – терракотовый рельеф, изображающий крылатую, обнаженную женскую фигуру с птичьими лапами, стоящую на львах и окруженную совами (рис. 4). Она носит головной убор, украшенный рогами. Эта мощная и загадочная фигура, возможно, представляет Иштар или Эрешкигаль, или же гибридную хтоническую богиню [Albenda, 2005. Р. 175].

В эпоху ассирийского владычества в Месопотамии господствовали те же шумеро-вавилонские боги, однако пантеон был пополнен ассирийскими племенными и национальными божествами, а некоторые боги изменились в представлении ассирийцев. Так, богиня плодородия и любви Иштар превратилась в грозную воительницу. В одной ассирийской молитве она изображалась в одежде из пламени [Карамазов, 2011. С. 51]. Она распространяла вокруг себя ужасающий блеск и при случае готова была обрушить огненный дождь на неприятельскую страну. Однако, она все еще оставалась богиней любви и плодородия, была олицетворением гуманности [Карамазов, 2011. С. 51].

Рис. 4. Рельеф Берни

С последним значением связан миф о ее сошествии в преисподнюю. В ассирийском варианте мифа Иштар спустилась в подземный мир, чтобы добыть своему мужу Даммузу, раненому кабаном, живой воды из источника подземного мира. Кроме того, Иштар «раздвоилась», воплотившись в двух богинь, покровительниц разных ассирийских центров: Иштар Ниневийскую и Иштар Арбельскую [Садаев, 1979. С. 190]. Богиней-матерью ассирийцев была Эрва, а божеством-покровителем – Ламассу. В шумерской мифологии она изображалась как богиня, но со времен Ассирии стала изображаться как гибрид человека, птицы и быка или льва с птичьими крыльями.

В IX в. до н. э. в анналах упоминается вавилонянка царица Шаммурамат, жена Шамшиадада V [Якобсон, 1999. С. 121]. Она занимала необычайное для ассирийской царицы положение. Под ее влиянием в Ассирии был введен культ бога Набу. Шаммурамат – единственная царица в многовековой истории Ассирии, правившая вполне самостоятельно. В период ее правления происходили частые войны с мидянами и народами севера. Мидяне впервые познакомились со всем блеском ассиро-вавилонской культуры, вследствие чего у них сложилась легенда о Семирамиде, прообразом которой была Шаммурамат. Согласно легенде, царь Ассирии Нин женился на Семирамиде

после того, как она вместе со своим первым мужем штурмом заняла крепость. Нина впечатлила её храбрость, и он взял Семирамиду в жёны. Она так обворожила царя, что он передал власть ей. При царице страна процветала, а ее военные успехи затмили походы ее супруга. Однако, она узнала, что ее сын подготовил заговор, поэтому добровольно отдала ему власть. Сама Семирамида обратилась в голубку и улетела из дворца. С тех пор ассирийцы почитают Семирамиду как богиню.

Жрицы также не утратили своей актуальности в ассирийский период. Божества женского рода обслуживались жрицами, также объединявшимися в различные касты. Среди них были так называемые «святые девы», посвятившие себя богу и жившие как затворницы, и «священные блудницы», отдававшие доход от проституции храму.

Сохранилось несколько предметов религиозного культа ассирийского периода. В 1992 году была обнаружена статуя Ламы (рис. 5) – ассирийского божества-покровителя с птичьими крыльями. Она была установлена у входа в Дур Шаррукин. С ассирийских времен Лама чаще изображается в виде гибрида человека и животного и не имеет женских черт, но в некоторых произведениях все же обозначалась как богиня.

Рис. 5. Статуя Ламы у входа в Дур Шаррукин

Также стоит сказать о значении данной темы в новейшее время. Отражение женщины древней Месопотамии в современном искусстве представляет собой интересный и сложный процесс, который сочетает в себе исторические, культурные и художественные аспекты. Древняя Месопотамия, как одна из первых цивилизаций, оставила глубокий след в истории человечества. Женщины в этой культуре играли важные роли – как в религиозной жизни, так и в семейной и общественной сферах.

Самое знаменитое произведение Междуречья – «Эпос о Гильгамеше» – стало вдохновением для многих современных авторов. Например, древнейший герой по-прежнему интересен русскому театру. 15 марта 2025 года на сцене ТЮЗа состоялась премьера спектакля «Легенда о Гильгамеше» [Легенда о Гильгамеше, URL]. Его поставил турецкий режиссёр Биркан Гёргюн.

По сюжету, чтобы усмирить грозного и жестокого царя Гильгамеша, богиня Аруру создает из глины его соперника – могучего дикаря Энкиду. Узнав об этом, мать Гильгамеша отправляет на встречу с ним прекрасную Шамхат, которая помогает Энкиду стать человеком и приводит его в город. Встретив Гильгамеша, Энкиду предлагает ему померяться силами. После поединка они становятся друзьями и вместе побеждают чудовище Хумбабу. Это вызывает гнев богов, и Энкиду умирает.

Гильгамеш, потеряв друга, осознает, что человек смертен, и уходит на поиски секрета вечной жизни [Хук, 2005. С. 23]. От Утнапиштима он узнает о существовании травы бессмертия. Но ему не удастся воспользоваться ей. Внезапно появившаяся змея, посланная богами, крадёт траву, и Гильгамеш понимает, что не в силах изменить судьбу, уготованную ему свыше. Боги оказываются сильнее в играх с людьми. Он возвращается в город и решает жить и править городом Уруком во благо своего народа.

Несмотря на то, что главными героями являются мужчины, в эпосе немалое место занимают и женщины: богиня Сидури, которая дает совет Гильгамешу – предлагает ему вместо того, чтобы стремиться к бессмертию, принять смерть как неизбежную участь человечества, богиня Иштар, которая является одной из антагонисток эпоса. Немалую роль сыграла и храмовая блудница Шамхат, убедившая Энкиду проследовать за ней в город Урук, а также богиня Аруру, создавшая Энкиду из глины.

Также «Эпос о Гильгамеше» стал вдохновением для создания выставки «А Гильгамеш выйдет? Прогулка на край мира», которая проходила в Санкт-Пе-

тербурге с 26 декабря 2024 года по 2 февраля 2025 года [А Гильгамеш выйдет? URL]. В рамках выставки состоялась археологическая экспедиция во времени: посетители занялись расшифровкой клинописных табличек, расчищением стен древнего Урука и уроками шумерийского письма. Также в программе было строительство фрагмента зиккурата и настоящий разговор с шумерскими богами. Раскопки завершались спектаклем.

Еще одним проектом по мотивам эпоса стал спектакль «Весь Гильгамеш». В 2016 году независимый театр «LUSORES» представил в петербургском «Особняке» серию из шести спектаклей, основанных на древнем шумерском эпосе [Весь Гильгамеш, URL].

Мифология древней Месопотамии нашла отражение и в кинематографе. Например, мультфильм «Принцесса реки» («Царевна и река»), снятый в Ираке во время ирано-иракской войны совместно с мультипликаторами из Советского Союза. Мультфильм снят на основе древних легенд Вавилона и Шумера. В Лагаше умирает царь. Трём его дочерям нужно пройти 3 испытания, чтобы одной из них стать царицей, – переплыть Тигр, пересечь пустыню и подняться на гору Загрос. Принцесса Олмина оказывается успешнее всех (первых двух съело чудовище в реке), но с последним испытанием также не справляется.

Изучение роли женщины в религии Месопотамии и ее образа в культовых сооружениях представляет собой важную тему для исследования и понимания древних обществ. В ходе нашего исследования мы обнаружили, что женщины играли значительную роль в религиозной жизни месопотамского общества, принимая участие в ритуалах, культах и обрядах. Они были почитаемы как богини, жрицы и проводницы духовных практик.

Образ женщины в культовых сооружениях, таких как храмы, свидетельствует о ее важности и благоговении, с которым к ней относились. Мы видим, что образы женщин в изображениях символизировали материнство, плодородие, жизнь и смерть. Их исключительная роль в религиозной сфере неизменно подчеркивалась через архитектуру, искусство и ритуалы.

Исследование роли женщины в месопотамской религии позволяет нам лучше понять и оценить их значимость в древних обществах, их влияние на культурные и религиозные практики, а также их вклад в формирование мифологии и духовного мировоззрения данной эпохи. Осознание важности религиозной функции женщин в месопотамской культуре помогает нам переосмыслить и переоценить роль женщины в истории и культуре человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А Гильгамеш выйдет? URL: <https://www.akhmatova.spb.ru/a-gilgamesh-vyidet> (дата обращения: 10.06.2025).
- Бастракова А. Е. Особенности социально-правового статуса жриц надитум в старовавилонский период // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 1. С. 88–91.
- Весь Гильгамеш. URL: <https://spb.kassir.ru/teatr/ves-gilgamesh> (дата обращения: 10.06.2025).
- Емельянов В. В. Ассиро-вавилонский эпос. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 641 с.
- Карамазов В. Д. Всеобщая история религий мира. Москва: АСТ, 2011. 1502 с.
- Коростовцев М. А. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 1. Москва: Наука, 1983. 624 с.
- Крамер С. Н. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. Москва: Центрполиграф, 2023. 383 с.
- Легенда о Гильгамеше. URL: https://afisha.yandex.ru/saint-petersburg/theatre_show/legenda-o-gilgameshe-ti-uz-briantseva (дата обращения: 10.06.2025).
- От начала начал. Антология шумерской поэзии. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 496 с.
- Садаев Д. Ч. История древней Ассирии. Москва: Наука, 1979. 248 с.
- Снегоцкий А. Мифы-Религии-Цивилизации. Москва: Наука, 2019. 334 с.
- Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. Москва: Центрполиграф, 2005. 174 с.
- Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. Москва: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1995. 293 с.
- Якобсон В. А. Новоассирийская держава // История востока. Т. 1: Восток в древности / В. А. Якобсон. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 688 с.
- Albenda P. The Queen of the Night Plaque A Revisit // Journal of the American Oriental Society. 2005. Vol. 125, № 2. Pp. 171–190.

THE PLACE OF WOMEN IN THE RELIGIOUS VIEWS AND CULT PRACTICES OF THE PEOPLES OF ANCIENT MESOPOTAMIA

M. M. Meshkova

*Voronezh State University
(masameskova25020@gmail.com)*

Abstract. This article will examine the religious role of women in the ancient Mesopotamian states of Sumer, Akkad, Babylon, and Assyria. We will look at the various goddesses of the pantheon of a particular time, the role of women in rituals and everyday religious rituals, and the display of the female form in cult objects and structures.

Key words: Mesopotamia, religious buildings, a woman in religion, mythology.

Научный руководитель Мешковой М. М. – Захарова Е. Ю., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира.

ОБРАЗ КЛЕОПАТРЫ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Ю. Медведева

Воронежский государственный университет
(uAREmalady@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу рецепции образа Клеопатры в арабской литературной традиции. Цель работы – изучение представлений о древнеегипетской царице в сознании арабов, а также выявление эволюции ее восприятия в арабской культуре. При анализе средневекового романа аль-Муртади и пьесы «Смерть Клеопатры» Ахмада Шауки, написанной в начале XX в., прослеживается неизменная тенденция к идеализации образа Клеопатры. В романе царица представлена как мудрый, справедливый, стойкий духом и жертвенный правитель. Пьеса Шауки не только не отходит от данного канона, но и развивает его, наделяя рассматриваемый образ чертами раскаяния, искупления, доброты, чести и дополняя его особой эмоциональной связью. На этой основе делается вывод о том, что образ Клеопатры на протяжении многих веков остается предметом национальной гордости арабов.

Ключевые слова: Клеопатра VII, эллинистический Египет, Средние века, Окаши эль Дейли, аль-Муртади, Ахмад Шауки, арабская литература.

Эллинистический Египет издавна привлекает внимание исследователей. При этом наиболее привлекательным, помимо изучения синтеза с греческой культурой, служит рассмотрение большого количества выдающихся личностей. Пожалуй, наиболее яркой из них является последняя правительница Египта – Клеопатра VII Филопатор. Она, по мнению многих исследователей и историков, представляет собой одну из выдающихся личностей того времени, а ее образ считается одним из наиболее увлекательных и загадочных [El Daly, 2005. Р. 131]. Ее интригующая личность, ее необычайные знания и навыки, не свойственные женщине того времени, жизненный путь, политическая деятельность и вклад в историю по сей день делают Клеопатру предметом изучения для огромного количества историков, а также источником вдохновения для множества художественных произведений.

Большинство представлений о Клеопатре формировалось под влиянием европейской культуры. Начиная с античных источников, мы наблюдаем упоминания царицы в негативном ключе. Так, в своих трудах Плутарх и Иосиф Флавий называют ее «коварной обольстительницей» [Plut. Vit. 76]. Авторы делают акцент на ее грубости и малодушии [Jos. Flav. AJ. 3. 8]. Они дают ей довольно категоричную оценку, которая характеризует женщину как исключительно кровожадную [Plut. Vit. 83], жестокую и хитрую правительницу [Jos. Flav. AJ. 3. 5]. Однако совсем другая

картина предстает перед нами по мере изучения арабской литературы, которая, в свою очередь, не только отходит от демонизации образа Клеопатры, но и возвеличивает его, делая символом национальной гордости.

Так, для того, чтобы проследить этот отход от образа Клеопатры, представленного в европейской традиции, изначально следует обратить внимание на средневековую литературу. В арабских источниках образ царицы предстает в неожиданно позитивном свете. Так, например, Клеопатра упоминается в довольно многочисленных арабских трактатах, посвященных различным научным открытиям. В этих трудах египетская царица предстает в образе ученого, внесшего значительный вклад в области алхимии [Ibn Hunain, 1954. Р. 163], медицины [Ibn Wahshiya, 1966. Р. 22], математики [Ibn Juljul, 1985. Р. 38]. Неоднократно в арабских источниках можно столкнуться с упоминанием Клеопатры как деятеля, проводящего придворные диспуты, в которых участвовали самые разные ученые [El Daly, 2005. Р. 131]. Царица была прославлена и своими строительными проектами, в число которых входили рытье каналов, королевский дворец на острове Фарос [Abd Al-Hakam, 1922. Р. 40], дамба Гептастадион и другое [Hughes-Hallett, 1990. Р. 100]. Однако в рамках данного исследования больший интерес вызывают именно художественные произведения.

Наиболее ярким из них, по нашему мнению, является роман о Клеопатре, написанный арабским

историком аль-Муртади, жившим в XII–XIII вв. [Vattier, 1666. P. 130]. Центральной фигурой романа является царица по имени Каруба или Харупет (иносказательное имя Клеопатры). Она показана как «молодая дева с мягкими манерами, нравом и большим умом» [Ibid. P. 130] и одновременно как «проницательная, хладнокровная женщина с большими политическими амбициями» [Ibid. P. 133]. Каруба, обладая желанием получить власть, отравила своего отца, тирана, который «правил железным кулаком и был ненавидим своим народом» [Ibid. P. 136]. После убийства отца, ее брат, также делая занять трон, стремился ликвидировать сестру. Однако он отступил, а затеянное так и не было осуществлено. При поддержке народа Каруба взошла на трон. Сразу же после возвышения она начала проводить активную внутреннюю политику, сопровождавшуюся социальными, экономическими и культурными реформами. Царица удвоила жалование солдатам, повысила ранги священников, ученых, придворных вельмож и магов, восстановила множество храмов [Ibid. P. 137].

Как мы видим, в романе прослеживаются основные события и элементы жизни Клеопатры. Анализ данного фрагмента дает нам понять, что царица была многогранной личностью. Ключевые и поворотные моменты жизни показывают проявляющееся в ней сочетание мягкости и хладнокровия, непоколебимости стремления и справедливости, амбиций и заботы, и это утверждение вызывает в очередной раз почтительность и уважение к этой женщине.

Следующий эпизод романа, который привлекает наше внимание – это приезд в Египет иностранного полководца по имени Габир или Габиний. Габиний, по совету своего врача, приехал в страну для исцеления болезни [Ibid. P. 138]. Однако эта цель была сопутствующей. Главная цель, которую преследовал полководец – захват Египта [Ibid. P. 139]. Габиний намеревался жениться на царице Карубе и таким образом завладеть властью. Данный эпизод очень схож с реальными историческими сведениями о встрече римского полководца Цезаря и Клеопатры, однако преподнесен в ином ключе со свойственными для художественного произведения иносказательностью, преувеличением и драматичностью. Можно предположить, что использование этих приемов было совершенно осознанным шагом со стороны аль-Муртади.

Каруба, узнав о прибытии иностранца, отправила свою фрейлину к нему. Вернувшись, та рассказала, что узнала о намерениях полководца, добавив, что он «слишком силен», чтобы вступать с ним в битву [Ibid. P. 140]. Будучи осведомленными об историческом

контексте данной встречи, мы понимаем, что этот фрагмент также нас отсылает к непосредственной истории Цезаря и Клеопатры. Однако далее действия романа разворачиваются в следующем ключе. Молодая, но мудрая царица находит выход из безвыходной ситуации. Придумав четкий план, она стала незамедлительно следовать ему и отправила доверенную фрейлину обратно к иностранцу. Придворная дама преподнесла ему дары и ценные подарки. Она известила Габиния о том, что царица «давно влюблена в него и готова выйти замуж, но есть одно условие» [Ibid. P. 140]. Оно заключалось в том, что перед замужеством он и его солдаты должны отправиться к побережью Средиземного моря, где им следует построить небольшой город для Карубы [Ibid. P. 141]. Габиний, восторжествовав от мысли, что задуманное им скоро станет явью, немедленно отправился в путь. Достигнув берега, солдаты во главе со своим предводителем начали строительство. Во время стройки они сталкивались со множеством трудностей и проблем, одной из которых были морские существа, желавшие разрушить творение Габиния [Ibid. P. 142]. Римлянами было затрачено немало сил и времени, но в конечном итоге город был возведен.

Завершив своеобразное «задание» в преддверии заключения брака и получения власти, Габиний неожиданно явился в Египет к Карубе [Ibid. P. 152]. Это известие шокировало царицу и сильно обескуражило ее, ведь ее первоначальный план заключался в истощении ресурсов полководца и его войска. Она рассчитывала, что недостаток сил противника позволит ей одержать победу в грядущей войне, взять верх в политической игре. Однако ее замысел потерпел неудачу. Растерянная и огорченная, Каруба разбилась о скалы злой реальности. Это было не просто личное разочарование, но осознание неизбежной угрозы не только для себя, но и для своего народа. Ощущая безвыходность положения, царица приняла радикальное решение – покончить с собой. Способом самоубийства был выбран укус ядовитой змеи [Ibid. P. 156], и этот выбор был неслучайным. Он символизирует непоколебимость, отвагу, силу духа и характера, которые и позволили Карубе решиться на такой жестокий шаг [El Daly, 2005. P. 131]. Наступив на змею, царица все равно оставила за собой победу. И несмотря на то, что это действие повлекло за собой последствия большего масштаба, Каруба осталась честна перед собой и своим народом, оставив Габиния хоть и на время, но разбитого мыслями о неосуществившемся плане.

Проанализировав данный роман, следует отметить, что для аль-Муртади Клеопатра представляет собой символ непогрешимости, стойкости духа, справедливости и чистоты. Несмотря на иносказание и перефразирование исторических данных, включение мифологических элементов, текст романа все-таки является главным достоверным ключом для понимания культурной ценности исследуемой нами фигуры и отношения к ней в средневековом арабском мире.

Рассмотрев образ последней царицы Египта в средневековой литературе, стоит перейти к XX в. Одним из самых ярких примеров произведений этого времени, посвященных Клеопатре, является пьеса египетского драматурга, писателя и переводчика Ахмада Шауки. Он, рожденный в каирской семье, которая принадлежала роду хедива, получил блестящее образование и к 1914 году являлся одной из главнейших литературных фигур того времени [Britannica: Ahmad Shawqi, URL]. Переломным моментом для него стало изгнание из страны. Несмотря на драматичность данного события, оно благотворно повлияло на писателя. Так, вернувшись из «ссылки» на родину, Шауки начал приобретать все большее влияние и значимость в общественных кругах. Впоследствии его стали именовать как «амир аш-Шухарах» – «принц поэтов» арабской литературы [Ibid]. И именно к этому периоду, 20-м годам XX века, относится его пьеса под названием «Масраам Килиубатра» – «Смерть Клеопатры», к содержанию которой мы обратимся далее.

Действия, развёртывающиеся в пьесе, относятся к 30 году до н. э. – периоду между морским сражением при Акции и самоубийством Клеопатры. Действие первой главы пьесы разворачивается в библиотеке дворца Клеопатры во время военного сражения при Акции. Между библиотекарем Зеноном и его помощниками Лисием, Хапи и Дионом начинается диалог, главной темой которого является вопрос о будущем царицы и ее страны. В конечном итоге, их разговор нарушает римский солдат, сопровождающий Клеопатру и ее сына. В этом фрагменте четко проявляется характер общения свиты с Клеопатрой. Зенон и остальные обращаются к ней следующим образом: «Моя Царица», «Богиня Нила, преклоняющая колени», «Да здравствуют Небеса во имя славы Величественной Богини Короны» [Shawqi, 1946. P. 17]. Однако и Клеопатра ведет себя со своими приближенными почтительно и уважительно. Царица присоединилась к обсуждению сложившейся ситуации. Ее слуги тонко намекали ей о том, что во всем виноват Антоний, однако Клеопатра возразила этим суждениям, сказав

следующее: «у меня много грехов, которые не оставят меня ни на час» [Ibid].

Далее стоит обратить внимание на то, как защищала перед Антонием египетскую царицу служанка Елена. Женщина говорила: «я восхищаюсь царицей и ее мудрыми планами, а ты (Антоний) неблагодарный» [Ibid. P. 25]. Таким образом, судя по данным фрагментам пьесы, становится понятно, что восхищение и любовь свиты и приближенных к Клеопатре вызваны далеко не страхом, а преданностью и настоящими чувствами.

Взаимоотношения между царицей и римским полководцем в пьесе Шауки также принимают иной характер. Антоний изображен как злой и вечно разгневанный на свою избранницу, в то время как Клеопатра постоянно просит у него прощения, выражает огромную преданность и любовь к нему: «Антоний, мой господин, мой царь, мое сердце полно любви, милосердия и ласки. Иди со мной в ночи и днем, иди со мной в дни радости и грусти» [Ibid. P. 25].

Помимо прочего, довольно большую часть произведения занимают страдания Клеопатры по умершему Антонию. Она призывала всех своих подданных и всех лекарей, чтобы те помогли воскресить возлюбленного. Однако все попытки были тщетны. Клеопатра рыдала над телом умершего избранника, и никто не мог ее успокоить [Ibid. P. 78-80]. Все последующие дни царица Египта обвиняла себя в смерти Антония и постоянно повторяла фразу: «Лучше бы я была ранена его раной... пускай меня убьет во сне Бог...» [Ibid. P. 87].

В противовес античным источникам, в пьесе Шауки показано, что Клеопатра не могла смириться со смертью своего возлюбленного, а также совладать с тем, что Октавиан ее «назначил главным лицом своего триумфа». И именно по этим причинам, она начала задумывать самоубийство. Перед тем, как «оказаться рядом с Антонием, она просила встречи с римским императором, на которой желала, прежде всего, извиниться и после поблагодарить его» [Ibid. P. 89]. В качестве своей смерти она выбрала укус ядовитой змеи. Ближайшие и самые преданные слуги Клеопатры знали об этом, и несмотря на то, что они умоляли ее поменять свое решение, она была тверда и непреклонна. Некоторые не могли представить свою жизнь без царицы. Так, например, служанка Елена желала только одного – «умереть вместе с царицей, чтобы отплатить добром за всё добро, которое сделала для нее царица» [Ibid. P. 101].

Перед смертью Клеопатра простилась со своими детьми, извинилась перед всеми приближенными,

которых в прощальной речи называла своими дочерьми и сыновьями [Ibid. P. 103]. Также женщина признала все свои «поступки, в которых слились жестокость и лицемерие» [Ibid. P. 103]. После этой душещипательной речи Клеопатра подошла к заранее принесенной к ней корзине. Оттуда она достала змею и подставила свою руку к ней [Ibid. P. 106]. Затем она еще раз попросила прощения у всех, и выразила свою последнюю волю – провести похороны должным образом, не забыв нарисовать и нарядить ее как никогда раньше. После этого она упала замертво. А рыдающие подле нее служанки, которые присутствовали при этом, не смогли совладать со своими эмоциями и горем. В знак преданности они, одна за другой, тоже совершили ритуальное самоубийство [Ibid. P. 108]. Через пару минут все остальные слуги Клеопатры, зайдя в комнату и обнаружив тела служанок и мертвой Клеопатры, начали долго и горько оплакивать свою любимую царицу.

На основании анализа пьесы А. Шауки, можно сделать вывод о том, что отличительной особенностью представления образа древнеегипетской царицы в этом произведении является выражение веры в ее доброту и милосердие, а также непогрешимость. Несмотря на то, что в пьесе общественность понимает и признает злодеяния Клеопатры VII, однако все считают эти действия необходимыми, и сама царица совершает их в качестве вынужденной меры. Ведь такая «благородная, миролюбивая и милосердная покровительница Нила и Египта» не способна причинять вред и боль другим, руководствуясь исключительно собственной выгодой.

Во всех рассмотренных нами источниках царица Египта выступает как выдающаяся правительница, обладающая уникальными чертами характера и спо-

собностями. Она является важной персоной не только для истории Древнего Египта, но и современности. По сей день образ этой личности – это пример для подражания. И несмотря на то, что изученные источники относятся к разным историческим периодам, что априори может подразумевать различия в оценке, взглядах, позиции, в основных моментах они остаются схожими.

На примере средневекового арабского романа аль-Муртади и пьесы XX века Ахмада Шауки мы прослеживаем общую тенденцию к героизации и идеализации образа Клеопатры. В труде средневекового писателя царица предстает как мудрый, справедливый и решительный правитель, готовый пойти на самые крайние меры ради спасения своего народа и страны. Ее образ женщины не просто лишен негативной окраски, но и наделен чертами непогрешимости, стойкости духа и благородства. В свою очередь, пьеса Ахмада Шауки – это как будто продолжение истории аль-Муртади. Она развивает и углубляет этот положительный образ. Клеопатра изображается не только как сильный политик, но и как глубоко эмоциональная, преданная и милосердная женщина. Акцент в пьесе сделан на ее любви к Антонию, раскаянии в ошибках, безграничной преданности со стороны подданных и трагическом, но достойном самопожертвовании.

Таким образом, сопоставляя образы, представленные в рассматриваемых нами источниках, можно сделать вывод о том, что Клеопатра VII – это глубоко полюбившийся образ для арабов. Она является символом национальной гордости, благородства и жертвенности. Несмотря на течение времени и ход истории, эта личность продолжает восхищать умы не только исследователей и писателей, но и простых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иосиф Флавий. Иудейские древности: О древности иудейского народа. Т. II. Книга 13-20. Москва: АСТ, 2002. 612 с.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Антоний. Т. II. Москва: Наука, 1994. 672 с.
- Abd Al-Hakam. Futuh Misr. New Haven: Yale Oriental Research Series III, 1922. 369 p.
- Ahmad Shawqi. Masra' Kilyubatra. Misr, 1946. 172 p.
- Ibn Hunain. Tarikh AlAtibba' wa Al-Falasifa. Leiden, 1954. 180 p.
- Ibn Juljul. Tabaqat Al-Atibba' wa Al-Hukama'. Beirut: Al-Risalah, 1985. 196 p.
- Ibn Wahshiya. Medieval Arabic Toxicology. Philadelphia: American Philosophical Society, 1966. 130 p.
- Vattier P. L'Egypte de Murtadi, fils du Gaphiphe. France: Chez Louys Billaine, 1666. 304 p.
- Ahmad Shawqi: статья // Britannica: сайт. – URL <https://www.britannica.com/biography/Ahmad-Shawqi> (дата обращения: 08. 09. 2024).
- Okasha El Daly. Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings. Australia: Cavendish Publishing, 2005. P. 130–137.
- Hughes-Hallett L. Cleopatra: Histories, Dreams and Distortions. London: Vintage, 1990. 352 p.

THE IMAGE OF CLEOPATRA VII IN ARABIC LITERATURE

A. Y. Medvedeva

Voronezh State University
(uAREmalady@yandex.ru)

Abstract. This article deals with the analysis of reception of the image of Cleopatra in the Arabic literary tradition. The goal of this work is to study the ideas about the ancient Egyptian queen in the minds of the Arabs, as well as to identify the evolution of her perception in the Arab culture. When analyzing the medieval novel by al-Murtadi and the play *The Death of Cleopatra* by Ahmad Shawqi, written in the early 20th century, a single constant tendency towards the idealization of the image of Cleopatra can be observed. In the novel, the queen is presented as a wise, just, strong-willed, and selfless ruler. Shawqi's play not only adheres to this portrayal of the last ruler of Egypt, but also expands upon it by infusing the character with traits of remorse, redemption, kindness, honor, and a unique emotional connection. Based on that, it is concluded that the image of Cleopatra has been a symbol of national pride of the Arabs for many centuries.

Key words: Cleopatra VII, Hellenistic Egypt, Middle Ages, Okasha El Daly, al-Murtadi, Ahmad Shawqi, Arabic literature.

Научный руководитель Медведевой А. Ю. – Гончаров В. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира.

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО РИМА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕРГИЛИЯ

А. С. Василенко

Воронежский государственный университет
(alina13v20@mail.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу влияния Октавиана Августа на творчество Вергилия, как ярчайшего представителя литературы периода Принципата. Обращено внимание на то, в чем проявилось это влияние, позитивно или негативно оно воспринималось поэтом, как отражало политику принцепса. Структурно статья имеет три части, каждая из которых соответствует произведению Вергилия: «Буколики», «Георгики», «Энеида». Цель исследования – выявить тенденцию изменения во времени отношения поэта к власти и властей – к творчеству.

Ключевые слова: Вергилий, Октавиан Август, идеология, литература, обожествление, «золотой век».

Данная работа посвящена отражению общественной и политической жизни в римской литературе эпохи Октавиана Августа на примере творчества Вергилия. Цель исследования – выяснить, как складывание нового режима отразилось на этом творчестве, проявился ли в нем перелом, связанный с переходом от Республики к Империи, и каково было влияние власти, в первую очередь самого Октавиана, на деятельность Вергилия.

Актуальность работы заключается в важности анализа литературы как показателя идеологической политики государства.

В Риме конца I в. до н. э. официальная идеология требовала религиозного освящения империи, рассматривала правление Августа как тот самый «золотой век», положивший конец гражданским войнам. Август охотно принимал обожествление своей особы как «спасителя», хотя официально пытался делать вид, что сам является противником этого [Тронский, 1988. С. 347]. Но противники у принцепса все же были, и одним из способов борьбы с инакомыслием, а также поддержания нужной ему идеологии был контроль над литературой. Она становится в большей степени инструментом для пропаганды, что будет выявлено и при анализе произведений Вергилия.

Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.) – самый прославленный поэт древнего Рима эпохи Империи. Будущий поэт был сыном небогатого ремесленника или поденщика, владел земельным участком у

города Мантуя. Вергилий жил в эпоху активных гражданских войн и воочию видел, что происходит с обществом из-за них. Известно, что в Италии были проблемы со свободной землей, поэтому зачастую ее приходилось конфисковывать. Так лишился надела и Вергилий. Существовать без участка было бы крайне сложно, поэтому за поэта вступился Азиний Поллион, являвшийся тогда наместником Цизальпинской Галлии, и Вергилию вернули отцовскую землю (Suet. Verg. 19). После этого он начинает писать одно из самых известных и первых больших своих произведений – «Буколики».

Это произведение в пасторальном жанре, основную часть которого составляют песни пастухов и их соревнования между собой в мастерстве слова.

В первой эклоге представлен диалог Мелибея и Татира – двух пастухов, причем второй герой является художественным образом самого Вергилия. В основе эклоги – описание спокойной жизни, величественной природы, но помимо этого здесь встречаются зашифрованные факты из биографии поэта. В частности, Вергилий пишет: «Мелибей, нам бог спокойствие это доставил – /Ибо он бог для меня, и навек, – алтарь его часто /Кровью будет поить ягненок из наших овчарен. /Он и коровам моим пастись, как видишь, позволил, /И самому мне играть, что хочу, на сельской тростинке» (Verg. Buc. 1. 6–10). Кто, как не Октавиан, мог быть упомянут в качестве бога, даровавшего спокойствие и позволившего вернуться к жизни на полях? Неудивительно, что Вергилий назвал Августа именно так – в некоторых местах уже активно формировался культ божественного наследника

великого Цезаря. И в данных строках Татир (он же сам поэт) возносит благодарность Августу за возврат отнятых после гражданской войны полей.

Четвертую эклогу можно назвать самой интересной, но в какой-то степени загадочной. Вергилий описывает утопическую среду – ожидание золотого века и пастушескую Аркадию. Поэт рассказывает о том, что железный век должен смениться золотым, с чем связано рождение младенца. Кого имел в виду Вергилий, точно не может быть установлено, но можно предположить несколько версий. Самая популярная: этот ребенок – наследник Азиния Поллиона [Бондаренко, 2018. С. 109]. Другая версия – Вергилий хотел выказать почтение Октавиану, поэтому писал о его будущем наследнике от Скрибонии [Бондаренко, 2018. С. 109]. Также мог подразумеваться ребенок Марка Антония от Октавии, сестры Октавиана. Написание рассматриваемой эклоги можно связать и с заключением Брундизийского мирного договора в 40 г. до н. э. Это событие было принято жителями Рима как знак прекращения волнений и скорого восстановления мирной жизни. Вергилий мог таким образом ознаменовать союз Октавиана, Секста Помпея и Марка Антония как олицетворение приближающегося «золотого» века. Позже христианские комментаторы также обратились к произведению Вергилия и увидели в его строках предсказание рождения Иисуса Христа. В данном случае стихи поэта демонстрируют настроения общества, то, что оно устало от постоянных войн и ждет чуда, которое принесет мир в их жизни [Межерицкий, 2016. С. 471].

Пятая эклога имеет интересный сюжет обожествления Дафниса, которого обычно соотносят с Юлием Цезарем [Бондаренко, 2018. С. 101]. Также стоит заметить: есть версии, что под именем этого персонажа, которому обещано обожествление, поэт имел в виду и самого Августа [Межерицкий, 2016. С. 436]. Вероятно, Вергилий мог написать эту эклогу в угоду власти, намекая таким образом на то, что обожествление человека вполне возможно и необходимо, создавая почву для будущего культа Октавиана Августа. Но напрямую поэт не упоминает ни одного из римских деятелей. Единственное символическое описание, которое можно было бы связать с бывшим диктатором – это описание смерти Дафниса. Его кончина названа жестокою и несправедливою, ее прочувствовали стада коров, овец и коней (Verg. Buc. 5. 20–26). Можно предположить, что в данных строках Вергилий в метафорической форме изображает образ подло убитого сенаторами Цезаря, намекая на то, что погиб тот, кто вел за собой легионы и обычный народ, по-

добно пастуху. На то же могут указывать и слова, начертанные на холме в память о Дафнисе: «Я – селянин, чья слава до звезд достигала, /Стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада» (Verg. Buc. 5. 43–44).

Когда Вергилий заканчивал писать «Буколики», он познакомился с Гаем Цильнием Меценатом, другом и соратником Октавиана, и стал его клиентом.

Меценат был способным политиком и понимал, что без поддержки и пропаганды Августу было бы трудно удерживать власть. Это стало одной из причин для создания вокруг Мецената кружка деятелей искусства, которым он оказывал финансовую поддержку. Прогосударственная тема, звучавшая в литературных произведениях, должна была должным образом настраивать римскую публику.

В упомянутом выше кружке Вергилий и задумался над «Георгиками» – по предложению Мецената. Данное произведение было посвящено искусству земледелия. Учитывая происходящие в то время гражданские войны в Риме и в целом беспокойную обстановку, многие граждане – и бедные, и богатые – продавали свои земли. Из-за этого урожаи падали, что не могло устраивать правящие круги. Нужно было поднимать интерес к земледелию, возвращать людей на поля, чтобы возродить экономику и сельское хозяйство, которое кормило Италию.

Самого Августа Вергилий тоже не обошел стороной в своем произведении. В первой же книге после значимых и более мелких богов сельского хозяйства, дань которым часто отдают поэты в начале произведения, Октавиан также упоминается. Вергилий называет его богом для мира людей, и подкрепляется это заявление обещанием будущего обожествления. В конце первой книги поэт возвращается к Августу вновь. Рассказав между делом о победной битве при Филиппах, Вергилий льстит Октавиану, говоря о том, что боги испытывают ревность к нему: «Юноше ныне тому одолеть злоклучения века /Не возбраняйте! Давно и довольно нашу кровью /Мы омываем пятно той Лаомедонтовой Трои. /Приревновали тебя давно уже неба чертоги, /Цезарь, жалеют они, что триумфы справляешь земные» (Verg. Georg. I. 500–504). А в конце поэт подводит всё к уже обозначенной мысли – войны опустошили земли, что теперь необходимо исправить.

Третья книга льстила Августу еще больше – Вергилий писал о желании возвести храм в честь Октавиана и его статую в центре (Verg. Georg. III. 13–15). Если учесть, что данная часть могла быть написана в 30 году, то такое восхваление может быть связано с

победой над Марком Антонием, что означало конец гражданских войн.

За длительный период римской истории, когда шло постоянное противостояние между различными группировками, нравственность народа падала, забывались обычаи и традиции. Вергилий считал, что преодолеть эту разруху, в том числе в духовном плане, «вернуть утраченные добродетели» римляне смогут только благодаря потомку богов, который с помощью силы и авторитета приведет государство к процветанию [Сергеев, 1998. С. 296]. Поэт даже предполагает в метафорической форме, что для этого будет правильнее отступить от Республики, показывая в сравнении с пчелами, которые сплочены вокруг своего царя и благодаря этому живут в мире и «в добром согласье» (Verg. Georg. IV. 210–218).

Наконец, свое главное произведение Вергилий начал в 29 г. до н. э. и потратил на него, по сообщению Светония, одиннадцать лет (Suet. Verg. 25).

Изначально, как говорил Вергилий в «Георгиках», это должен был быть эпос о деяниях Августа, но в итоге «Энеида» стала произведением мифологического содержания о богах и героях, имеющим линии пересечения с «Илиадой».

В основе «Энеиды» лежит миф об Энее как о родоначальнике будущего Рима, предке Ромула. Правящим кругам он был очень выгоден – по сути, эта история объясняла экспансию в Малую Азию, где некогда была Троя [Тронский, 1988. С. 358]. Помимо этого, существовал еще один любопытный факт: сына Энея звали Асканий Юл, и именно к нему возводил свое происхождение род Юлиев, к которому принадлежали и Цезарь, и Август. Достаточно вспомнить, что матерью героя была Венера, чтобы понять, почему для обоих политиков это было важно. Вергилий эту версию постарался подтвердить, опять же – чтобы объяснить правильность и необходимость их обожествления.

Юлий Цезарь упоминается сразу в первой книге. Сам верховный бог – Юпитер – предрекает будущее, в котором род Юлиев оставит значительный след: «Будет владеть и в неволе держать побежденных армян. / Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской, / Власть ограничит свою Океаном, звездами – славу, / Юлий – он имя возьмет от великого имени Юла» (Verg. Aen. I. 285–288). Сразу после Вергилий в пророчестве Юпитера говорит и о совсем недавних событиях – покорении Египта и перемирии с парфянским царем – «добыча Восточных стран» (Verg. Aen. I. 289–290).

В пятой книге поэт рассказывает о том, как герой, остановившись в Сицилии, в честь годовщины смерти отца устраивает игры (Verg. Aen. V. 113–116). Стоит вспомнить, что Август, старавшийся вернуть или не забывать старые обычаи, тоже насаждал такие состязания, а Вергилий как раз сводит известные патрицианские роды к участникам тех игр, что устроил Эней.

Заключительная часть шестой книги посвящена римской истории, которая хоть и рассказана как будущее, показанное Энеем отцом в царстве мертвых, но в ней Август явно выделяется среди других деятелей: «Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова / Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле / Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет» (Verg. Aen. VI. 792–794). Вергилий прямо говорит о том, что именно Октавиан вернет в Рим «золотой век», а величие империи распространится даже туда, «где не увидишь светил, меж которыми движется солнце» (Verg. Aen. VI. 796). Существует вероятность, что идея «золотого века», который подарит римлянам правление Августа, принадлежит не поэту. Он мог лишь пересказать то, что циркулировало в правящих кругах [Межерицкий, 2016. С. 473].

В восьмой книге поэт вновь обращается в римской истории. Описывая щит, который выковал для Энея Вулкан, он рассказывает о важных этапах, начиная от волчицы, вскормившей Ромула и Рема, заканчивая битвой при Акции – известной и значимой победой Октавиана. Вергилий ярко описывает шествие Августа по храмам и алтарям с трофеями (Verg. Aen. VIII. 71–5723).

Полностью завершить поэму поэт не смог, поскольку заболел и скоропостижно скончался.

Подводя итог анализу творчества Вергилия, можно с уверенностью утверждать, что политика Августа и он сам оказали немалое влияние на поэта. Автор стал символом «золотого века» римской литературы, первопроходцем новой идеологии, и при этом был весьма и весьма популярен. В поэмах Вергилия трудно найти похвалу Сенату, равенству, зато часто звучит тема обожествления Августа и Юлия Цезаря. Одной из причин этого однозначно были личные мотивы – благодарность за возвращение имени, но, с другой стороны, в творчестве Вергилия определенно ощущается влияние Октавиана и Мecenата, а также новой идеологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко М. Е. Вергилий. Москва: Молодая гвардия, 2018. 336 с.
Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Москва: Художественная литература, 1979. 550 с.
Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Москва: Правда, 1991. 512 с.
Сергеев Д. Д. Представление о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. Санкт-Петербург, 1998. С. 294–308.
Тронский И. М. История античной литературы. Москва: Высшая школа, 1988. 464 с.

REFLECTION OF THE SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF ANCIENT ROME IN THE WORKS OF VIRGIL

A. S. Vasilenko

*Voronezh State University
(alina13v20@mail.ru)*

Abstract. This article is devoted to the analysis of the influence of Octavian Augustus on the work of Virgil, as the brightest representative of the literature of the Principate period. Attention is drawn to how this influence manifested itself, positively or negatively it was perceived by the poet, as it reflected the policy of Princeps. Structurally, the article has three parts, each of which corresponds to the work of Virgil: Bucolics, Georgics, Aeneid. The purpose of the study is to identify the trend of changes in the poet's attitude to power and authorities to literature over time.

Key words: Virgil, Octavian Augustus, ideology, literature, deification, the "golden age".

Научный руководитель Василенко А. С. – Гончаров В. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира.

ХАРУН АР-РАШИД: СКАЗОЧНЫЙ ОБРАЗ И РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА

М. Д. Скородумова

Воронежский государственный университет
(mskorodumova03@gmail.com)

Аннотация. Данная работа посвящена правителю Аббасидского халифата – Харун ар-Рашиду. Целью работы является сопоставить образ халифа из произведения «Тысяча и одна ночь» с реальной исторической фигурой, описанной в исторических источниках. Особое внимание уделяется политике правления Харун ар-Рашида и ее последствиям, социально-экономическому положению страны и духовной составляющей общества того времени.

Ключевые слова: Харун ар-Рашид, Аббасидский халифат, Багдад, «Тысяча и одна ночь», Бармакиды, политика правления, социально-экономическое положение, культура, наука, религия.

«Скажи: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь» [Коран, 2016. С. 19 (3:25 (26))]. Харун ар-Рашид – один из известнейших правителей Аббасидской династии, которая правила в Арабском халифате в течение пятисот лет – с 750 по 1258 год. В народном сознании личность этого легендарного правителя сохранилась благодаря известному сборнику сказок «Тысяча и одна ночь», где Харун выступает олицетворением мудрости, величия и щедрости, а период его правления называют «золотым веком». Однако нельзя сказать, что исторический образ этого известного человека абсолютно соответствует книжному. Историки сходятся во мнении, что личность Харун ар-Рашида приукрашена, а посему приписывают ей некую мифологизированность.

Родился Харун ар-Рашид в городе Рей в Хорасане в 776 году. Его детство прошло в халифском дворце, а первоначальным воспитанием будущего халифа занимался Яхья Бармакид. Большое влияние на Харуна также оказала его мать – Хайзуран. Будучи юношей Харун формально участвовал в военных экспедициях против Византии, что послужило хорошим опытом для будущего военного политика. Внешнему облику Харуна уделяют не так много внимания, однако, согласно источникам, он был наделен красивой внешностью, высоким ростом, хорошим телосложением и

пухлыми щеками. Харун получил достойное образование и в будущем стал сторонником развития науки и культуры.

Взошедши на трон посредством заговора, Харун ар-Рашид становится правителем Аббасидской династии. Однако в первые годы его правления фактическая власть была у его матери и ближайшего советника – уже упомянутого Яхьи Бармакида из персидского рода Бармакидов. В число главных советников Харун ар-Рашида также входили и сыновья Яхьи – Фадл и Джафар: «Яхья получил от Харуна prerogативы, которые до того времени принадлежали лишь повелителю. Джафар получил печать, которая впоследствии перешла к Яхье, а затем к Фадлу. Таким образом, печать государя оставалась в руках одной и той же семьи. Действительно, «история первых десяти лет правления Харуна практически неотличима от истории Бармакидов. Его правление на практике осуществляли эти три талантливых, знающих человека, отличавшихся незаурядным умом» [Кло, 2012. С. 18]. Однако фактическое правление рода Бармакидов закончилось трагично. После смерти Хайзуран, к которой Яхья был приближен, Харун ар-Рашид стал все больше стремиться к сосредоточению всей власти в своих руках. Именно поэтому могущество Бармакидов со временем стало утрачиваться, пока и вовсе не привело к их падению. Вполне возможно, что основным поводом к этому стала терпимость Бармакидов к Алидам – потомкам Али, которые считали себя единственными законными приемниками пророка и претендовали на политическую власть в государстве, или большое

внимание иранского рода Бармакидов к иранским провинциям халифата. По итогу, в 803 году Джафар был казнен, а другие Бармакиды брошены в темницу. Как пишет И. М. Фильштинский: «В истории царствования Харуна ар-Рашида время правления Бармакидов считалось лучшим» [Фильштинский, 2002. С. 163]. Ал-Масуди же указывает, что «процветание империи уменьшилось после падения Бармакидов, и все убедились, насколько несовершенными были действия и решения Харун ар-Рашида и дурным его правление» [Микульский, 2002. С. 175]. Учитывая, что в «Тысяче и одной ночи» Джафар выступает лучшим другом халифа, а сам Харун ар-Рашид – добрым и милосердным: «Народ дивился великодушию халифа, кротости его души и его мудрости» [Салье, 1932–1939. С. 87 (19 ночь)], – то его жестокость и подозрительность в реальности по отношению к ближайшим соратникам из рода Бармакидов внушает сомнения об его личности, которую в «Сказках» нам показали с самых лучших сторон.

«Аллах дал вам преимущество одним перед другими в жизненном уделе. Но те, которым дано преимущество не вернут своей доли тем, кем овладела их десница, чтобы они оказались в этом равными» [Коран, 2016. С. 104 (16:71)]. В «Тысяче и одной ночи» Харун ар-Рашид выступает в качестве покровителя бедняков: он одаривает их своей щедростью и спасает от произвола чиновников. Халиф бродит по городу вместе со своим приближенным – Джафаром – и часто решает насущные проблемы происходящего. На деле же реальность отличалась от «Сказок». Как и в других средневековых государствах, социально-экономическая ситуация в Аббасидском халифате характеризовалась неравенством среди его населения. Расточительность халифского двора вела к опустошению государственной казны, вследствие чего с населения взимались большие налоги и повинности, что нередко становилось поводами к народным восстаниям. Система налогов была достаточно простой. Мусульмане платили добровольную милостыню (закят, садака), приравненную к десятине (ушр). Не-мусульмане платили подушную подать – джизью, а также поземельный налог – харадж, который уплачивали деньгами либо натурой. Однако, как указывает произведение «Тысяча и одна ночь», Харуна как будто бы интересовало положение собственного народа, его нужды и недовольства: «Однажды Харун призвал своего визиря Джафара и сказал, что он желает спуститься в город и расспросить народ о поведении властвующих правителей, посмотреть, как они живут и в чем нуждаются» [Салье, 1932–1939. С. 88].

В защиту Харун ар-Рашида следует сказать, что для экономики страны в годы его правления характерен небывалый подъем. Это же отмечают и историки, в числе которых уже упомянутый Фильштинский И. М.: «Была замечена повышенная торговая активность, в том числе и международная. Мусульманские купцы вели торговые операции на огромном пространстве от Китая до Восточной Африки, что сделало аббасидского халифа фигурой, известной во всем мире» [Фильштинский, 2002. С. 162]. Урожайность риса, пшеницы, текстиля, хлопка, винограда в халифате опережала Европу, а производство духов и обработка металлов были развиты на высочайшем уровне.

«И я скитался по странам и приходил в города и направился в Обитель Мира – Багдад» [Салье, 1932–1939. С. 66 (14 ночь)]. Багдад при Харун ар-Рашиде еще больше расцвел и разбогател. Город пестрел разноцветными красками, дворцы утопали в райских садах и золоте, можно было встретить большое количество хамамов и мечетей, а место в Багдаде могли найти и бедняки. Однако Харун ар-Рашид любителем этого чудного города не был – уж очень ему не нравился плохой воздух, который, как он утверждал, ему не подходит, а также все возрастающее население столицы, из-за чего он не чувствовал своей безопасности. Таким образом, он решил покинуть город, построенный его дедом, и переместиться в Ракку. Тем не менее нелюбовь халифа к Багдаду и его желание переехать никоим образом не фигурируют в «Тысяче и одной ночи». Беляев Е. А. же пишет по этому поводу следующее: «Он боялся жить в Багдаде, так как столичное население часто выражало активное недовольство его правлением. Во время его пребывания в Багдаде жителей столицы подвергали побоям и сажали в тюрьмы» [Беляев, 1966. С. 214].

Однако схожесть «сказочного Харун ар-Рашида» с «реальным историческим персонажем» можно проследить в том, что при Правверном халифе небывалого развития достигли наука и культура. Под его покровительством находились переводчики, знакомившие образованную часть арабо-мусульманского общества с сочинениями индийских, иранских, греческих и других авторов. «Сравнительно в короткий срок среди арабов распространились произведения Гиппократов, Аристотеля, Эвклида, Архимеда, Птолемея и других» [Крачковский, 1957. С. 76]. Большое значение при правлении Харуна имели математика, география и медицина, а развитие астрономии позволило на основе индийских и персидских трудов составить таблицы движения планет. В узкий круг халифа входили и так называемые «надимы» – люди из

привилегированного сословия, которые преуспели в литературе, науке, искусстве и богословии, а наложниц гарема халиф приказывал обучать музыке, живописи, танцам и поэзии.

Харун ар-Рашид постоянно подчеркивал религиозный характер своей власти. «Харун совершал паломничество на протяжении всей жизни раз в два или три года. Однажды он из религиозного рвения пешком преодолел двести пятьдесят миль по пустыне из Медины в Мекку. Похоже, что этот халиф, по крайней мере, в тот период своей жизни не употреблял опьяняющих напитков, а из всех сил старался доказать свое правоверие. Утверждали, что, молясь, он каждый день совершал по сто земных поклонов, хотя по обязательному ритуалу предписывалось только семьдесят. Историки изображают его плачущим при мысли о тяжком бремени ответственности, лежащем на его плечах» [Глабб, 2009. С. 473]. Он окружал себя религиозными деятелями, с которыми обсуждал религиозную догматику и право, священные места при нем получили былое значение, однако жестоким наказаниям подвергались проявления ереси. По отношению к иноверцам он отличался крайней нетерпимостью, хотя в Багдаде и праздновали некоторые заимствованные от других народов праздники. Например, персидский Навруз (начало весны) и Михрадж (наступление зимы), или христианскую Пасху. Разделение на мусульман и иноверцев прослеживалось и в налогообложении, о чем я указывала ранее. Однако есть свидетельства, что в 806 году Харун приказал разрушить все церкви вдоль византийской границы, а в 807 году были введены старинные ограничения для иноверцев в отношении одежды и поведения: «Иноверцы должны были подпоясываться веревками, голову покрывать стеганными шапками, туфли носить не такие, какие носили правоверные, ездить не на лошадях, а на ослах» [Фильштинский, 2002. С. 162].

Как в годы могущества Бармакидов при Харун ар-Рашиде, так и в годы его самостоятельного правления, Аббасидский халифат страдал от восстаний. «Для тогдашних жителей Багдада секира Харуна не была порождением мечты. Население вовсе не улыбалось при мысли об очередной выходке своего властелина: при одном звуке его имени они трепетали в ужасе оттого, что кому-то из них выпадет судьба Бармакидов» [Джилман, 2007. С. 279]. Высокие налоги при Харун ар-Рашиде и многочисленные повинности стали причинами выступлений в Египте, в Хорасане, Западном Иране, Сирии, Марокко, Ифрикии и других провинциях халифата. Простой народ к тому же страдал от местных правителей, злоупотреблявших

своей власти. В итоге это выливалось в многочисленные народные восстания, к которым примыкали и еретики. Сложность в годы Харуна представляло собой и противостояние Алидам – потомкам Али, которые считали себя единственными законными приемниками пророка и претендовали на политическую власть в государстве.

Таким образом «сказочный образ» Харун ар-Рашида, где ему приписывают покровительство над бедняками, щедрость и спасение от злоупотреблявших властью чиновников, едва ли является правдой. Политика халифа по отношению к иноверцам, бедственное положение простого народа, произвол местных властей, высокие налоги и повинности впоследствии и являлись причинами восстаний, которые сотрясали халифат.

Тем не менее, во внешней политике Харун ар-Рашиду удалось добиться успехов: «Империя при Харуне и его сыне в Азии граничила с Китаем; в Африке варварские племена были отброшены до Эфиопии, греки были потеснены до Босфора, на западе их владения ограничивал лишь Атлантический океан» [Лебон, 2009. С. 139]. Существуют сведения, по которым Византийская империя при императрице Ирине и императоре Никифоре I платила дань халифату ар-Рашида. Франкские летописи также хранят рассказы об обмене посольствами между Харун ар-Рашидом и франкским императором – Карлом Великим. Однако в арабских источниках подобных сведений нет: «Исследователи мало внимания обращали на вопрос, чем объясняется полное молчание арабских авторов об этих сношениях и можно ли найти в арабских источниках хотя бы косвенные доказательства в пользу предположения, что халиф слышал о Карле Великом и искал сближения с ним» [Бартольд, 2002. С. 342].

Последний период царствования Харун ар-Рашида не свидетельствовал о его политической дальновидности. Он разделил власть в Аббасидском халифате между своими сыновьями, что в итоге привело к гражданской войне, которая началась после смерти Харун ар-Рашида, ушедшего из жизни в 809 году.

«Харун ар-Рашид не был великим халифом, и арабская держава его времени мало походила на идеальный Халифат, созданный воображением последующих поколений, но годы его правления были временем экономического расцвета и победных походов против Византии, хотя уже при нем начался политический распад империи и общий упадок ее административной системы» [Фильштинский, 2002. С. 157]. Подводя итог можно сказать, что реальная историческая фигура Харун ар-Рашида мало соответствует

сказочному персонажу. Не горящий особым желанием восходить на трон и вступать в схватку со своим братом Хади, Харун все-таки становится правителем Аббасидского халифата. Тем не менее, фактическую власть в халифате имел род Бармакидов, выходцы из которого были ближайшими соратниками Харун ар-Рашида, и с которыми последний жестоко расправился. Расточительность халифского двора требовала установления больших налогов и повинностей, вследствие чего неимущий народ страдал еще больше. Это, а также жестокое пресечение любых ересей и несправедливость по отношению к иноверцам, приводили к

восстаниям, которые сотрясали халифат вплоть до смерти самого Харуна. Его недальновидная политика ближе к концу правления в связи с разделением империи между сыновьями привела в дальнейшем к гражданской войне. Тем не менее, экономический расцвет и Багдад, утопающий в богатстве, а также покровительство Харуна над наукой и его содействие культурному развитию – все это описывается и восхваляется в «Тысяче и одной ночи, и при этом подтверждается историческими источниками, вследствие чего многие историки называют период правления Харун ар-Рашида «Золотым веком».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Москва: «Восточная литература» РАН, 2002. 784 с.
- Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. Москва: Наука, 1966. 280 с.
- Глабб Дж. Б. Арабская империя. Санкт-Петербург: Евразия, 2009. 526 с.
- Коран. Пер. И. Ю. Крачковского. Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. 537 с.
- Кло А. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». Санкт-Петербург: Евразия, 2012. 377 с.
- Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Том IV. Москва : Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. 965 с.
- Лебон Г. История арабской цивилизации. Минск: МФЦП, 2009. 704 с.
- Микульский Д. В. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. Москва: Наталис, 2002. 800 с.
- Салье М. А. Книга тысячи и одной ночи в 8 томах. Ленинград: Academia, 1932–1939. 1666 с.
- Фильштинский И. М. Харун ар-Рашид в жизни и в народной фантазии // Человек. 2002. Вып. 2. С. 156–168.

HARUN AR-RASHID: A FABULOUS IMAGE AND A REAL HISTORICAL FIGURE

M. D. Skorodumova

*Voronezh State University
(mskorodumova03@gmail.com)*

Abstract. This work is dedicated to the leader of the Abbasid Caliphate, Harun al-Rashid. The aim of the work is to compare the image of the Caliph from the work "One Thousand and One Nights" with a real historical figure described in historical sources. Special attention is paid to the policy of Harun al-Rashid's rule and its consequences, the socio-economic situation of the country and the spiritual component of society at that time.

Key words: Harun al-Rashid, Abbasid Caliphate, Baghdad, "One Thousand and One Nights", Barmakids, government policy, socio-economic situation, culture, science, religion.

Научный руководитель Скородумовой М. Д. – Горошков Н. П., кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.

ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 30–40-е ГОДЫ XVII ВЕКА

Н. А. Генералова

Себряковский филиал Волгоградского государственного технического университета
(miniya123451@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена проблеме этногенеза донского казачества в XVII веке. Автор анализирует социальные и культурные изменения, происходившие во время и после Азовского похода. Особый акцент делается на изменениях в отношении к институту семьи и брака, религии.

Ключевые слова: донские казаки, институт семьи и брака, этногенез, Азовский поход.

Начиная с 90-х XX века и в первой четверти XXI века особенно актуальным для Волгоградской, Ростовской, Краснодарской и Воронежской областей становится изучение истории и культуры донских казаков, чья территория проживания традиционно расположена в этих областях. Истории донского казачества были посвящены ряд исследований отечественных и зарубежных авторов XIX и XX веков [Сватиков, 1924], [Пудавов, 1898], [Елкин, 1913], [Ригельман, 1816]. Между тем, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о происхождении донского казачества и, особенно, первом этапе его развития, в XVI–XVII вв. **Объектом** исследования является проблема этногенеза донского казачества в XVII в. **Предметом** – формирование донского казачества, как самобытного военного социокультурного образования входе военных и политических событий первой половины XVII в. Объект и предмет исследования определили **цель:** изучить изменения в материально-духовной сферах в указанный период.

Большинство отечественных историков отмечают, что во время Азовского похода на Дону земледелие практически не развивалось. Население на Дону было малочисленное. Все Войско Донское составляло около десяти тысяч человек. В основном мужское население занималось охотой, рыбной ловлей, пчеловодством и разведением скота. Мука и другие пищевые и промышленные товары покупались на жалованье, получаемое от «Московских государей». Вся территория Донского Войска была поделена на «станичные юрты». Это были земли определенного «общества казаков» для разведения скота и охоты. Казаки одного юрта избирали себе атамана. Как правило число каза-

ков одного юрта колебалось от 80 до 100 человек. Они ставили свой «стан», отсюда и пошло название «*станица*». Дома станицы окружали защитными сооружениями, небольшими земляными валами, «огорожей». Такие поселения казаков стали называть «*городками*» (своеобразные военно-мобилизационные поселения, авторский курсив). В каждом городке строился один общий дом – станичная изба. Многие казаки, которые не имели своих домов, зимовали в станичной избе. Их называли «односумы». Они жили в «складчину». Иными словами, все добытое на охоте или купленное складывалось в «общий котел» или «одну суму». Дома более зажиточных казаков получили название «курень», как правило его строили из камня. Всего в 30-е гг. XVII века по берегам рек Хопер и Медведица было расположено 36 городков [Сватиков, 1924. С. 24–29].

В 40-е XVII века, начинается процесс заселения донскими казаками территории Приазовья и нижнего Дона. Отправной точкой часть историков считает образование в 1644 г. города Черкасск. На месте бывшего поселения запорожских казаков, сожженного турками, донские казаки поставили шесть станиц, которые и образовали новый городок. Каждая станица имела свое название: Средняя, Павловская, Прибылянская, Скородумовская, Тютюревская, Рыковская. Татары, принявшие христианство, основали Базовую станицу. Так, первый донской город – Черкассы – стал на сто шестьдесят один год главным центром Донского войска. В Черкассах хранилось знамя, присланное царем Михаилом Федоровичем Романовым донским казакам [Пудавов, 1898. С. 31–37].

В 30–40-е гг. XVII века происходят коренные изменения в отношении к институту семьи и брака. Если в XVI веке семья была исключительным явлением в среде донских казаков, то к рассматриваемому нами

периоду в станицах проживало много женатых казаков. Российские историки второй половины XIX века отмечают, что именно после Азовского сидения отношение к браку сильно изменилось [Сватиков, 1924. С. 40–42]. Для казаков было характерным достаточно свободное отношение к вопросам веры. В XVI–XVII веках институт православных священников был развит слабо в регионе низовья Дона и Причерноморья. Поэтому брачно-семейные отношения казаков оформлялись без обязательного в православии обряда венчания, как говорили тогда, «без священника». Вместо этого проводился обряд «оглашения». Жених и невеста приходили на «сбор» в станичную избу и молились перед образами. Затем жених объявлял: «Ты, Глафирья, будь мне жена!». Невеста должна обязательно была поклониться в ноги будущему мужу, и ответить: «А ты, Гаврила, будь мне муж!». На этом обряд бракосочетания был завершен.

Стоит отметить, что географическая близость Османской империи, наложила определенный отпечаток на жизненный уклад донских казаков. Достаточно часто казаки «добывали» себе жен у «турок, татар и черкесов» [Попов, 1814. С. 18–27]. Пребывание в турецком плену, жены-иноверки, в основном мусульманки, торговые контакты с османскими купцами и другие контакты наложили свой отпечаток на социально-культурные обычаи и повседневный быт казаков. Так обычай расторжения брака был явно позаимствован у соседней мусульманской Османской империи. Если в семье муж и жена жили «не ладно», то муж выводил жену на сбор и три раза объявлял: «Вот, честная станица, она мне не жена, а я ей не муж!». После чего, женщину кто-либо из присутствующих мужчин прикрывал полою верхней одежды, и тут же брал в жены [Попов, 1814. С. 18–27].

После Азовского сидения, когда Войско Донское понесло значительные потери, отношение к браку сильно изменилось. Возросла роль семьи. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых донских станицах веками помнили имя первых рожденных там детей и их матерей. Например, в станице Верхне-Курмоярской некая казачка Чебаниха родила первого младенца, коренного жителя, по имени Василька. Его первый «зубок» долгое время хранили как реликвию [Прянишников, 1864. С. 19].

Как мы отмечали выше, для донских казаков была характерна атмосфера веротерпимости. В определенном смысле, Азовский поход и Азовское сидение стали переломным моментом. Целью похода являлось освобождение православного греческого города от власти «басурман», или мусульман. Именно в Азове,

согласно летописям, были построены первые христианские церкви в Приазовье. Поэтому поход объявлялся священным. Это был не просто поход «за зипунами» для личного обогащения, это была борьба за христианскую православную веру. Не случайно в послание к Гуссейну-паше, командующему османской армией, казаки писали: «<...> город Азов – строение великих царей греческих, православной христианской веры, а не вашего басурмана царя Турецкого, и он завладел им напрасно. <...> Мириться нам с вами нельзя<...> Разве может быть мир между христианином и басурманом?». Таким образом, Поход на Азов, рассматривался как борьба за центр православной культуры Приазовья. После того, как казаки взяли Азов в 1641 году, в период Азовского сидения, православные церкви построенные греками, были восстановлены [Сватиков, 1924. С. 37–39].

Непосредственно на Дону первая церковь была построена после Азовского сидения, в Черкасске в 1650 г. Это был Собор Воскресения Христова. В 1652 г. основывается Усть-Медведицкий мужской монастырь. К концу XVII века на Дону было построено 2 часовни, 11 церквей, 2 монастыря и 1 собор.

Азовский поход наложил свой отпечаток и на повседневную жизнь донских казаков, их обычаи и традиции. Так в 1643 г. турки сожгли Монастырский городок, место сбора Войска Донского перед азовским походом. Но, не смотря на это, ежегодно в течении двухсот лет в Монастырском урочище совершалась панихида по погибшим во время похода и сидения казакам. В 1867 г. на месте Монастырского городка, была сооружена часовня. Внутри часовни были помещены иконы св. Пророка и Иоанна Крестителя. По легенде, образ Иоанна Крестителя являлся именно тем, перед которым молились казаки, выступая в Азовский поход. Традиционно панихиду совершали в субботу, накануне 14 октября (1 октября по старому стилю). Затем отдавали погибшим казакам воинскую честь залпами из ружей и орудий.

Торговля, как отдельная отрасль, была не развита на Дону. Купцы в основном были «заезжие». Постоянных торговых лавок в станицах не было.

В представлении современников, казак – это лихой молодец на коне, в папахе, бурке или картузе и при сабле. В XVII веке казаки следовали моде своего времени. В повседневной жизни носили одежду из дотканых полотен, а также зипуны. На праздники надевали одежду, добытую во время походов, турецкую или польскую. Долгое время на Дону не ткали самостоятельно тонкого полотна. Сукно получали в качестве царского жалования. Женщины-казачки в

основном одевались «по-азиатски». Сарафан или «кубелек» был сшит из сукна. Запястья рук украшали «безелеками», или обручиками из серебра и золота. Замужняя женщина носила на голове кичку. Волосы убирались сзади в «подзатыльник» (в конце XIX стали называть «колотовка»), вышитый золотыми, серебряными нитями или бисером. Виски украшали «чикилеками» или бисерными нитями. На шее носили «ожерельники» из золотых или серебряных монет.

По достижении поставленных задач автор приходит к следующим выводам:

1) значительный рост количества населения на Дону (от двух до десяти тысяч человек), усложнение социальной структуры, постановка более масштабных военно-политических целей потребовали формирования новой военной и административной иерархии, которая строилась на принципах прямой демократии и избранности военной казачьей старшины и атаманов;

2) продолжается освоение территории нижнего Дона. К середине XVII века было образовано 36 городков и появился первый казачий город – Черкасск;

3) изменилось отношение к семье и браку, что отразилось в оформлении новых свадебных традиций – оглашении;

4) после Азовского похода изменяется отношение к религии. Веротерпимость характерная для казаков XVI в. сменяется ростом влияния православия, что нашло свое отражение в формировании на Дону института православных священников, и появлением первых церквей и Собора Воскресения Христова в Черкасске;

5) близость мусульманской Османской империи и постоянные военные походы XVII в. наложили отпечаток на повседневную жизнь донских казаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глинка С. Н. Вера, верность и слава донцов. Воронеж: в типографии С. Селиванова, 1813.
 Граф Платов, или подвиги донских воинов. Воронеж: в типографии С. Селиванова, 1813.
 Елкин А. М. Смутное Время и донские казаки. Николаев: Русская типо-литография, 1913.
 Краснов И. И. О донской казачьей службе. Санкт-Петербург: Военная типография, 1852.
 Полушкин С. П. Дневник донского казака. 1877–1878. Санкт-Петербург: Типография М. А. Котомина, 1880.
 Попов А. Г. История о Донском войске, сочиненная директором училища в Войске Донском, коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым в 1813 г. Часть 1. Санкт-Петербург: в типографии Университета, 1814.
 Попов А. Г. История о Донском войске, сочиненная директором училища в Войске Донском, коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым в 1813 г. Часть 2. Санкт-Петербург: в типографии Университета, 1814.
 Прянишников И. П. Материалы для истории Войска Донского. Новочеркасск: в Войсковой типографии, 1864.
 Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начала казачества. Новочеркасск, 1898.
 Ригельман А. И., Бодянский О. М. История или повествование о донских казаках. Москва: О-во истории и древности, 1816.
 Савельев А. М. Трехсотлетие Войска Донского (1570–1870). Санкт-Петербург: издание войскового статистического комитета, 1870.
 Сватиков С. Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549–1917. Москва: Центрополиграф, 1924.
 Филонов А. Г. Очерки Дона. Санкт-Петербург: в типографии Королева и К., 1859.
 Яицков И. Казачий офицер и его быт. Люблин: Типография А. Роздобы, 1882.

THE LIFE AND CUSTOMS OF THE DON COSSACKS IN THE 30–40S OF THE XVIII CENTURY

N. A. Generalova

*Volgograd State Technical University
(miniya123451@gmail.com)*

Abstract. The article is devoted to the problem of the ethnogenesis of the Don Cossacks in the XVII century. The author analyzes the social and cultural changes that took place during and after the Azov campaign. Special emphasis is placed on changes in attitudes towards the institution of family and marriage, religion.

Key words: Don Cossacks, the institute of family and marriage, ethnogenesis, the Azov campaign.

Научный руководитель Генераловой Н. А. – Кубракова Е. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

ПЕСНЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

П. А. Тареева

Санкт-Петербургский государственный университет
(tareeva2003@mail.ru)

Аннотация. В данной статье исследуется роль песни в общественном сознании революционной Франции, социальная реакция на появление тематических произведений, а также отношение к шансонье. Стоит отметить, что во времена социальных перемен песни становились мощным инструментом политической пропаганды и активизации общества. Для анализа были использованы парламентские архивы Франции, а также неопубликованные источники из фондов РГАСПИ. Работа демонстрирует актуальные направления в современной российской и зарубежной историографии и вводит в научный оборот новые источники.

Ключевые слова: Французская революция, песни XVIII в., Старый порядок, Просвещение, пропаганда.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-00106; <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>).

Песни Французской революции являются ярким примером развития общественных настроений к происходящему во Франции в этот период. Как известно, политики делали многое для организации специальных праздников с целью объяснить идею революции. Песни сочиняли как на улицах, так и профессиональные музыканты, показывая свое отношение к происходящему.

Ранее отечественные исследователи инициировали обращение к песням Французской революции. Одной из ключевых работ в советский период можно назвать статью А. Г. Рубинштейна, в которой он отмечал, что песня, прославляющая свободу и обличающая деспотизм, стала главным жанром революции. Автор также приводил ряд отрывков из стихотворений времен Французской революции, характеризующие распространение песенного нарратива в толпе [Рубинштейн, 1939]. Среди современных историков можно отметить работу Т. М. Демичевой, в которой она подошла к анализу текстов через изучение политического характера [Демичева, 2024].

В зарубежной историографии значительно больше работ по этой тематике. Обратимся к Морису Деманже и его работе [Dommanget, 1925]. Исследователь дал определение символическому – это не что иное, как аллегорическое представление принципа в чувственной форме или, если хотите, это внешнее выражение веры

через определенные и исключительные знаки. Роберт Бреси обращает внимание на то, что «многие мелодии из революционных песен были взяты или наложены на традиционные мелодии, на которые затем рифмовали профессиональные или самодеятельные певцы» [Brécy, 1981. Р. 281]. Таким образом, можно сказать, что тема песен, как инструмента коммуникации в годы Французской революции, не только рассматривалась, но и открывала новые дискурсы для анализа.

Для того, чтобы рассматривать песни Французской революции, необходимо понимать роль музыки в жизни человека, а также ее место в повседневной жизни Франции еще до самих событий Французской революции. Активно изучал развитие языка и слова в XVIII веке Жан-Жак Руссо.

Жан-Жак Руссо в своей работе «Essai sur l'origine des langues» («Об опыте происхождения языков») затрагивал связь музыки и человека [Rousseau, 1817. Р. 501]. Философ сделал вывод о том, что для успешной передачи информации нужно затрагивать человеческие чувства, а для этого необходима мелодия. И в связи с чем отмечал успех первых грамматистов, которые посредством сложения стихов и игры на доступных музыкальных инструментах передавали информацию. Звуковые подражания являются средством постижения мира. Руссо говорил о положительном результате мелодии и музыки, который необходимо вносить в жизнь с несколькими инструментами: «Чудо не в том, что наша музыка уже не способна совершать славные дела, на кои воодушевляла грече-

ская; напротив, было бы чудом, если бы при помощи столь различных инструментов удавалось произвести одинаковое действие» [Rousseau, 1817. Р. 46]. Иными словами, мы можем увидеть, что песни могут быть использованы для чего угодно, даже для политики.

Часть песен, действительно, была написана для поддержки революционных лидеров, а также критики короля. Но были и другие случаи. Чтобы в этом убедиться обратимся к парламентским архивам.

Например, Месье де Мену – французский дивизионный генерал, на национальном собрании рассказал историю, как среди офицеров полка Бретани в августе 1790 года распространилась песня, которая порочила репутацию офицера Месье Мореля [Archives parlementaires, 1790. Т. 19. Р. 615]. Последний пожаловался на это, их полковник собрал всех офицеров для присяги: «Клянусь честью и уважением к дамам, что я не являюсь автором этой песни». Выяснилось, что автором оказался Александр Доньер. Полковник попросил его об отставке и взял с него честное слово не называть причину своей отставки и не мстить Морелю. Об этом узнали другие офицеры и попросили вернуть Доньера. Полковник негативно отреагировал на нарушение дисциплины и арестовал троих офицеров. После девятимесячного заключения эти три офицера получили свободу, подав в отставку. Это дело стало толчком для Месье де Мену, который предложил проект декрета: «Национальное собрание постановляет, что королю будет предложено отдать приказ о создании военного трибунала, который рассмотрит жалобы сеньоров Мишеля Боннара, Габри Ж. Боннара, Рафаэля Рубина и Александра Доньера, офицеров пехотного полка Бретани, и будет судить их по новой форме, установленной для военных преступлений». Этот декрет был принят для предотвращения злоупотребления начальников в армии.

Мы видим, что песня играет важную роль в армии, за предполагаемый ущерб репутации товарища полковник мог попросить уйти в отставку.

Были и случаи негативного отношения к исполнению революционных песен: «Солдаты полка Лангедока, которые рассказали нам, что пришли с танцев у вдовы Костес, выйдя оттуда, распевая песню «Ça ira» (Ах, пойдут дела на лад!), проходя перед дверью сэра Колине, были атакованы большими бревнами и камнями, даже ружейными выстрелами из окон сэра Голинэ, в частности, большим камнем от шлифовального круга, используемого для глажки столярных инструментов» [Archives parlementaires, 1792. Т. 40. Р. 193].

Если рассматривать уличных певцов, то недоброжелательное отношение к их появлению выражало

духовенство. Это отражалось, например, в деле монахини Вероники. Она негодовала из-за людей, которые отрекались от церкви в период революции и рассуждала о том, что это несет. В письме своей племяннице женщина говорила: «Но каждый день звучат песни, лишённые смысла, абсурдные рассказы, которым стыдно верить, нелепые факты, которые стыдно слышать, грубые картинки, которыми забавляют глупое легковерие, которое так легко соблазнить и обмануть, и разве можно верить всем этим медалям и четкам, якобы благословленным в Риме и продаваемым на наших рынках людьми без исповеди, без религии и без морали?» [Archives parlementaires, 1792. Т. 40. Р. 131]. Иными словами, по мнению монахини, вера и мораль должны быть в приоритете, нежели использование песен в публичных местах.

Песни сопровождали все: «Заседание открылось песней, исполненной в зале заседаний Конвента в пятницу 5 числа этого месяца, в подтверждение энтузиазма, с которым был принят конституционный акт, и другой песней в честь свободы, единственного объекта наслаждения, к которому стремятся все граждане вселенной». Здесь не указываются определенные произведения, но тем не менее их значимость высока раз их исполняют по такому случаю. Так, «Пелись патриотические песни, со слезами на глазах дарили друг другу поцелуй мира, братства... Эта радостная новость была объявлена под звуки барабанов, колоколов и пушек и отмечена всеобщей иллюминацией, патриотическими песнями и гражданскими танцами, которые продолжались до трех часов ночи» [Archives parlementaires, 1793. Т. 69. Р. 31].

Так, можно сделать вывод, что песня во Франции в XVIII веке затрагивала все слои населения, имела положительную и негативную реакцию, а также давала импульс для создания законов, чтобы предотвратить злоупотребления на местах (как в случае с полковником и офицерами).

Важно отметить, что при Старом порядке был определенный надзор за появлением произведений, которые так или иначе могли оскорбить короля или правительство. Например, «Дело Четырнадцати», когда полиция в 1749 году пыталась отследить авторов стихов, которые, по мнению правительства, являлись примером злословия и оценивались как «часть сражения на политическом уровне» [Дарнтон, 2016. С. 39].

В первые годы Революции пала королевская цензура, что способствовало появлению огромного количества прессы, но большая часть песен появлялась в анонимном формате. Отметим, что они принадлежат

всем слоям общества. Обратимся к наиболее известным и плодовитым авторам.

Автор негласного гимна Революции «*Ça ira*», бывший солдат Ладре, в 1791 г. опубликовал сборник национальных песен, который сочинял и распевал со своим сыном на улицах. Его особенностью было то, что он говорил на языке улицы, лавируя между настроениями толпы: поддерживая то Лафайета, то Робеспьера [Brécy, 1988. Р. 15]. За это Ладре называл себя «шансонье санкюлотов».

Интересно, что к санкюлотам обращались в разных песнях этого жанра: «Свобода! На лбах санкюлотах, разбейте свои оковы и идите в наши объятия» [РГАСПИ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 2669. Л. 5]. В целом, можно сказать, что эта социальная группа была ключевой для апеллирования к ней.

Другим известным автором был Лево Бошан, который сочинял исключительно о событиях дня: аннексия Савойи, убийство Луи Лепелетье и Марата, обезглавливание Людовика XVI. Он был явно популярным среди публики, о чем свидетельствует буклет: сборник патриотических песен «посвященный истинным республиканцам гражданам Лево Бошаном и Батистом Дивертиссаном, певцам меню удовольствий санкюлотов» [Brécy, 1988. Р. 14].

Таких певцов не преследовали, но негативно оценивали, например, члены Конвента и профессиональные писатели. Луи Себастьян Мерсье говорил о них так: «Певцы на набережных продолжают заставлять работать парижские кошельки... народ, всегда глупо боготворимый и восторженный, слышит причитания Фавраса, заветные имена Лафайета и Байи, произносимые хриплым, высоким голосом: тогда он не может не удержаться, чтобы не порыться в кармане и не пожертвовать два соля, чтобы получить плоский рапсод, содержащий самые банальные и смешные восхваления двух самых важных фигур в столице». Но было и благоприятное мнение: «Вчера вечером я прошел на Пон-о-Санж; я увидел на эстакаде человека, окруженного большой толпой зрителей всех возрастов, всех полов, по имени Беллероз, который каждый вечер бесплатно развлекает публику, играет на скрипке и довольно красиво поет известные ариетты и патриотические куплеты» [Brécy, 1988. Р. 15].

И в этот, революционный, период подчеркивалась политическая польза таких произведений, поскольку на улицах звучали песни, доступные народу и исполненные в духе революции, за которыми с удовольствием наблюдало общество.

Конвент не устоял перед вторжением авторов песен, нередко перед ним они являлись, чтобы поздра-

вить с его работой или присоединиться к его декретам, внести предложения или обличить злоупотребления. Конечно, члены Конвента недооценивали роль революционной песни, как выразился один из них: «Ничто так не возбуждает души республиканцев, как гимны и патриотические песни. Я был свидетелем потрясающего эффекта, который они производят во время моей миссии в департаментах. Мы всегда заканчивали собрания официальных органов и народных обществ пением гимнов, и энтузиазм членов и зрителей был безошибочным следствием» [Brécy, 1981. Р. 283].

Однако Конвент стал защищаться от таких певцов, которые стали прерывать работу и требовали включения своих произведений в отчет или в бюллетень законов. Дантон протестовал против этих неуместных предложений на слушаньях, и его предложение было принято. Это не помешало народному увлечению песнями и их интерпретацией в общественных местах.

После Термидора противостояние между сторонниками «*La Marseillaise*» («Марсельезы») и реакционерами, противопоставлявшей ей «*Le Réveil du Peuple contre les Terroristes*» («Пробуждение народа против террористов»), вызвало многочисленные инциденты и драки в театрах. По этой причине в январе 1796 г. Директория вмешалась. Так, был издан указ, предписывающий руководителям театров играть перед поднятием занавеса «излюбленные мелодии республиканцев, такие как «*La Marseillaise*», «*Ça ira*», «*Veillons au salut de l'Empire*» («На страже империи»), «*Le Chant du Départ*» («Песнь отъезда»). С другой стороны, запрещалось «петь, оставлять или заставлять петь смертоносную мелодию, известную как «*Le Réveil du Peuple contre les Terroristes*», и указ предусматривал арест всех тех, кто в представлениях «будет возбуждать народ к восстанию, нарушило бы общественный порядок и мир» [Brécy, 1988. Р. 19]. Важно отметить, что до этого вошло в обычай перед началом каждого спектакля исполнять «*La Marseillaise*», а если актеры об этом забывали, то публика напоминала. А после указа Директории это было официально закреплено на бумаге. Через три года, ближе к концу директорского периода, 31 января 1799 года, центральное управление Сены издало новый указ о спектаклях, ставя их под полицейский надзор и устанавливая политическую цензуру.

Из этого можно сделать вывод, что в первые годы Французской революции активную деятельность проявляли певцы, деятельность которых ценилась и признавалась в обществе, а к концу периода для общей и политической безопасности власти регламентировали исполнение революционных песен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 192 с.
- Демичева Т. М. Политика в песнях Франции Старого Порядка // Клио. 2024. № 5. С. 42–50. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории. Ф. 320. Оп. 1. Д. 2669.
- Рубинштейн А. Г. Песни французской революции // Литературный критик. 1939. № 8–9. С. 109–128. Archives parlementaires, 1790. Т. 19. URL: <https://artflsrv04.uchicago.edu/philologic4.7/archparl/navigation/19/0/0/0/0/0/0/618?byte=4615323> (дата обращения: 11.11.2024).
- Archives parlementaires, 1792. Т. 40. URL: <https://artflsrv04.uchicago.edu/philologic4.7/archparl/navigation/40/0/0/0/0/0/0/135> (дата обращения: 11.11.2024).
- Archives parlementaires, 1793. Т. 69. URL: <https://artflsrv04.uchicago.edu/philologic4.7/archparl/navigation/69/0/0/0/0/0/0/35?byte=287172> (дата обращения: 11.11.2024).
- Brécy R. La chanson révolutionnaire de 1789 à 1799 // Annales historiques de la Révolution française. 1981. 53e Année. № 244. Pp. 279–303.
- Brécy R. La Révolution en Chantant. Paris: Francis van de Velde / Christian Pirot, 1988. 231 p.
- Dommanget M. Le symbolisme et le prosélytisme révolutionnaires à Beauvais et dans L'oise: La Cocarde et l'Autel de la Patrie // Annales historiques de la Révolution française. 1925. 2e Année. № 8. Pp. 131–150.
- Rousseau J. J. Essai sur l'origine des langues, Т. 3. Paris: Edition A. Belin, 1817. Pp. 501–543.

SONG AS A MEANS OF EXPRESSING SOCIO-POLITICAL SENTIMENTS DURING THE FRENCH REVOLUTION

P. A. Tareeva

*St. Petersburg State University
(tareeva2003@mail.ru)*

Abstract. This article explores the role of song in the public consciousness of revolutionary France, the social reaction to the emergence of thematic works, and attitudes towards chansonniers. It is worth noting that in times of social change, songs became a powerful tool for political propaganda and social activism. The French parliamentary archives were used for the analysis, as well as unpublished sources from the fonds of the Russian State Archive of the Russian Academy of Arts and Sciences (RGASPI). The work demonstrates the current trends in modern Russian and foreign historiography and introduces new sources into the scientific turnover.

Key words: French Revolution, songs of the 18th century, Ancien régime, the Enlightenment, propaganda

Научный руководитель Тареевой П. А. – Демичева Т. М., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.

В. И. СТАРЦЕВ – НОВАТОР СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

С. О. Лисин

Воронежский государственный университет
(semen.lisin2019@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена научной и педагогической деятельности Виталия Ивановича Старцева (1931–2000) – выдающегося российского историка, исследователя политической истории России начала XX века. Целью работы является анализ вклада Старцева в развитие отечественной историографии и выявление особенностей его научного подхода. Рассматриваются ключевые этапы биографии учёного, становление «ленинградской школы изучения революции 1917 года», новаторские методы работы с источниками и отношение исследователя к проблемам объективности и цензуры в советской науке. Отмечается его влияние на формирование новой научной парадигмы, ориентированной на источниковедческую строгость и плюрализм взглядов. Делается вывод о значении В. И. Старцева как одного из тех, кто способствовал обновлению отечественной исторической науки во второй половине XX века.

Ключевые слова: В. И. Старцев, ленинградская школа, историография, революция 1917 года, новаторство, объективность, историческая наука.

Виталий Иванович Старцев (1931–2000 гг.), видный исследователь политической истории, известен научному миру своим нестандартным взглядом на революционные события 1917 года. В XXI веке, когда ревизионизм стремительно шагает по страницам книг, газет и журналов, как никогда важно найти истоки этого процесса.

Виталий Иванович Старцев родился 14 сентября 1931 г. в Ленинграде, в августе 1941 г. он вместе с тетей и бабушкой был эвакуирован в Тобольск, где находился до сентября 1944 г. Обучался на юридическом факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, где демонстрировал высокие способности, доказательством тому служит тот факт, что в один из его докладов в 1953 г. был выдвинут на конкурс лучших студенческих научных работ г. Ленинграда. В июне 1954 г. Старцев окончил университет с рекомендацией для поступления в аспирантуру по кафедре международного права, но «перепроизводство» юристов не позволило ему продолжить обучение [Николаев, 2001. С. 5].

Будущему историку не удалось найти работу по специальности, поэтому в январе 1955 г. он устроился лаборантом цикла культпросветработы Курсов усовершенствования политработников Советской армии им. Ф. Энгельса. Однако лаборантская деятель-

ность не удовлетворяла Старцева [Николаев, 2001. С. 5]. Настоящая работа для него началась в Ленинградском архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, где он со временем занял пост заместителя директора [Чернобаев, 2001. С. 862]. Период работы в архиве длился с июня 1955 по декабрь 1959 года [Николаев, 2001. С. 6].

Именно в период работы в архиве начинается научная и публицистическая деятельность. В 1957 г. в журнале «История СССР» публикуется его рецензия на вышедший в Ленинграде сборник воспоминаний активных участников революции «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». В том же году появляется его обширная статья о Военно-революционном комитете и Красной гвардии в Октябрьском вооруженном восстании в юбилейном сборнике Академии наук. В эти годы определилась область главных научных интересов Старцева – Октябрь 1917 года в городе Петроград [Чернобаев, 2001. С. 863].

В ноябре 1959 года Старцев поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР) [Николаев, 2001. С. 7–8]. Научным руководителем В. И. Старцева был известный источниковед С. Н. Валк, прививавший своим ученикам основы школы петербургского историка А. С. Лаппо-Данилевского [Руднева, 2023. С. 1064]. Работать в ЛОИИ Старцев начнёт практически сразу после выпуска из аспирантуры – в декабре 1961 года, а уже 14 июня 1962 года защитит диссертацию по теме

«Формирование и состав рабочей Красной гвардии Петрограда» [Николаев, 2001. С. 8].

В ЛОИИ вокруг Старцева собирается круг молодых историков, который позже получит название «Ленинградская школа изучения революции». В состав «школы» входили: О. Н. Знаменский, Г. Л. Соболев, С. Н. Семанов, Ю. С. Токарев, с начала 1960-х гг. Б. Д. Гальперина, в дальнейшем А. Л. Фрайман, Р. Ш. Ганелин, В. М. Гинев, С. И. Потолов, З. В. Степанов. Идеологическую направленность кружка красноречиво описал сам Старцев: «С. Н. Семанов поражал нас тогда своими нестандартными взглядами на революцию, он срывал маски с большевистской демагогии 1917 года и последующих, чем немало шокировал нас. Ведь мы были убежденными сторонниками большевиков и лениноцентристами». Расцвет деятельности объединения приходится на 1964–1968 годы. Ключевой особенностью трудов, выходивших из-под пера членов кружка, становится уделение большого внимания позициям, суждениям и конкретным историческим фактам, имевшим отношение к небольшевистским силам, действовавшим в 1917 г. Важнейшей работой этого периода стала монография «Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции», вышедшая в 1965 г. и в которой Старцев охарактеризовал Красную гвардию как партийное «вооруженное формирование» [Николаев, 2001. С. 9]. В 1964–1966 гг. свет увидел трёхтомную публикацию документов районных Советов. По словам самого Старцева «это была первая объективная и беспристрастная публикация документов 1917 года», поскольку речи эсеров, меньшевиков и анархистов публиковались наравне с большевистскими [Чернобаев, 2001. С. 864]. Позже был издан двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», в котором заявлялось о «регрессе в советской исторической науке с 1931 года». Идя в разрез с политикой партии, Ленинградская школа позволила себе даже упомянуть давно опального Л. Д. Троцкого и привести цитаты из его выступлений. Трёхтомник «История Великого Октября» И. И. Минца, выходивший в те же 60-е гг., Старцев раскритиковал за реанимирование «Краткого курса Истории ВКП(б)» И. В. Сталина [Николаев, 2001. С. 10].

Важное место в научной деятельности Виталия Ивановича Старцева занимает исследование личности Владимира Ильича Ленина. В 1970-м году выходит работа «Ленин и революция. 1917 год», где Старцев описывает вождя как энергичного и целеустремлённого человека с ярко выраженной ненавистью к русской интеллигенции [Николаев, 2001. С. 13–14].

Докторскую диссертацию по теме «источниковедческое исследование произведений В. И. Ленина 5 июля – 14 сентября 1917 года» В. И. Старцев защитил в ноябре 1973 года. По воспоминаниям очевидцев, в частности Б. Д. Гальпериной, «ожесточённые споры продолжались пять часов». Якобы речь шла о покушении на штампы историко-партийной науки, которая канонизировала образ В. И. Ленина, поэтому только 17 декабря 1976 года В. И. Старцеву присвоили научную степень доктора исторических наук [Николаев, 2001. С. 14]. Одной из важнейших работ «Ленинианы» Старцева стал документальный очерк «От Разлива до Смольного». Рецензент критиковал работу за неподобающий образ вождя, как нервного, и неуважительно общающегося с людьми человека [Николаев, 2001. С. 15]. Хотя в целом этот ряд публикаций был написан с «лениноцентристской» точки зрения, предполагавшей, что вождь мирового пролетариата в споре с другими большевистскими лидерами всегда оказывался прав, здесь тоже проявилась характерная черта «ленинградской школы», а именно – описывалась политика не только большевиков, но и других партий, что стало одним из первых проявлений «либерально-коммунистической» оценки революции, которая открыто проявилась только с началом перестройки и «гласности» [Правоведение, 2000. № 4. С. 272].

Не менее значимой вехой исследовательской деятельности В. И. Старцева стала тема борьбы за власть после февральской революции 1917 года. Был опубликован целый ряд работ: «Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.» (1977 г.); «Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г.» (1978 г.); «Внутренняя политика Временного правительства первого состава» (1980 г.); «Крах Керенщины» (1982 г.). Все они прошли не одну ступень рецензирования. Труды критиковали за следование буржуазной историографической традиции, перенасыщение книги пространными выдержками из мемуаров деятелей буржуазно-либерального лагеря, в частности Милюкова, Шипова, Петрункевича, а также в либерализме и малом внимании к большевикам [Николаев, 2001. С. 16–18].

Ранее упоминаемая монография «Революция и власть» 1978 года примечательна и тем, что именно на её страницах впервые затрагивается тема политического масонства, как надпартийного и надклассового объединения людей, стремившихся к благу России [Николаев, 2001. С. 20]. В юбилейном сборнике «История и историк: к 65-летию В. И. Старцева» РГПУ им. А. И. Герцена, вышедшего в 1996 году, исследователь Л. Г. Рогущина в своей статье коснулась про-

блемы истории русского политического масонства в публикациях российских историков, с её слов Старцев первым выступил с серьезным исследованием масонства, вызвав гнев тогдашних консерваторов, с одной стороны, и либеральной интеллигенции, с другой, последние, в свою очередь, считали, что публикации на эту тему укрепят позиции тех, кто рассматривает историю России как результат «жидо-масонского заговора» [Чернобаев, 2001. С. 865].

Когда в начале 1980-х годов новая администрация ЛОИИ не пропустила к публикации монографию Старцева «Россия и Италия в годы Первой мировой войны», историк был вынужден покинуть институт, новым постоянным местом работы стал ЛГПИ им. А. И. Герцена (ныне РГПУ). В 1982 году он получил звание профессора по кафедре истории СССР ЛГПИ. С апреля того же года и до 1 февраля 1998 года он занимал должность заведующего кафедрой, на базе которой за период 1992–1998 гг. организовал 17 конференций [Николаев, 2001. С. 20–21].

В 1992 году В. И. Старцев создал издательскую группу «Третья Россия», позднее появились её отделения – «Минерва» и «Минерва 2», которые суммарно выпустили 50 изданий [Николаев, 2001. С. 20–21]. В 1994 г. Старцев был избран действительным членом Академии гуманитарных наук, членом-корреспондентом Международной академии наук высшей школы [Чернобаев, 2001. С. 866].

С 1 апреля 1998 г. В. И. Старцев был принят на должность профессора кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, где проработал до 1 марта 2000 г. [Николаев, 2001. С. 24].

В последние годы жизни Старцев входил в Координационный совет «Движения за автономию Санкт-Петербурга», от которого в 1998 г. баллотировался в депутаты городского Законодательного собрания. С марта 1998 по июнь 2000 г. он по совместительству был профессором СПбГУ – сначала на философском факультете, затем на факультете психологии [Правоведение, 2000. № 4. С. 277].

В августе 2000 г. Виталия Ивановича Старцева не стало. Уже после кончины историка последняя серия работ удостоилась премии Президента России в области образования за 1999 г.

Описывая В. И. Старцева как личность, исходя из имеющихся источников, стоит обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, в своих трудах он стремился к объективности: «Старцев писал, что в томах юбилейной всесоюзной серии «документы тщательно отбирались,

чтобы создать у читателя впечатление закономерности и неизбежности победы большевиков». Эта заданность вызывала у Виталия Ивановича внутренний протест, который нашел затем свое выражение в ином подходе при публикации документов» [Гальперина, 2001. С. 7].

Во-вторых, историк ценится за новаторство в методах и изучаемых темах, нестандартных для советской науки, например, масонства.

В-третьих, Старцев был человеком принципиальным, вся научная деятельность Старцева до 1991 года прошла в борьбе с государственной цензурой, уже в 1970-е годы он считался «опальным» историком. В этой связи интересен эпизод, касающийся проблем с публикацией документального издания «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы и материалы» из-за требований рецензентов убрать неудобные документы, по поводу чего В. И. Старцев выразился следующим образом: «никаких купюр, изъятий и сокращений в угоду конъюнктуре, тем более искажающих реальные события. Лучше будем ждать 20–30 лет, но сделаем добротное научное, а не ущербное издание» [Чернобаев, 2001. С. 864].

В-четвёртых, стоит отметить лидерские качества Старцева. Уже упоминалось, что он был одним из основателей «ленинградской школы изучения революции 1917 года», провёл 17 конференций, симпозиумов и городских семинаров на кафедре русской истории (ранее «истории СССР»). Его научная работа вышла за границы нашей родины, на организованные им конференции приезжали учёные из США, Японии и Китая. Важным эпизодом популяризаторской деятельности историка является цикл передач «Парадоксы истории» на ленинградском-петербургском телевидении и воскресная передача «Исторический клуб» на Петербургском радио [Правоведение, 2000. № 4. С. 274].

В завершении статьи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что большая часть работ, посвящённых биографии В. И. Старцева, написана его учениками или последователями. Именно поэтому образ историка может показаться таким возвышенным.

Исторический метод Старцева характеризуется отходом от марксистско-ленинской школы и, если не полным, то частичным, отказом от истмата, что, вероятнее всего, стало результатом влияния С. Н. Валка, который приобщил Старцева к цивилизационному подходу в интерпретации истории. «Шестидесятники», историки поколения к которому принадлежал Старцев, творили в эпоху хрущёвской десталинизации,

когда был открыт целый ряд архивных документов. На общей волне демократизации зародились первые ростки идей о пересмотре ранее устоявшихся исторических концепций.

Характер деятельности Старцева и его сподвижников был под стать эпохе «оттепели», красноречиво иллюстрируют мой тезис слова С. Н. Семанова «Теперь иными внушается представление, что «шестидесятники» были сплошь либералами с антисоветским акцентом и даже с предрасположенностью к выезду «за бугор». Это совершенно не так. Мы, в частности, никакими либералами не были, пошлой антисоветчиной не забавлялись, а отъезд «за бугор» был для нас невозможен даже юридически. Правда, мы ненавидели «марксистско-ленинскую науку», которая вовсе и не была наукой, но этим наша «антисоветчина» и исчерпывалась. На наших постоянных и горячих «собеседованиях» мы обсуждали идейно-политические вопросы, исторические сюжеты» [Старцевские чтения, 2007. С. 234–236; Семанов, 2007. С. 235].

Охарактеризовать влияние В. И. Старцева на развитие исторической науки можно следующим образом: во-первых, советским учёным было показано, что необязательно строго следовать марксистско-ленинской парадигме в изучении истории, «ленинградцы» ввели в научное поле политические, идеологические и ряд других мотивов к социально-экономическим изменениям; во-вторых, Старцев и его коллеги расширили круг допустимых к изучению тем, например, подняв тему масонства; в-третьих, на своём примере они доказали важность строгой источниковедческой работы и беспристрастности; в-четвёртых, заложили историческую школу ЛГПИ (ныне РГПУ им А. И. Герцена).

Старцев стал первооткрывателем, своего рода визионером 1960-х годов. Разумеется, с его выводами и научными концепциями можно не соглашаться, однако нельзя отрицать того факта, что его работа стала отправной точкой для начала научной дискуссии, продолжающейся до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гальперина Б. Д., Николаев А. Б. День памяти профессора Виталия Ивановича Старцева / Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев // КЛИО. 2011. № 6. С. 154–156.
- Николаев А. Б. О профессоре В. И. Старцеве и кафедре русской истории РГПУ им. А. И. Герцена // КЛИО. 2013. № 4. С. 140–144.
- Николаев А. Б., Гальперина Б. Д. Старцев (1931–2000): Биобиблиогр. указ. Санкт-Петербург: Нестор, 2001. 72 с.
- Памяти Виталия Ивановича Старцева // Правоведение. 2000. № 4. С. 270–279.
- Руднева С. Е. Выдающийся исследователь политической истории России XX века и российской революции 1917 года Виталий Иванович Старцев // Сборник воспоминаний и научных статей. Санкт-Петербург, 2023. С. 1061–1073.
- Семанов С. Н. Виталий Старцев – летописец русской революции // Старцевские чтения–2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник воспоминаний и научных статей. Санкт-Петербург, 2007. С. 234–236.
- Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник воспоминаний и научных статей. Санкт-Петербург, 2007. 278 с.
- Чернобаев А. А. Старцев Виталий Иванович / А. А. Чернобаев // Историки России. Биографии. Москва, 2001. С. 862–867.

V. I. STARTSEV – AN INNOVATOR OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE

S. O. Lisin

Voronezh State University
(semen.lisin2019@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the scientific and pedagogical activity of Vitaly Ivanovich Startsev (1931–2000), an outstanding Russian historian and researcher of the political history of early twentieth-century Russia. The purpose of the study is to analyze Startsev's contribution to the development of Russian historiography and to

identify the distinctive features of his scholarly approach. The paper examines the key stages of his biography, the formation of the “Leningrad School for the Study of the 1917 Revolution,” his innovative methods of working with historical sources, and his attitude toward the problems of objectivity and censorship in Soviet scholarship. The author emphasizes Startsev’s influence on the formation of a new scientific paradigm based on source criticism and pluralism of opinions. The article concludes that Startsev was one of the historians who contributed to the renewal of Russian historical science in the second half of the twentieth century.

Key words: V. I. Startsev; Leningrad School; historiography; 1917 Revolution; innovation; objectivity; historical science.

Научный руководитель Лисина С. О. – Гришаев О. В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России.

УНИКАЛЬНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

С. Б. Калентьева

Воронежский государственный университет
(wilsoncast@mail.ru)

Аннотация. В данной статье исследуется влияние островного положения на историческое развитие, культуру и национальное самосознание двух островных государств – Японии и Англии, с целью выявления сходств и различий в их историческом развитии, обусловленных географической изоляцией. В сравнении с жителями континентов, японцы и англичане столкнулись с уникальными вызовами, связанными с интенсивным использованием ресурсов, специфическими культурными практиками и ограниченными возможностями для миграции и торговли. В статье рассматриваются различия в подходах к решению проблем: Англия выбирала путь внешнего воздействия, а Япония сосредотачивалась на использовании внутренних ресурсов. В исследовании также подчеркивается влияние островного положения на формирование национальной идентичности и восприятия «свой-чужой» в обоих государствах.

Ключевые слова: Япония, Англия, географическая изоляция, Великобритания, островное положение, культура, национальная идентичность, островная изоляция.

Обитатели обширных континентов редко сталкиваются с проблемами, характерными для островных государств, таких как ограниченность земельных ресурсов, высокая плотность населения и географическая изоляция. В то время как жители материков могут свободно перемещаться по суше, жители островов сталкиваются с ограниченными возможностями для миграции и торговли.

Японцы и англичане, будучи жителями островных государств, исторически сталкивались с этими проблемами. Ограниченность территории и высокая плотность населения приводили к необходимости интенсивного использования земельных ресурсов и развитию специфических культурных практик.

Географическая изоляция, характерная для Японии, создавала особые вызовы для взаимодействия с другими культурами и мирами. В то время как англичане имели возможность морского общения с другими континентами, японцы долгое время воспринимали море как барьер, ограничивающий их контакты с внешним миром. Островное положение, будучи уникальным географическим фактором, оказывает значительное влияние на историю, культуру и развитие наций. Эта статья предлагает сравнительный анализ двух островных государств – Японии и Англии, с

целью выявления сходств и различий в их историческом развитии, обусловленных географической изоляцией.

«Инсулярность» – это термин, описывающий «островную изоляцию», то есть географическое положение, когда территория окружена водой [Баранова, 2021. С. 112]. Это может быть как отдельный остров, так и архипелаг. Жизнь на островах формирует особый образ жизни и менталитет жителей.

Природная среда. Окружающая среда островов, с океаном и морями, оказывает сильное влияние на жизнь людей: от их физических характеристик до социальных структур, верований и традиций. Островные народы также более уязвимы к изменениям в окружающей среде, например, к климатическим изменениям или стихийным бедствиям.

Культурная изоляция. Островное положение часто ведет к тому, что жители развивают уникальные традиции, язык и культурные практики, отличные от других народов. Но эта изоляция также может порождать предрассудки и недоверие к «чужим» культурам, так как жители островов могут бояться перемен и новшеств.

Взаимодействие культур. Несмотря на изоляцию, многие островные народы сталкивались с влиянием других культур, в основном через торговлю или колонизацию. Это привело к тому, что островные культуры, сохраняя свои собственные уникальные черты, впи-

тывают элементы других культур, формируя своеобразный «национальный взгляд на мир».

Таким образом, инсularность – это не просто географическое понятие, а фактор, который глубоко влияет на историю, культуру и образ жизни жителей островов.

Государство Великобритания состоит из четырёх исторических провинций: Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия; расположено на Британских островах (остров Великобритания, северо-восточная часть острова Ирландия, а также большое количество более мелких островов и архипелагов, среди которых Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова, Англии, Арран, Уайт в Атлантическом океане). Омывается Северным, Ирландским, Кельтским и Гебридским морями. Юго-восточное побережье располагается в 35 км от северного побережья Франции, их разделяет пролив Ла-Манш.

Исторически данная область не всегда являлась островной. Согласно геологическим данным, отделение острова Великобритания от материковой Европы произошло примерно 100 000 лет назад в результате таяния ледников и вымывания известняковых пород между островом и континентом.

Япония – островное государство в Восточной Азии. Находится в Тихом океане к востоку от Японского моря, Китая, Северной и Южной Кореи, России. Занимает территорию от Охотского моря на севере до Восточно Китайского моря и Тайваня на юге.

В эпоху Плейстоцена (от 2 580 000 до 11 700 лет назад – последний период оледенений на Земле) Япония была соединена с северо-запада с Евразией сухопутными переходами. Поскольку уровень океана был ниже современного примерно на 140 м, переселенцы могли проникать на территорию архипелага как с севера (современный Хоккайдо), так и с юга (современный Кюсю). Формированию ранней культуры населения Японии способствовал тот факт, что в вышеуказанный период ее территория представляла собой общий массив суши, не разделенный, как сейчас, на острова [Мещеряков, 2014. С. 30].

Англия и Япония, будучи островными государствами, развивались по разным траекториям, что во многом обусловлено особенностями их сельского хозяйства и отношения к миграции.

В Англии преобладали животноводство и выращивание зерновых культур, таких как пшеница, овес и ячмень, которые давали значительно меньший урожай, чем рис, являвшийся основой питания японцев. Благодаря рисовой культуре Япония могла прокормить

большее население на той же площади, что и Англия [Баччи, 2010. С. 26].

Морское пространство, которое для Японии долгое время служило изолятором, для Англии стало фактором связи с другими странами. Это стало возможным благодаря развитию кораблестроения, позволившего преодолевать морские расстояния.

Японцы же, вплоть до середины XIX века, рассматривали море как защитный барьер от внешнего мира. Концепция «страны-крепости, окруженной водой» отражала их стремление к самоизоляции. Внутренняя миграция и переселение на новые территории были нехарактерны для Японии.

Конфуцианские идеи также сыграли свою роль: японские мыслители считали свою страну центром мира, обладающую наилучшими условиями для выращивания риса, поэтому миграция не имела смысла.

Таким образом, Англия решала проблемы путем внешнего воздействия – эмиграции, войн, колониальных завоеваний, – в то время как Япония концентрировалась на использовании внутренних ресурсов.

Островное положение Англии и Японии, хотя и казалось защитой от внешних угроз, оказало глубокое влияние на формирование их культурной идентичности, в частности, на восприятие «своих» и «чужих».

В Англии, во время англо-французской войны (1543–1546), наличие собственного флота и морской армии, успешно действовавших в ряде сражений, укрепило чувство безопасности, основанное на естественных морских границах. Это позволило Англии осваивать новые территории и развивать торговые отношения за пределами Европы. Однако, история противостояния с Францией заложила основу для разделения «свой» – «чужой». Английская пословица «The wogs begin at Calais» («Черномазые начинаются с Кале») ярко демонстрирует, как географические границы Ла-Манша стали и культурными границами, за которыми начинались земли «варваров» для британцев [Панов, 2012. С. 176].

В Японии, с ее жесткой системой сословного деления, оппозиция «свой» – «чужой» была еще более ярко выражена, чем в Англии. Эта культурная обособленность сформировала специфические ценности и поведение японцев. Японцы выработали свою геополитическую модель мира, где Япония являлась «культурным центром», а всё остальное – «варварской периферией». Даже коренные жители юга страны (хяйто) и севера (айну) воспринимались как «варвары». Такое же отношение распространялось и на европейцев.

Таким образом, островная изоляция, хотя и давала чувство защищенности, формировала четкую границу между «своими» и «чужими» в культурах как Англии, так и Японии.

Островное положение Англии и Японии, хотя и отличалось по своим последствиям, способствовало формированию у жителей обеих стран чувства превосходства над другими народами.

Англичане, воодушевленные идеей расширения своего национального пространства и пионерскими достижениями в сфере колонизации, воспринимали себя как «исключительную» нацию, превосходящую другие народы.

В то же время, японцы, чья страна была изолирована от внешних влияний, гордились своим культурным и социальным миром, считая себя неповторимой нацией. Их «островной менталитет» способствовал формированию чувства самобытности и превосходства над «чужими».

В основе этого чувства лежала не просто «избранность», а вера в собственное божественное происхождение и превосходство над другими народами. Эта модель национальной идентичности тесно связана с религиозными представлениями японцев, которые отличались от верований других восточноазиатских государств.

Таким образом, XVI век стал ключевым для формирования британской островной империалистической идеологии и национального самосознания, которое объединяло англичан, подчеркивая их исключительность, самостоятельность и независимость от остального мира.

В то же время, Япония, опираясь на свою островную изоляцию, создала свою уникальную модель национальной идентичности, основанную на чувстве превосходства и божественного происхождения.

В заключение можно сказать, что островное положение, климат и природные условия Англии и Японии оказали глубокое влияние не только на расселение и хозяйственную деятельность их жителей, но и на формирование менталитета и национального сознания. Однако, важно понимать, что «национальный характер» – это не статичный, неизменный элемент, а динамичное образование, которое постоянно меняется во времени и под влиянием разных факторов. Поэтому, для глубокого понимания «национального характера» необходимо анализировать его составляющие в контексте конкретных исторических периодов и ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баччи М. Л. Демографическая история Европы. Санкт-Петербург: Alexandria, 2010. 26 с.
- Баранова Л. Л., Мишина Л. Ф. Вербальное отражение концепта 'insularity' как составной части понятийной картины мира британцев (на материале журнала The Economist) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 112–121.
- Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: Дело, 2014. 100 с.
- Мещеряков А. Н. Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст) // Японские исследования. 2022. № 1. 17 с.
- Мещеряков А. Н. Идея моногамии и семейные отношения в Японии периода Мэйдзи // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 185–195.
- Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Ежегодник Японии. 2012. Т. 41. С. 172–185.
- Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия // Русский журнал. 25.12.1997. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html (дата обращения: 22.12.2025).
- Jeremy B. A history of the British Isles. USA: Basingstoke: Macmillan, 1997. 338 p.

A UNIQUE GEOGRAPHICAL LOCATION AS A FACTOR INFLUENCING THE NATIONAL CHARACTER

S. B. Kalentyeva

*Voronezh State University
(wilsoncast@mail.ru)*

Abstract. This article examines the influence of island location on the historical development, culture, and national identity of two island states – Japan and England – with the aim of identifying similarities and differences in their historical development due to geographic isolation. Compared to the inhabitants of the continents, the Japanese and the British faced unique challenges associated with intensive use of resources, specific cultural practices and limited opportunities for migration and trade. The article examines the differences in approaches to solving problems: England chose the path of external influence, while Japan focused on using internal resources. The study also highlights the influence of the island position on the formation of national identity and the perception of «friend» «stranger» in both states.

Key words: Japan, England, geographical isolation, Great Britain, East.

Научный руководитель Калентьевой С. Б. – Солодовникова С. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.

МОРСКОЙ ФЛОТ АФИН В ЭПОХУ АРХАИКИ

А. О. Куянцев

Воронежский государственный университет
(alekuyancev2004@mail.ru)

Аннотация. В данной статье с использованием информации разнотипных источников исследован вопрос о зарождении морского флота Афин в VIII–VI вв. до н. э., его истоков и источников, тенденций и форм. Предложена реконструкция истории и самого процесса его создания с учётом социально-экономического и политического развития Афин в эпоху Архаики. Автором определена структура флота, типы морских судов и боевых кораблей, высказаны предположения об источниках финансирования их строительства и комплектования экипажей. Определена роль навкратий как финансовой основы морского флота Афин до военных конфликтов с Персией. Уяснены древнейшие события с участием афинских военно-морских сил в боевых действиях.

Ключевые слова: Афины, Килонова смута, навкратии, пентеконтера, триера.

Предпосылками к возникновению морского флота, мореплавания и судоходства в Афинах VIII–VI вв. до н. э. были те же самые, которые характеризовали эволюцию прибрежного сельскохозяйственного по своему типу греческого полиса в морскую державу.

Это обуславливалось как климатическим, так и экономическим и географическим факторами. Главным из них выступал дефицит земли, ограничивавшей как отношения собственности, так и социальные размеры самого полиса, испытывавшего со времени своего создания (1100 г. до н. э.), трудности в обеспечении своего суверенитета и безопасности. В такой ситуации экономика полиса в целом и каждого гражданина-собственника диктовали необходимость поиска альтернативных средств существования, которые были быстро выявлены. Иконографические памятники Аттики с изображениями многочисленных и разнотипных морских, промысловых, торговых судов и пиратских кораблей показывают, что одной из основных форм доходов населения Афин стали морские промыслы, перевозки и морская торговля, обусловившие появление судостроения и связанных с ним ремёсел. Наряду с этим довольно остро встала проблема обеспечения безопасности судоходства и торгового мореплавания перед лицом угрозы со стороны пиратов. Само греческое слово «*reigai*», по В. Л. Григоря-

ну, предположительно означало «нападать» [Григорян, 2004. С. 7], что уже говорит о возникшей насущной проблеме защиты судовых караванов путем создания боевых кораблей.

Ввиду отсутствия ранних письменных источников о морском деле в Афинах периода становления полиса после «синойкизма» Тезея, поэмы Гомера (и свидетельство Фукидида) становятся одним из основных свидетельств относительно тенденций развития морского флота и мореплавания в Греции вообще, в Афинах в частности, тем более, что во Второй песне «Илиады», известной как «Каталог кораблей» присутствуют данные о 50 кораблях афинян под командованием царя Менесфея: «... с ним пятьдесят кораблей, под дружиною, чёрных примчалось» [Ном., II, II, 550–555].

Поэма «Илиада» не сосредотачивается на подробном, детальном описании судов данайцев. Невозможно точно установить основные функции военных кораблей гомеровской эпохи. В тексте приводится лишь описательная характеристика, дающая примерные представления об устройстве кораблей, например: «чёрные суда», «корабли красноносые» – указания на технику окрашивания ахейцами своих судов либо на породу древесины, из которых изготавливались корабли. Показательной является характеристика, согласно которой это были «чёрные» т. е., как считается, боевые корабли, по всей видимости, пентеконтеры (суда с 50-ю гребцами). Собственно, такая ситуация

отмечена Фукидидом в его экскурсе в историю мореплавания. Он отметил наличие во времена Гомера 120-вёсельных кораблей и морских судов с экипажем в 50–60 человек, а на следующем этапе пентеконтеры и триеры [Thuc., I, 10–13], которые вводились в строй для колонизации областей в Ионическом море и борьбы с пиратами.

Несмотря на это, мы получаем известное представление о составах греческих флотов и их экипажах [Моррисон, Уильямс, 2014. С. 89]. Нам известно оснащение судов, порядок их снаряжения при отплытии и швартовке. Имеются данные о корабельных снастях, материалах и инструментах, используемых корабельными. Наши источники указывают на различия в численности экипажей на разных судах, что говорит о разных размерах кораблей и о различиях в порядке их комплектования [Андреев, 1976. С. 77]. Появляется информация о гаванях и сухих доках в античных полисах. Гавань Алкиноя, царя феаков, в указанном отношении представляет интерес как образец современного времени жизни Гомера порта. Она огибает город с двух сторон, каждый из кораблей у пристани стоит под кровлей, а снятые во время стоянки снасти, паруса и вёсла хранятся «в пространственных зданиях» [Hom., Od VI, 263–269].

Дополнительная информация о типах морских судов Греции эпохи архаики содержится в трудах Геродота и Фукидида. Они сообщают о круглых и длинных торговых кораблях, на которых перевозилось Понтийское зерно в Афины [Кисельников, 2006. С. 313–322]. Среди них присутствуют суда разного тоннажа [Thuc., VI, 44]. Судя по терминологии их обозначения, среди них были как парусные, так и парусно-гребные суда, причём самые ранние упомянуты Гомером [Casson, 1973. P. 159].

Помимо письменных источников, как уже отмечалось, об Афинском флоте архаического полиса сообщают более сотни изображений кораблей в виде граффити на различных поверхностях, среди которых непосредственный интерес представляют изображения на Дипилонских сосудах геометрического стиля, обнаруженные непосредственно на территории афинского городища у одноимённых ворот. Изображения дают наиболее наглядное представление о том, как могли выглядеть корабли в представлениях своих современников. Их значительная часть представлена пентеконтерами, триерами и лодками перевозчиков товаров из сельской Аттики в афинский порт Пирей.

Анализ указанной базы источников позволяет составить представление об основных типах и классе морских судов и кораблей, их конструкции, использу-

емом корабельном лесу, включая технологию строительства и способы эксплуатации.

В настоящее время, благодаря исследованиям как отечественных, так и зарубежных учёных эти аспекты выявлены и изучены. Установлено, что основной боевой единицей афинского флота в эпоху архаики являлись тождественные изображениям на геометрической керамике корабли с пятьюдесятью вёслами – пентеконтеры (πεντεκόντερος) [Блаватский, 1954. С. 61]. Данное судно представляло собой корабль смешанного назначения, который использовался, как показывает пример главного героя в XIV Песне «Одиссеи» как пиратское военное судно [Hom., Od., XIV, 85; 220; 247–248; 250–259], способное перевозить и грузы до 10–15 тонн. Для этого оно располагало крепким остроугольным волнорезом и значительным пространством под скамейками гребцов. Также прослеживается сходство со свидетельством Гомера о пятидесяти двух гребцах на судах феаков [Hom., Od., VIII, 35–37].

Для корпуса кораблей гомеровской эпохи, в том числе и афинских, использовались разные породы корабельного леса – тополя, ольхи, сосны – чьи свойства легкости, достаточной для удержания судна на воде, уже были известны грекам [Петровский, 2017. С. 285]. Деревья срубались топором, обстругивались, готовые доски сколачивались с помощью шипов-гармоний, вставлявшихся в просверлённые буравом отверстия. Палуба корабля состояла из дубовых досок, более прочных, но непригодных для установки во внешний корпус. Фукидид, уточняя данные о конструкции судового корпуса гомеровских кораблей, говорит об отсутствии палубы на данных судах. Это показатель традиции сооружения корпуса в первую очередь путём сгибания досок его обшивки с последующим вставлением, заменяющих шпангоуты, стрингеров и балок, обеспечивавших продольно-поперечную прочность корабля. Такая конструкция с отсутствием верхней палубы, по мнению Фукидида, имела сходство с пиратскими судами [Thuc., I, 10, 4]. Для управления судном устанавливалось рулевое весло. Снаружи корабль покрывался плетнём из сучьев ракиты. На кормовой части пентеконтеры крепились рычаги, предназначенные для отчаливания от песчаного берега, если корабль пришвартовался непосредственно на сушу, без использования якоря.

В то же время в Коринфе уже существовал новый тип судов, известных как триремы (греч. τριῆρες). Этот корабль превосходил по своим размерам пентеконтеру Афин: экипаж составлял двести человек, включая гребцов, кормчего и перевозимых гоплитов.

При рассмотрении вопроса о возникновении и развитии флота Афин в период Архаики неизбежно возникает необходимость анализа и интерпретации письменных свидетельств современников. Среди таких записей наиболее ценными по поставленной проблеме являются труды древнегреческих историков Геродота (484 – 425 гг. до н. э.) и Фукидида (460 – 400 гг. до н. э.). Их свидетельства позволяют проследить эволюцию становления Афинской архэ через развитие её военно-морских сил.

Одним из аспектов данного исследования является существовавший в эпоху Архаики государственный институт навкрарий. Они имели непосредственное отношение к возникновению и развитию афинского флота. Первое упоминание о данном институте оставил Геродот.

В Афинах произошло событие, известное по сообщению «отца истории» как «Килонова смута». Олимпийский победитель Килон осуществил неудачную попытку государственного переворота в Афинах, с целью стать тираном в полисе. «Отец истории» говорит о содействии в поимке Килона афинских навкрарий, возглавляемых некими «старостами». Следует отметить, что Геродот в своём повествовании упоминает только об одной функции, осуществляемой навкрапиями. Это руководство афинским полисом от лица старост, известных как пританы. Аристотель уточняет, что до реформ Клисфена пританы выполняли властные функции, которые затем перешли к демархам. То, что одну из ролей в ликвидации мятежа Килона была сыграна знатными навкраями, указывает на стремление пританов избавиться от будущего тирана, который мог установить, подобно Писистрату, общенародную диктатуру [Соловьева, 2017. С. 55].

В обязанности навкрарий входило снаряжение флота кораблями. За это отвечали должностные лица, известные как триерархи, капитаны триер. Также навкрарии имели право собирать налоги, поскольку корабли строились и оснащались на средства из этих сборов. Таким образом, можно оспорить суждение Р. Ахссан о невозможности четкого определения функции навкраев [Ахссан, 2021. С. 152]. Строительство кораблей финансировали и отдельные лица, не входящие, по-видимому, в навкрарии. Так, по словам Геродота, некий афинянин Клиний для участия в боевых действиях против персов на собственные деньги построил триеру и нанял экипаж [Herod., VIII 17].

Существенным недостатком такой системы снабжения флота новыми судами являлся жёсткий контроль финансов со стороны аристократических родов [Eijnde, P. 55]. Также имело место неграмотное рас-

пределение средств. Последний пункт подразумевает, что деньги распределялись между гражданами и не предназначались для военных целей [Herod., VII 144]. Кроме того, нельзя обойти стороной производственный фактор, который также выступает недостатком архаической системы. Дело в том, что с одной навкрарии поступало на флот по одному кораблю уже устаревшего типа пентеконтеры. Зная, что всего на территории Аттики в эпоху Архаики существовало 48 навкрарий [Бузескул, 2003. С. 68] (12 из них в самих Афинах), нетрудно определить, что подобный принцип комплектования афинского флота мог быть действенным только в мирное время.

Клисфен стал первым, кто начал наступление на позиции пританов, то есть старост навкрарий. Аристотель в своем труде «Афинская полития» сообщает о введении новой должности демархов. Афины были разделены на тридцать демов, чтобы демократизировать население и избавиться от влияния родов навкраев. Демархи стали во главе этих демов, продолжая при этом выполнять «те же обязанности, что прежние навкраи» [Arist., Pol., I. 21. 5]. Это означало конец системы навкрарий. По крайней мере, более о данном институте нет упоминаний.

Активное участие в подготовке греческого флота для противостояния персов принимали союзники Афин и те полисы, с которыми удалось провести успешные переговоры. Союзный флот, собранный у Артемисия, состоял из 271 корабля. В это число не вошли пентеконтеры, как разумно отмечает Геродот, проведя строгую грань между пентеконтерами и боевыми кораблями [Herod., VIII 144]. Отсюда следует, что судно из 50 вёсел выполняло в Архаических Афинах вспомогательные функции. Эллинам на рейде Артемисия удалось захватить 15 персидских кораблей под предводительством Сандока [Herod., VII, 194]. При подсчёте выясняется, что боевых судов в эллинском флоте было на 5 единиц меньше, чем утверждает Геродот. Отсюда следует, что пять персидских кораблей встали в строй к боевым кораблям греков, остальные 10 оказались вспомогательными (вероятно, перевозили припасы). В дальнейшем отличительной особенностью военно-морской тактики Афин будет привлечение флотов союзных полисов.

Афиняне имели в распоряжении внешнюю разведку, в чью обязанность входило информирование о сухопутных и морских силах противника. Обнаруживая численное превосходство вражеского флота, афиняне не стремились сразу атаковать, а предпочитали держать оборону возле мысов и укрепленных узких гаваней, стремясь заманить врага в ловушку.

Там преимущество персидских кораблей в численности и их манёвренность не играли роли. Перед атакой греческие корабли поворачивались мощными носами в сторону кораблей противника, чтобы удобнее осуществлять таран. Афиняне в морском бою захватывали некоторые корабли персов для дальнейшего использования. Командирские корабли имели на борту опознавательные знаки.

Экипажи греческих, в том числе афинских, судов комплектовались неопытными в мореплавании жителями полисов, не имевших выхода к морю. Подобное явление можно объяснить тем, что многочисленные флотские экипажи набирались в спешке, не было строго регулируемого порядка вербовки моряков, ведь до этого у Афин не было потребности в содержании столь больших военно-морских сил.

Древнейшим конфликтом на море с участием Афин, который имел место до греко-персидских войн, является, по Геродоту, «необъявленная» война с Эгиной. К сожалению, «отец истории» не сообщает конкретных фактов относительно боевых действий афинян и эгинцев. Нам известно лишь о пиратских рейдах Эгины в водах Аттики. Во второй войне Афины приобрели у Коринфа 20 кораблей при наличии 70 соб-

ственных. Известно о двух морских сражениях между Эгиной и Афинами. Точный ход их неизвестен, во второй битве афиняне отступили в свои владения, потеряв четыре корабля.

Примерно в 504 году до н. э. афиняне стали готовиться к полномасштабной экспедиции в Эгину, но из-за затруднений с предсказанием оракула и данных о возможном вторжении лакедемонян в Афины, поход пришлось отложить. Именно для этого похода Фемистокл и приказал заложить новый флот из 200 триер, использованный позже в сражениях с персами.

Таким образом, в ходе анализа источников удалось сделать вывод о возможности использования художественных произведений, в случае, если прочих письменных источников не сохранилось либо выяснена их недостоверность. Преобладающим типом корабля в Афинах эпохи архаики являлась пентеконтера, которую позже стала вытеснять триера, как более совершенное судно. Постройка флота первоначально входила в полномочия знати и пританов – старост навкратий, что было изменено при стратеге Фемистокле. Главной предпосылкой усиления Афин на море стала внешняя угроза со стороны более могущественных соседей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геродот. История. Москва: Ладомир: АСТ, 1999. 739 с.
- Гомер. Илиада. Москва: Правда, 1984. 429 с.
- Гомер. Одиссея. Москва: Правда, 1985. 317 с.
- Фукидид. История. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 543 с.
- Ахссан Р. Навкратии и смута Килона. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navkrarii-i-smuta-kilona/viewer> (дата обращения: 02.10.2025).
- Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/blavatskiy_ocherki_voennogo_dela/4.htm#a4 (дата обращения: 09.04.2025).
- Бузескул В. П. История афинской демократии. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 480 с.
- Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море. Москва: Академкнига, 2004. 223 с.
- Кисельников А. В. К вопросу о классификации греческих и римских торговых судов V в. до н. э. – II в. н. э. // Античный мир и археология. Москва, 2006. Вып. 12. С. 313–322.
- Моррисон Дж. С., Уильямс Р. Т. Греческие весельные корабли. История мореплавания и кораблестроения в Древней Греции. Москва, 2014. 350 с.
- Петровский В. М. Корабельный лес в греческом судостроении классического периода // Боспорские исследования. Керчь, 2017. Вып. XXXV. С. 285–295.
- Снисаренко А. Б. Эвпатриды удачи. Трагедия античных морей. Ленинград: Судостроение, 1990. 413 с.
- Соловьева А. С. Заговор Килона – предпосылка первых законов Афин // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 7. С. 54–59.
- Eijnde, van den, Fl. The “First Athenian Empire”? Athenian Overseas Interests in the Archaic Period // Empires of the Sea: Maritime Power Networks in World History. Brill, 2020. Pp. 52–80.
- Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, N. J., Princeton University Press. 1971. 572 p.
- Forde S. Thucydides on the Causes of Athenian Imperialism // The American Political Science Review. 1986. Pp. 433–448.

NAVAL FORCES OF ATHENS IN THE ARCHAIC ERA

A. O. Kuyantsev

*Voronezh State University
(alekuyancev2004@mail.ru)*

Abstract. In this article, using information from various sources, an attempt is made to solve the problem of the origin, origins and sources, trends and forms of development of the naval fort of Athens in the VIII-VI centuries BC. Reconstruction of the history and the process of its creation are proposed, taking into account the socio-economic and political development of this Greek polis, which was unusual in the Archaic Era. The author defines the structure of the fleet, types of naval vessels and warships, and suggests sources of financing for their construction and manning. The role of the naval reforms of strategist Themistocles as the main basis of the naval power of Athens in the future is determined.

Key words: Athens, The Kilon Troubles, Naucreries, Pentecontera, trireme.

Научный руководитель Куянцева А. О. – Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира.

ЖРЕЧЕСКИЕ КОЛЛЕГИИ ДРЕВНЕГО РИМА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ–КЛАВДИЕВ ПО ДАННЫМ СВЕТОНИЯ

А. М. Просви́рин

Воронежский государственный университет
(alestikk@yandex.ru)

Аннотация. Кардинальные изменения, происходившие в начале эпохи Принципата во всех областях жизни Древнего Рима, оказали весьма заметное влияние и на сакральную сферу, в том числе на жреческие коллегии. На основе данных, приводимых Гаем Светонием Транквиллом в «Жизни двенадцати цезарей», можно сделать предположение о возрастании роли понтификов, их включении в политические процессы и объединении светской и сакральной власти в руках императора в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Древний Рим, Принципат, жреческие коллегии, понтифики.

В изучении сакральной сферы жизни древнеримского общества I в. до н. э. – I в. н. э. одним из самых ценных источников является труд Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей», освещающий сложный период зарождения и первых десятилетий Принципата. В данном труде мы можем найти немало информации, позволяющей нам проследить процесс коренных изменений в государственном и общественном строях рассматриваемого периода, а также изучить возможную динамику развития сакральной сферы Древнего Рима и изменения функций и статуса жреческих коллегий.

Во-первых, сразу стоит отметить отсутствие какой-либо динамики развития в функциях и деятельности коллегии весталок, известных в древнейший и республиканский периоды как почитательниц Весты, хранительниц очага общины, курии или отдельного домохозяйства [Сморчков, Кофанов, 2001. С. 289], т. е. как сугубо неполитизированной жреческой коллегии. В рассматриваемый период Светоний не наблюдает никаких свидетельств вовлечения весталок в политическую жизнь Древнего Рима, а упоминаемые им эпизоды лишь подтверждают исключительно сакральную роль данной коллегии: прослеживается особое отношение к весталкам со стороны великого понтифика, в сане которого Октавиан Август увеличивал как почтение к ним, так и их льготы (Suet. Oct. 31. 3); император Тиберий завещает весталкам подарки (Suet. Tib. 76); весталки зачастую являются почётными го-

стями на праздниках и торжествах (Suet. Oct. 44. 2–3; Nero. 12. 4).

В то же время, наиболее полную и подробную информацию в своих текстах Светоний дает о жреческой коллегии понтификов, что позволяет нам сделать предположение о большой вовлечённости жрецов-понтификов в политическую жизнь и процессы, освещению которых историк отводит главную роль. Одной из основных точек зрения современных исследователей на значение коллегии понтификов на конечном этапе существования Республики можно считать мнение А. М. Сморчкова, который считает, что понтифики играли далеко не главную роль даже в области священнодействий, а верховенство в сакральной сфере принадлежало сенату и магистратам [Сморчков, 2001. С. 139].

Светоний довольно подробно описывает основные функции коллегии понтификов и великого понтифика в рассматриваемый период: распоряжение пророческими книгами (причём как латинскими, так и греческими) (Suet. Oct. 31. 1); распоряжение календарём, внесение изменений в него (Suet. Oct. 31. 2); «реформирование» других жреческих коллегий, в частности сообщества весталок, изменение их положения и прав (Suet. Oct. 31. 3), что является наиболее наглядным показателем всей полноты влияния великого понтифика на других жрецов; распоряжение обрядами, т. е. введение/восстановление и внесение изменений в обрядовый процесс (Suet. Oct. 31. 4); предложение к принятию новых членов коллегий (Suet. Claud. 22); распоряжение важнейшими всенародными молебствиями и их проведение (Suet. Claud. 22). О положении понтификов можно делать выводы и из приводимых

Светонием сведений о переезде Цезаря из скромного дома на Субуре в государственное здание на Священной дороге сразу после принятия сана великого понтифика (Suet. Iul. 46). О большой вовлечённости рассматриваемой жреческой коллегии в политическую жизнь Рима свидетельствует то, что люди, занимавшие главенствующее положение в политике Рима (внешней и внутренней), стремились занять и должность великого понтифика: первым из таких людей был Цезарь (Suet. Iul. 13), а впоследствии коллегию понтификов возглавляли и почти все принцепсы I в. н. э. – и Октавиан Август (Suet. Oct. 31. 1), и Гай Калигула (Suet. Calig. 12. 1), и Клавдий (Suet. Claud. 22), и так далее. Самого великого понтифика можно охарактеризовать как верховного жреца, настолько авторитетного, что в его честь в Риме могли даже проводиться специальные понтификальные игры, сопровождаемые празднествами и представлениями (Suet. Oct. 44. 3). Данные факты указывают на то, что коллегия понтификов была важным инструментом в руках политических деятелей Рима, особенно императоров, которым было необходимо подчеркнуть всю важность своего высокого положения в государстве своей принадлежностью к некой «сакральной общности», которую составляли римские жрецы.

Однако всё вышеперечисленное идёт в разрез с мнением о верховенстве сената и магистратов в сакральной сфере периода Поздней Республики, и факты указывают на гораздо более весомое и привилегированное положение коллегии понтификов. Можно сделать предположение о том, что переходный период I в. до н. э. – I в. н. э. мог привнести в религиозную сферу жизни римского государства такие преобразования, которые могли коснуться и положения понтификов, возрастание значимости которых хорошо прослеживается в текстах Светония. Скорее всего, эта тенденция неразрывно связана с развитием в Римском

государстве института власти принцепсов, политическая власть которых была неотделима от религиозных обрядов и священнодействий, что и могло повлечь за собой заметное возрастание роли коллегии понтификов и великого понтифика в том числе и в сравнении с сенатом. Как отмечает Е. М. Штаерман, пришедший к власти Август занимался «оживлением» тех жреческих коллегий, функции которых были забыты [Штаерман, 1987. С. 167]; возможно, в эту категорию могли попасть и жрецы-понтифики, так как это отвечало бы интересам императора Августа, стремившегося поддержать свой божественно-императорский культ [Штаерман, 1987. С. 176].

Прочие жреческие коллегии остаются без должного внимания историка, на основе чего, по аналогии с коллегией весталок, можно сделать вывод об их малой вовлечённости в политические процессы Римского государства (или о полном отсутствии таковой).

В заключение стоит отметить, что сведения, содержащиеся в «Жизни двенадцати цезарей» Светония, позволяют нам составить определённое представление о том влиянии, которое оказал на сакральную сферу сопровождающийся резкими изменениями этап перехода Римского государства от Республики к Принципату. Наиболее вероятно, что ключевым явлением здесь было становление и развитие власти принцепсов: в частности, в I веке н. э. весьма существенные изменения претерпевает роль коллегии понтификов, возрастает влияние великого понтифика на другие жреческие коллегии, а его положение как верховного священнослужителя заметно возрастает в сравнении с сенатом, что подтверждает связь с развитием института императорского правления, поскольку для императоров было весьма характерно совмещать в себе как светскую власть в роли принцепсов, так и религиозную в роли великих понтификов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Москва: Правда, 1988. 512 с.
 Сморчков А. М. Коллегия понтификов // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Москва, 2001. 328 с.
 Сморчков А. М., Кофанов Л. Л. Коллегия весталок // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Москва, 2001. 328 с.
 Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. Москва, 1987. 320 с.

PRIESTLY COLLEGES OF ANCIENT ROME IN THE JULIO-CLAUDIAN PERIOD ACCORDING TO SUETONIUS

A. M. Prosvirin

Voronezh State University
(*alestikk@yandex.ru*)

Abstract. Fundamental changes brought by the Principate to every area of life in Ancient Rome had a significant impact on the field of religion, including priestly colleges. The evidence from *The Twelve Caesars* by Suetonius suggests that the Julio-Claudian period saw the rise in importance of pontifices, their inclusion in political processes and combining the secular and religious power in the hands of emperor.

Key words: Ancient Rome, Principate, priestly colleges, pontifices.

Научный руководитель Просвирина А. М. – Гончаров В. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВОЙНЫ ШВЕЙЦАРСКИХ КАНТОНОВ В XIV в.: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕХОТЫ

Е. В. Розмысл

УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
(erorrozmysl@gmail.com)

Аннотация. Опираясь на многочисленные исследования, автор реконструирует военную историю швейцарских кантонов в XIV в. Цель исследования – определить роль развития военного искусства в Швейцарии на военное дело в Позднем Средневековье. Обращается внимание на характер складывания данного союза, как в первую очередь военного, против экспансии австрийских Габсбургов. Обзор сражений при Моргартене 1315 г. и Лаупене 1339 г. как побед швейцарцев над рыцарством становится катализатором объединения кантонов. Благодаря последнему происходит модернизация вооруженных сил. Отмечены характер боевого построения, вооружение, тактика, дисциплина, мобилизационный потенциал. Доказательством формирования качественной военной машины выступают победы горцев над гутлерами в 1376 г., победы при Земпахе в 1386 г. и Нефельсе в 1388 г. над австрийскими Габсбургами в результате присоединения новых кантонов. Итогом последнего становится де факто признание независимости Швейцарии и становление последней одной из самых грозных военных сил в Европе, особенно против тяжелой кавалерии, что символизирует начало военной революции от доминирования рыцарства к профессиональной пехоте.

Ключевые слова: Швейцарская конфедерация, рыцарство, военная революция, милитаризация, профессиональная пехота, битва при Земпахе.

В XIV в. в Альпийских горах сформировалась новая мощная сила – Швейцарская конфедерация. За менее чем столетие, их дисциплинированная, вооруженная пиками пехота совершила революцию в военном искусстве Европы: на смену тяжелой бронированной коннице пришли пешие порядки. Причиной такой трансформации послужили военная организация швейцарских кантонов и умение вести войны в условиях горных вершин.

История гордых и независимых горцев берет свое начало 1 августа 1291 г., когда 3 кантона (округа) Швиц, Ури и Унтервальден заключили «вечный» договор о союзе и взаимопомощи», к которым вскоре присоединились свободные города Цюрих, Берн, Констанц, Базель [Драгунов, 1968. С. 9; Островская, 1987. С. 6–7; Свечин, 1927. С. 131], что вызвало недовольство Габсбургов.

Повод для войны наступил в 1315 г., когда кантоны поддержали императора Людвига Баварского, а также разграбили австрийские земли, что дало Фридриху Габсбургу возможность покарать мятежников. Итогом стала битва при Моргартене 15 ноября 1315 г. Заняв позиции в узком проходе, 1400 горцев ожидали

подхода 4000 латников и 6000 пехоты эрцгерцога Леопольда Австрийского [Харботл, 1993. С. 306]. Когда те достигли самого узкого прохода и поняли, что кони не в состоянии его преодолеть, то развернулись. Тотчас, слева по склону, через густой туман, 50 швейцарцев-изгоев с горы Матлигюч посыпали на немцев лавину камней и бревен. Наверху, на позиции у Шорена, недоступной для конницы, был поставлен отряд швейцарцев. Когда часть австрийской кавалерии спешилась и двинулась против изгнанников, мгновение спустя на колонну справа обрушились 1300 горцев. Град камней отрезал рыцарей от пехоты. В образовавшемся столпотворении сотни людей были оттеснены за обочину и потонули в озере Эгери. Работая алебардами, дубинками и моргенштернами, швейцарцы теснили латников, а те хлынули на колонну собственной пехоты и, топча соотечественников, поскакали назад. В итоге многие погибли в давке. В итоге около 2000 латников пали в битве [Денисон, 2014. С. 123; Дельбрюк, 1938. С. 350–351; Коггинс, 2009. С. 103; Марков, 1886. С. 117; Оман, 2011. С. 54; Пузыревский, 1884. С. 28; Свечин, 1927. С. 133; Строков, 1955. С. 211]. Воодушевленные победой, жители Люцерны иерна вступили в конфедерацию. 9 декабря 1315 г. в местечке Бруниен три кантона повторно за-

ключили альянс, получивший название «Союз трех земель» [Беннет, 2006. С. 63; Давыдов, 2012. С. 38].

В 1339 г. борьба возобновилась, когда граф Жераром Валанжинский обрушился на владения Берна. Последний совершил рейд к замку Аарберг, что позволило противникам конфедерации собрать мощную коалицию из 16000 пехоты и 1000 рыцарей, которые в 10 июня осадили Лаупен [Давыдов, 2012. С. 287].

Утром 21 июня войско бернцев и их союзников в 6000 воинов, во главе с рыцарем Рудольфом фон Эрлахом выступило к Лаупену. Увидев это, противник оставил отряд и двинул войско навстречу швейцарцам [Давыдов, 2012. С. 287]. К полудню горцы заняли оборонительные позиции, построив войско в 3 каре по 30, 40, 50 шеренг каждая с отрядами конников и лучников для поддержки: это давало им преимущество, поскольку каждая баталия действовала самостоятельно. Бернцы заняли позиции северо-западнее и сошлись с более многочисленными отрядами фрибурских пехотинцев. Немцы послали один корпус в обход, стремясь обратив арьергард бернцев в бегство. Но баталия выдержала атаку с фронта, встретив их стрелами, градом камней и контратаковала. Фрибуржцы рассеялись. Одновременно вперед бросился авангард, но при спуске был остановлен рыцарями и окружен. Тогда, оцетинившись алебардами, горцы образовали «еж»: латники были не в состоянии прорвать строй пик и оказались в замешательстве, когда главная баталия швейцарцев атаковала рыцарей с фланга. Одновременно на оставшихся немцев ударил в тыл гарнизон Лаупена [Беннет, 2006. С. 63–64; Дельбрюк, 1938. С. 356; Монтгомери, 2004. С. 71; Оман, 2011. С. 53, 56; Пузыревский, 1884. С. 29; Свечин, 1927. С. 137]. Согласно оценкам современников, за короткое время было перебито до 1500 врагов [Давыдов, 2012. С. 288].

Чудовищный разгром имперской армии горцами, в 3 раза уступавшими в численности способствовал консолидации Швейцарской конфедерации. Несмотря на то, что процесс складывания государственности произойдет лишь спустя 2 столетия, начался процесс складывания армейской структуры.

Важнейшие требования, предъявляемые к действиям конфедератов во время военных походов и сражений, были кодифицированы и сформулированы в Земпахском письме (1393 г.), которое на протяжении XV в. легло в основу военных уставов отдельных кантонов и всего союза [Давыдов, 2012. С. 99]. До этого каждый кантон самостоятельно определял военную политику.

Основой строя в XIV в. был каре, в котором в каждой шеренге было равное количество людей, сто-

ящих плечом к плечу и на большем расстоянии друг от друга по глубине. Главная задача – выбрать поле боя таким образом, чтобы один из флангов армии был естественным образом защищен, а другой могли бы защитить продвигающиеся дальше подразделения [Меринг, 1941. С. 71; Строков, 1955. С. 211]. Третье формирование сохраняло свободу действий и, если возникала необходимость, могло обойти противника с фланга и атаковать его как с тыла, так и с фланга. Если рыцари атаковали два отряда во фланг, третье формирование могло провести собственную атаку и прорвать фронт вражеских рыцарей. Как только это было сделано, победоносное подразделение спасло два отряда, которые были остановлены, и громило врага. Следует заметить, что рыцарям было очень трудно атаковать швейцарский отряд с фланга, поскольку они всегда должны были помнить о других отрядах, наступающих сзади. Чем мощнее были отряды пехотинцев, тем больше у них было шансов победить конную армию противника. Чтобы сохранить необходимую гибкость, решено было разделить армию на 3–4 отряда. Если одному из этих подразделений угрожал враг со всех сторон, они выстраивались в круг, наподобие ежа, чтобы иметь возможность противостоять атакам бронированной кавалерии со всех сторон [Оман, 2011. С. 53; Свечин, 1927. С. 136; The Art of Warfare in Western Europe..., 1997. P. 183–184]. Как известно, самостоятельность отрядов рыцарей нередко приводила к хаосу и кантоны, дабы этого избежать и действовать слаженно, первыми стали ходить строем под музыку: движение баталий происходило под звуки барабана [Монтгомери, 2004. С. 71; Свечин, 1927. С. 136].

В отличие от английских лучников, обрушивавших на врага град стрел, сила кантонов крылась в умении обращаться с тяжёлым ручным оружием, построившись в каре из копий, ставшее модернизацией македонской фаланги, где главное – ни в коем случае не нарушать строй и взаимодействовать с другими видами войск [Все войны мировой истории..., 2003. С. 426; Меринг, 1941. С. 71; Петрушенко, 2012. С. 170; Разин, 1999. С. 418; The armies of Crecy and Poitiers, 1981. P. 23]. Главное преимущество – внезапность и стремление не дать их атаковать первыми, а также построение в 3–4 самостоятельные баталии, каждая из которых действовала в зависимости от обстановки, и в случае чего объединялись в один кулак [Карнаух, 2016. С. 199; Оман, 2011. С. 50, 53; The Art of Warfare in Western Europe..., 1997. P. 183–184], где, по словам Николло Макиавелли: «В первых рядах каждого батальона стоят 5 шеренг пик, а за ними щитonosцы с

мечами. Между каждыми тремя шеренгами пик по одной алебард, позволяя отразить натиск конницы неприятеля и расстроить пехоту» [Макиавелли, 2020. С. 558–559].

В битвах при Моргартене и Лаупене швейцарцы воевали 8-футовыми алебардами, но уже переходили на 18-футовое копьё: ясеновое древко с 10-дюймовым стальным наконечником, которое держали на уровне плеча, полностью оправдавшее себя против конницы. Подобный боевой строй, когда копья первых четырех рядов направлены вперед, походивший на грозно оцетинившегося ежа, был одинаково эффективным в обороне и в массированном наступлении. Это тактическое построение швейцарцев было настолько действенным и простым, что почти не подвергалось изменениям. Их легкие доспехи открывали возможность для высокой маневренности, и швейцарцы обычно предпринимали наступательные действия [Беннет, 2006. С. 104; Монтгомери, 2004. С. 71; Оман, 2011. С. 49–50, 53; Пузыревский, 1884. С. 26]. Не менее опасным оружием был швейцарский моргенштерн – дубинка, утыканная шипами. Она сочетала в себе вес и остроту [Ноорег, 1996. Р. 160]. И все же национальным оружием горцев на рубеже XIV–XV вв. стали пики. Их недостаток при наступлении состоял в том, что для ее использования следовало нацелиться. Как только это происходило, пику нельзя было быстро перемещать из стороны в сторону, ибо для ее использования были необходимы плотные и глубокие боевые порядки, на что горцы и делали акцент [Коггинс, 2009. С. 104; Никерсон, 2008. С. 242–243]. Это подтверждает в своем труде «О военном искусстве» Макиавелли: «Пики хороши не только против конницы, но и против пехоты и становятся бесполезны, только когда начинается рукопашная. Чтобы обойти это неудобство, швейцарцы ставят между каждыми тремя шеренгами пик одну шеренгу алебард. Делается это с целью дать пикам больше простора» [Макиавелли, 2020. С. 558]. Для этой цели горцы создали пику с длиной древка 5,5 м, у которой имелаась железная часть длиной 0,9 м, чтобы не допускать удара мечом. Эта пика давала швейцарцам возможность выставить не меньше четырех рядов острых наконечников, выступающих за передний ряд [Давыдов, 2012. С. 88; Никерсон, 2008. С. 242–244; Оман, 2011. С. 49; Рюстов, 1876. С. 119].

Кроме грамотного использования строя и оружия, происходила милитаризация общества горцев. Были приняты постановления, согласно которым каждый житель кантона должен был иметь хорошее вооружение и по первому требованию выступать в поход. Военнообязанными числились все сперва с 14, а затем

с 16-летнего возраста. Дома уклонившиеся от явки на смотр подлежали разрушению. Не подлежавшие обязательной явке следовали за войском в качестве резерва. Общины обязывались доставлять провизию и выючных животных. Ежегодно в каждой общине выбиралась комиссия из трех человек, которая проверяла состояние оружия и защитного снаряжения, что происходило накануне того или иного праздника [Давыдов, 2012. С. 91]. Обращению с пикой и алебардой, метанию камней и стрельбе из арбалета каждый воин обучался самостоятельно. Воины обучались маршировать в составе батальи под звуки барабана, сохраняя свое место в затылок впереди идущего и держась своего знамени, которое имел каждый отряд. В бою все знамена ставились в центре батальи. Большое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. В бою воины обязаны были точно соблюдать приказы своих начальников. Существенное требование – чтобы каждый знал свое место в рядах батальи и не покидал его ни в коем случае. Крайние шеренги и ряды батальи вооружались пиками, середина – алебардами. Стрелков было немного, так как швейцарский милиционер был неквалифицированным бойцом, а искусный стрелок создается специализацией, настойчивым обучением и тренировкой. Паникера или дезертира соседний воин обязан был заколоть. В арьергарде выделялось несколько воинов, обязанных убивать на месте всех, нарушавших боевой порядок [Все войны мировой истории..., 2003. С. 425; Никерсон, 2008. С. 244; Свечин, 1927. С. 136]. Во время боя запрещалось захватывать и делить добычу без разрешения командиров, нападать на церкви (если в них не укрываются вражеские воины или имущество), жен и дочерей противников. По мере приумножения военного опыта в XV в. к этим правилам добавлялись новые – о недопустимости сквернословия, пьянства, азартных игр и т. д. [Давыдов, 2012. С. 99].

Несмотря на то, что Швейцария представляла собой конфедерацию, мало походившую на государство, тем не менее, кантонам удалось создать своеобразный способ комплектования армии. Основы этого исходили ещё со времен гельветов – кельтского племени, населявшего нынешнюю Швейцарию. Согласно этой традиции, при увеличении территории союза в XIV–XVI вв., каждый округставлял определенное число воинов в соответствии с уровнем благосостояния. Первый из кантонов – Цюрих,ставлял до 10000 человек; Берн – 20000; Швиц – 4000; Ури – 2000; Унтервальден – 3000; Цуг – 1000; Гларус – 1000; Фрайбург в Юхтланде – 2000; Золотурн – 1000; Шаффхаузен – 1000; Базель – 1000 солдат. Несмотря

на колоссальный потенциал, горцы никогда не собирали войска полностью: данные цифры дают представление на основании мужчин, способных носить оружие, более того, в уставе кантонов действовало правило, что наемниками может быть не более 20 000 бойцов, не говоря уже о том, что они не могли поднимать оружие на своих же [Конфедерация гельветских кантонов..., 2011. С. 133].

Благодаря четкой и грамотно налаженной структуре формирования вооруженных сил, Швейцарская конфедерация могла эффективно противостоять вторжениям извне. Так, в декабре 1376 г. гуглеры – наемники из Англии и Франции во главе с Ангерраном Куси были наголову разгромлены в первой же схватке [Харботл, 1993. С. 484]. При этом остаётся открытым вопрос: могла ли швейцарская пехота противостоять английскому длинному луку? Этот конфликт, известный как Гуглеровская война, показал способность горцев противостоять не только своим соседям-немцам, но и профессиональным наемникам из Англии и Франции. Однако гуглеры действовали хаотично, потому и были разбиты по частям, совсем иная ситуация сложилась 10 лет спустя.

Поводом к Земпахской войне стало нападение люцернцев 28 декабря 1385 г. на замок Ротенбург [Давыдов, 2012. С. 50], а за ним и других кантонов: присоединенным землям дали право считаться частью конфедерации. В ответ герцог Австрии Леопольд III организовал военную экспедицию. Ожидая врага у Цюриха, вскоре горцы узнали, что он находится у Зурзея. Стремясь нагнать немцев, кантоны встретили врага 9 июня 1386 г. у Земпах, который немцы, по некоторым сведениям, взяли в осаду [Давыдов, 2012. С. 52, 288].

Помня опыт прошлых неудач, Леопольд III спешил рыцарей и построил в фалангу на равнине [Денисон, 2014. С. 123]. Войско конфедератов по приказу Петерманна фон Гундольдингена выстроилось клином несколько южнее, у леса Майерхольд: возможно, они планировали смять колонну латников. Что происходило далее детально неизвестно. Сражение начали австрийцы, атаковав горцев [Давыдов, 2012. С. 288]. Видя, что успех нас стороне Леопольда, горцы поняли, что построение клином грозит флангам и прямо в пылу схватки просто сомкнули ряды, позволив выровнять строй. Однако попытки прорыва вновь были парированы рыцарями.

Дальнейшие события в источниках расходятся. Г. Дельбрюк считает, что накануне сражения швейцарский авангард спрятался за оврагом ручейком, скрытым деревьями и изгородью для скота. И когда

стало понятно, что ситуация движется к позиционному тупику, они внезапно атаковали врага с фланга с громким криком, бросая град камней [Давыдов, 2012. С. 289; Дельбрюк, 1938. С. 362]. Другие подчеркивают роль изнуряющей жары, от которой никак не могли защититься тяжеловооруженные рыцари, а почему от усталости стали сдавать позиции. Бернский хронист Конрад Юстингер указывает на то, что конфедераты сумели добиться успеха, используя построение в форме клина: к моменту выравнивания строя натиск латников выдохся [Давыдов, 2012. С. 289].

Самая же знаменитая легенда – подвиг Арнольда Винкельрида – выходца из Унтервальдена, который в решающий момент боя якобы сомкнул у своей груди сразу несколько вражеских копий, обеспечив соратникам возможность прорвать строй врага [Давыдов, 2012. С. 52, 289; Денисон, 2014. С. 123; Пузыревский, 1884. С. 32].

Начался рукопашный бой, в котором копья только мешали рыцарям маневрировать в узких теснинах, а наличие у горцев моргенштернов и дисциплины позволило завершить прорыв фаланги с одновременным ударом в тыл гарнизона Земпах [Денисон, 2014. С. 123; Коггинс, 2009. С. 104; Марков, 1886. С. 118–119; Меринг, 1941. С. 73–74; Рюстов, 1876. С. 119]. Финальным ударом по морали австрийцев стала смерть герцога Леопольда от удара алебарды [Дельбрюк, 1938. С. 362; Оман, 2009. С. 49].

Какой бы не был реальный из предложенных вариантов сражения, ясно одно: попытка Леопольда III вернуть утраченные земли окончилась катастрофой и очередным унижением рыцарства, чье доминирование угасало. Если Лаупен (1339 г.) показал, что можно побить конных рыцарей, то Земпах – нанести поражение спешенным [Оман, 2009. С. 57], утвердив гибкость и маневренность армии кантонов.

Последней попыткой Габсбургов вернуть контроль над Швейцарией стала битва при Нефельсе 23 августа 1388 г. Восставшие жители Гларуса одержали победу над мощным вражеским отрядом. Во время схватки латники внезапно атаковали горцев. Однако те, сохраняя строй, отошли к высоте Раухберг, рокировались и контратаковали [Давыдов, 2012. С. 53; Марков, 1886. С. 119; Харботл, 1993. С. 323]. В результате, потеряв затем Бюрен и Нидау, противнику не оставалось ничего, как согласиться в 1389 г. на перемирие сроком на семь лет, которое затем постоянно продлевалось, негласно заставив Габсбургов признать независимость Швейцарской конфедерации [Давыдов, 2012. С. 53].

Главный результат военной модернизации швейцарских кантонов и их противостояния с австрийски-

ми Габсбургами на протяжении XIV в. – констатация факта: в Центральной Европе произошла революция в военном деле. Дисциплинированная и грамотно выстроенная пехота, способная эффективно бороться с различными модификациями тяжеловооруженной конницы, бывшей до этого царицей на поле боя, стала новой страницей в боевом искусстве. Военная модернизация швейцарских кантонов, которая будет про-

должаться и в последующие столетия, демонстрирует изучение горцами основ военного дела с учетом тактики, рельефа местности, гибкости строя, формированию мобилизационного потенциала. Финалом станет рождение одной из самых боеспособных армий на закате Средневековья и перехода в Раннее Новое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. Минск: Попурри, 2020. 672 с.
- Беннет М., Брэдбери Д. Войны и сражения Средневековья 500–1500 гг. Москва: Эксмо, 2006. 264 с.
- Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории Р. Э. Дюпюи и Т. Н. Дюпюи. Санкт-Петербург : ООО «Полигон», 2003. Т. 1. 640 с.
- Давыдов А. Г., Карабед И. К., Маслов А. Н. Воинские традиции швейцарского Средневековья: очерки исторического развития, вопросы реконструкции материальной культуры. Нижний Новгород: Поволжье, 2012. 312 с.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Москва: Наркомат обороны СССР, 1938. Т. 3. : Средневековье. 448 с.
- Денисон Д. Т. История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения. Москва: Центрполиграф, 2014. 300 с.
- Драгунов Г. П. Швейцария. Москва: Мысль, 1968. 85 с.
- Карнаух В. К. Войны Средневековья // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 199.
- Коггинс Дж. Эволюция вооружения Европы. От викингов до Наполеоновских войн. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2009. 254 с.
- Конфедерация гельветских кантонов (первый и последующие союзы) // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени. 2011. Вып. 2. С. 133.
- Марков М. И. История конницы. Тверь: Лито-Типография Ф. С. Муравьева, 1886. Ч. 2. 220 с.
- Меринг Ф. Очерки истории военного искусства. Москва: Военное издательство МО СССР, 1941. 340 с.
- Монтгомери Б. Л. Краткая история военных сражений. Москва: Центрполиграф, 2004. 464 с.
- Никерсон Х. Война в эпоху Римской империи и в Средние века. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008. 255 с.
- Оман Ч. Военное искусство в средние века. Москва: Центрполиграф, 2011. 192 с.
- Островская Е. П., Ясовская М. А. Швейцария: иллюзии и реальность. Москва: Знание, 1987. 64 с.
- Петрушенко Л. А. Повседневная жизнь средневековой Европы. Москва: Молодая гвардия, 2012. 367 с.
- Пузыревский А. К. История военного искусства. Санкт-Петербург: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1884. Ч. 2. 232 с.
- Разин Е. А. История военного искусства. Санкт-Петербург: ООО «Полигон», 1999. Т. 2. : VI–XVI вв. 656 с.
- Рюстов Ф. В. История Пехоты. Санкт-Петербург: Типография В. П. Воленса, 1876. 236 с.
- Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Москва; Ленинград: Государственное издательство отдел военной литературы, 1927. Т. 1. 384 с.
- Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. Москва: Военное издательство МО СССР, 1955. 662 с.
- Харботл Т. Битвы мировой истории. Москва: Внешсигма, 1993. 576 с.
- Hooper N. Bennett M. Cambridge: illustrated atlas warfare the Middle Ages 768–1487. Cambridge: University Press, 1996. 192 p.
- The armies of Crecy and Poitiers // Men-at-arms series. 1981. № III. P. 25.
- The Art of Warfare in Western Europe During the Middle Ages. From the Eight Century to 1340. Rochester-New-York: Boydell press, 1997. 388 p.

MILITARY ORGANIZATION AND WARS OF THE SWISS CANTONS IN THE 14TH CENTURY: THE FORMATION OF PROFESSIONAL INFANTRY

E. V. Rozmysl

*Educational institution «Grodno State University named after Ynka. Kupala»
(erorrozmysl@gmail.com)*

Abstract. Based on numerous studies, the military history of the Swiss cantons in the 14th century is reconstructed. The purpose of the study is to determine the role of the development of military art in Switzerland on military affairs in the Late Middle Ages. Attention is drawn to the nature of the formation of this alliance, as primarily a military one, against the expansion of the Austrian Habsburgs. An overview of the battles of Morgarten in 1315 and Laupen in 1339 as Swiss victories over chivalry became a catalyst for the unification of the cantons. Thanks to the latter, the armed forces are being modernized. The character of the combat formation, weapons, tactics, discipline, and mobilization potential are noted. The proof of the formation of a high-quality military machine is the victories of the Highlanders over the Hutlers in 1376, the victories at Sempach in 1386 and Nefels in 1388 over the Austrian Habsburgs as a result of the annexation of new cantons. The result of the latter is the de facto recognition of Switzerland's independence and the formation of the latter as one of the most formidable military forces in Europe, especially against heavy cavalry, which symbolizes the beginning of a military revolution from the dominance of chivalry to professional infantry.

Key words: Swiss Confederation, chivalry, military revolution, militarization, professional infantry, the Battle of Sempach.

Научный руководитель Е. В. Розмысла – Нечухрин А. Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и славянской истории факультета истории, коммуникации и туризма Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИНЫ ПАРСОВ В ИНДИИ

А. В. Вишневецкая

Волгоградский государственный университет
(aksinya34ru@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируется социальная структура парсийской общины и ставится актуальность её изучения. Дан краткий исторический очерк развития институтов самоуправления общины парсов в Индии до и после британской колонизации. Выделяется важность фактора социальной организации и её религиозной составляющей на рост влияния роли парсов в Индии в период британской колонизации. Отмечается влияние экономической интеграции парсов в индийское общество на разложение традиционной социальной структуры.

Ключевые слова: парсы, зороастризм, социальная организация, анджуман, Панчаят, жрецы, колонизация Индии.

Парсы – это этническое и религиозное меньшинство, состоящее из потомков иранцев-зороастрийцев, переселившихся в VIII–X веках в Индию из Ирана. Причиной вынужденной миграции становится невозможность исповедовать прежнюю религию из-за начавшегося в 635/37 гг. арабского завоевания и последующей активной, часто насильственной, исламизации населения [Дорошенко, 1982. С. 34]. После переселения парсы не занимали значительного положения в Индии, вплоть до начала британской колонизации. Благодаря своей адаптивности, парсы вскоре становятся важной частью экономической и политической жизни Индии. Немаловажную роль в этом, помимо религиозных особенностей, играет и их социальная структура, которая способствовала процветанию в новой среде. В историографии социальная сфера общины парсов и её роль освящена не столь же сильно, как сферы политическая и экономическая. В Индии из-за угрозы постепенной ассимиляции и потери идентичности парсы формируют сообщество, для которого характерна религиозная замкнутость, обособлявшая их от индийцев. Это проявилось в создании системы табу: браки за пределами общины не допускались, так же, как и посвящение в веру не-зороастрийцев (джуддитов) [Дорошенко, 1982. С. 41]. Этот факт послужил причиной того, что при экономической и политической интеграции в индийское общество у парсов не было интеграции социальной.

Для парсов зороастризм играет ведущую роль, определяя все сферы их жизни. Мигрировав, они не имели в своём распоряжении чёткого письменного свода законов, который определял бы внутреннюю организацию и порядок общества. Как меньшинство они не имели собственной автономной политической организации, подчиняясь в отношении уголовного права юрисдикции раджи Санджана [Сказание о Санджане. С. 135]. Регулирование внутренних споров оставалось на усмотрение самих парсов, в результате чего традиционно в гражданском административном управлении ведущую роль занимало сословие священников [Kulke, 1978. Р. 59]. Из главного источника по истории парсов поэмы «Сказание о Санджане» («Кисса-и-Санджан») известно, что вместе с мирянами – бехдин (перс. «принадлежащий благой вере») [Сказание о Санджане. С. 90] в Индию прибывают жрецы, среди которых можно выделить хербедов [Сказание о Санджане. С. 255], мобедов [Сказание о Санджане. С. 160] и дастуров [Сказание о Санджане. С. 65]. Поэма не даёт пояснений об иерархии и полномочиях жрецов, однако, когда по прибытии парсы просят убежища, переговоры от имени всей общины ведёт дастур, из чего можно сделать вывод о его ведущей роли в этой системе [Сказание о Санджане. С. 135]. В Сасанидском Иране дастур уже занимал высшие гражданские должности, поэтому было вполне естественно, что он же должен был выполнять функции главы общины в ситуации, когда политического руководства не хватало [Kulke, 1978. Р. 59].

На протяжении многих веков взаимодействие между переселенцами и зороастрийцами, оставшими-

ся на родной земле, происходило редко. Тем не менее, очевидно, что общие черты этих двух общин берут своё начало в традициях, характерных для всех зороастрийцев Ирана до миграции парсов. В обеих общинах можно выделить священнослужителей низшего ранга, обученных для проведения основных религиозных обрядов, которые называются хербад. Титул мобед относится к тем, кто прошёл высшую подготовку, а верховного жреца называют дастур («облечённый властью») [Бойс, 2003. С. 229]. Священниками могут стать только сыновья священников или членов жреческих семей. Право может быть восстановлено любым мужчиной из жреческой семьи до пятого поколения [Jafarey, 1992. P. 2].

Такое сосредоточение власти в руках жреческих семей привело к тому, что управление общиной оказалось под их контролем. По мере развития Санджана парсы расселялись вдоль побережья в портовых и других небольших городах. Поэма упоминает такие основные центры парсов как Банканер, Бкаруча, Ба-риав, Анклесар и Навсари [Сказание о Санджане. С. 225]. Когда зороастрийское население в этих местах увеличивалось, они обращались в центр с просьбой прислать священнослужителей для совершения богослужений. С увеличением численности поселений в 1290 г. Гуджарат был разделен на пять пантхов (районов) со строго определённой и территориально ограниченной юрисдикцией, где каждый район обслуживался жреческой семьёй. Первоначальное место поселения было во владении семьи Санджан, в г. Навсаре – семьи Бхагарна, в г. Анклесаре – Годавра, в пантхе Бкаруча – семьи Бхаруча, а в пантхе Камбят (Кхамбхат) – семьи Кхамбатта.

Внутри пантхов за каждой семьёй верующих закреплялся священнослужитель – пантхаки. Место пантхаки было наследственным [Бойс, 2003. С. 241]. Каждый жреческий пантх имел свой совет и управлял своими делами, но все они были связаны с центром в Санджане, так как там хранился священный огонь Аташ-Бахрам [Бойс, 2003. С. 242]. Такая система деления была перенесена парсами из Ирана [Дорошенко, 1982. С. 37].

Миряне обращались к жрецам для проведения обрядов посвящения, свадеб и похорон, а также для празднования различных семейных и общественных событий. Жрецам также доверяли выполнение ежедневных богослужений. В свою очередь, они полностью зависели от мирян в вопросах своего содержания, зарабатывая на жизнь благодаря вознаграждениям за каждую проведённую церемонию. Существовали тесные, зачастую наследственные связи между семь-

ями мирян и священнослужителями [Бойс, 2003. С. 267].

В подчинении жрецов также находился гражданский орган управления – анджуман. Анджуман упоминается в составе первой общины в Санджане, как орган принесённый парсами из Ирана [Сказание о Санджане. С. 80]. Представлял собой коллегиальный орган, с наследственным представительством старейшин от каждого пантха [Karaka, 1884. P. 215]. В юрисдикции анджумана было решение возникающих внутри общины разногласий, с возможностью отстранения от религиозных церемоний и лишения общинных благ. Иногда на тех, кто совершал проступки, накладывались и прямые наказания (избиение обувью/каменьями) [Бойс, 2003. С. 268].

В Индии парсы столкнулись с кастовой системой, которая уже была глубоко укоренена в обществе. Парсы не формировали касты в традиционном индийском понимании, но их общество делилось на группы, связанные с различными профессиями. В 1777 году мобедами была предпринята попытка обособления жреческой касты путём запрета браков между жрецами и бехдинами, однако закон был признан недействительным британским правительством [Karaka, 1884. P. 219].

Одним из положений зороастризма является идея о свободе выбора человека: он может встать на любую сторону в борьбе добра и зла. В деятельности человека особое значение придаётся созданию материальных благ, что преумножает добро вокруг человека [Философская энциклопедия, 1962. С. 186]. Согласно одному из текстов Авесты возделывание хлеба наносит ущерб злему началу и продвигает вперёд дело добра в такой же мере, как прочтение 10 000 молитв Ясны. В соответствии с этими постулатами, по роду занятий парсы разделились на тех, кто проживал в сельской местности Гуджарата и занимался земледелием и тех, кто проживал в городах и занимался торговлей и ремеслом.

В своём исследовании Эдулджи выдвигает гипотезу, согласно которой зороастрийцы, мигрировавшие из Ирана, были исключительно торговцами. По его мнению, Индия была выбрана как пункт назначения именно потому, что эти торговцы уже знали маршрут туда [Edujee, 2016]. Один из аргументов в пользу этой гипотезы связан с тем, что парсы обосновывались в прибрежной зоне Гуджарата, а не во внутренней части страны. В этой зоне уже существовали развитые поселения, заселённые предыдущими волнами переселяющихся парсов, что свидетельствует о долгосрочных торговых связях с регионами Индии. Для уси-

ния доказательной базы Ходжести Эдулджи приводит результаты археологических раскопок в Санджане (2004 г.). На месте были обнаружены монеты Ахеменидского периода и китайский фарфор. Эти находки подтверждают существование у парсов давних торговых контактов не только с Индией, но и с другими странами. Исходя из представленной гипотезы, можно предположить, что отсутствие различий между мигрировавшими парсами в классовой структуре связано с тем, что большинство из них принадлежало к одному классу – торговцам. Это объясняет их однородный характер и фокус на торговле в качестве основного вида деятельности.

Так, иногда выделяется класс торгово-промышленной элиты – шеты/шеттии (санскр. *Shresthi* – «лучший», «глава гильдии») [Kulke, 1978. Р. 237]. В XVIII–XIX веках в Бомбее сформировалась группа «Бомбейских шетов» – влиятельных коммерсантов, которые выступали посредниками между британцами и местным населением. Помимо них, среди парсов не было профессиональных классов с наследственными профессиями, за исключением духовенства и группы носильщиков трупов в дахмах – наслессаров. Среди общины их положение было близким к Неприкасаемым. В Навсари у них были отдельные помещения вдали от парсийских улиц, и им предоставляли еду отдельно. Они не могли входить в Храмы Огня без церемониального очищения. Священники, проводящие богослужения, не прикасались к ним, так как случайное прикосновение лишало их возможности вести службу на этот день [Kulke, 1978. Р. 49]. Остальными парсами профессии не наследовались. Отсутствие иерархического общества, основанного на обязательных наследственных профессиональных подразделениях, имеет важное значение, поскольку оно способствовало гораздо более быстрой адаптации к социально-экономическим изменениям в 18 веке в Индии среди парсов, чем среди всех других индийских общин.

После захвата Сурата Ост-Индской компанией в 1759 году парсы, благодаря знанию языков и местных обычаев, выступали посредниками между англичанами и индийским рынком. Они стали ключевыми союзниками в коммерции и судостроении. Британское правительство проводило политику разделения индийского общества через предоставление защиты и привилегий религиозным меньшинствам. В Бомбее парсы получили значительные экономические льготы, что позволило накопить им огромные капиталы и занять лидирующие позиции в текстильной промышленности и банковском деле.

Взаимодействие иностранцев с парсами проходило через созданный ещё в 1728 году в Бомбе орган гражданского самоуправления Панчаят (перс. «панч», «пять»). Орган был построен на принципе коллегиальности, где каждый пантх выбирал своего представителя, а члены этого органа назывались акабиры [Kulke, 1978. Р. 256]. С 1778 года Панчаят получает от британской администрации судебные полномочия, подобные тем, что были у анджуманов, для решения гражданских вопросов внутри общины. Фактически разрозненное управление анджуманов переносится в один центр [Karaka, 1884. С. 228]. В 1787 г. в связи с возникшими противоречиями между жрецами и мирянами Панчаят формировался из шести мирян и шести священников, что было попыткой британцев интегрировать общину парсов в свою политическую систему. Неофициальными лидерами панчаята были титулованные парсийские аристократы, которых британское правительство возвело в ранг дворян. [Karaka, 1884. С. 219].

Однако постепенно членство в этом институте трансформируется в наследственное, что приводит к кризису. После 1830 года перестают избираться новые акабиры, их место занимают их дети, что приводит к падению авторитета Панчаята. Старшие члены, строго придерживавшиеся моральных норм, оказались под давлением новой группы богатых парсов. Двоеженство, которое ранее каралось отлучением, стало допустимым даже среди членов, хотя ещё предпринимались попытки сохранить традиционные нормы. В 1836 году несколько представителей старшего поколения вышли из Панчаят в знак протеста, что привело к утрате статуса этого института как высшего органа для большинства парсов. Попытка восстановить Панчаят в 1838 году была отклонена [Kulke, 1978. Р. 266].

Упадок власти Панчаята и отсутствие своего официального законодательства привели к острому правовому вакууму, который требовал решения. Были предприняты попытки заполнить пробелы рядом постановлений, например, таких как «Закон о движимом имуществе парсов № IX от 1837 г.», который регулировал только часть гражданских вопросов, важных для парсов [Karaka, 1884. Р. 276].

Начиная с XVIII века внутри общины больше не существовало высшей власти, которая могла бы решать вопросы закона и порядка. Утрата духовенством власти была результатом начинающейся эмансипации мирян парсов из-за их растущего экономического благосостояния, так как те больше не желали подчиняться часто необразованным священникам [Kulke,

1978. С. 60]. Под британским влиянием происходит постепенное переселение парсов в города, где те осваивают новые сферы, такие как предпринимательство и ростовщичество, и, как следствие, накапливают огромные состояния. Фокус внимания духовенства также перемещается на коммерческую деятельность, чему они и обучали своих детей [Дорошенко, 1982. С. 289]. Вследствие этого община до сих пор испытывает острую нехватку образованного духовенства.

Особенностью зороастрийского богослужения является устное проведение богослужений, без использования текстов, что требовало от жрецов в юном возрасте значительных усилий для запоминания длинных литургических речей. Со временем было принято соглашение, согласно которому сыновья жрецов с восходом солнца отправлялись в духовные школы, а в течение дня получали светское образование вместе со сверстниками-мирянами. Однако со временем всё меньше детей из духовенства стремились стать жрецами и посвящать себя рутинным обрядам, за которые они получали лишь скромное вознаграждение.

Положение жрецов в обществе становилось всё хуже, и на их место приходили менее одарённые дети, что способствовало дальнейшему падению престижа духовенства [Дорошенко, 1982. С. 290]. Тот же процесс наблюдается и в касте наслессаров: всё больше из них проходили обряд выхода из касты, чтобы зани-

маться более престижным трудом [Karaka, 1884. С. 241]. Выпадая из-под жреческого влияния, община парсов теряет свою первичную замкнутость. Почти не соблюдаются старые обряды и ограничения; заключаются браки вне общины, которые, однако, не все признают, отказываясь посвящать детей от такого брака в зороастрийскую веру и признавать их парсами.

Изучая историю развития парсийской общины, можно проследить, что чем больше на неё влияли внешние разрушительные факторы, тем жёстче становились меры жрецов, в попытке сохранить своё положение и замкнутость общины. Возникало всё больше правил и ограничений. Такая скрупулезность в попытке сохранить идентичность привела к тому, что современные урбанизированные парсы отказываются от строгой религиозности, сохраняя зороастризм в более светской форме [Kreyenbroek, 2001. Р. 172]. Выполняются основные обряды, но большинство обязательных ранее ритуалов забываются. Главный факт – это потеря общинного сознания и чувства единства, что отражается в изменении образа жизни: парсы почти не живут в традиционных кварталах и не отмечают совместные праздники-гахамбары [Kreyenbroek, 2001. Р. 66]. Однако, при миграции, они всё же стремятся сформировать анджуман, чтобы сохранить связь с корнями и поддерживать общинную идентичность в новом окружении [Kreyenbroek, 2001. Р. 284].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. Санкт-Петербург: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2003. 342 с.
- Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). Москва: Наука, 1982. 133 с.
- Каландарова М. С. Индия. Зороастрийцы как исчезающая община // Азия и Африка сегодня. 2012. № 7. С. 67–73.
- Сказание о Санджане (Qissa-i Sanjān). URL: <http://zoroastrism.ru/tradition/newpers/sanjan/index.phtml> (дата обращения: 18.03.2025).
- Философская энциклопедия. Т. 2. : Дизъюнкция–Комическое. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/filosofskaja_ehnciklopedija_pod_red_f_v_konstantinova_tom_2/23-1-0-1285 (дата обращения: 18.03.2025).
- Edujlee H. E. Early History of Parsi. Quissa i Sanjan. URL: <https://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/history/qissa1.htm> (дата обращения: 29.11.2025).
- Jafarey A. A. Iranian and parsi priests. URL: <https://arshtad.wordpress.com/english/notes-4/iranian-and-par-si-priests> (дата обращения: 18.03.2025).
- Karaka D. F. History of the Parsis: including their manners, customs, religion, a. present position. Vol. 1. London: Macmillan, 1884. 396 p.
- Kulke E. The Parsees in India: A minority as agent of social change. New Delhi: Vikas, 1978. 300 p.
- Kreyenbroek Ph. G. Living Zoroastrianism. Urban Parsis speak about their religion. Richmond; Surrey: Curzon, 2001. 344 p.

SOCIAL ORGANIZATION OF THE PARSI COMMUNITY IN INDIA

A. V. Vishnevetskaya

Volgograd State University
(aksinya34ru@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the social structure of the Parsi community and highlights the relevance of its study. It provides a brief historical overview of the development of the Parsi community's self-governing institutions in India before and after British colonization. The article emphasizes the importance of social organization and its religious component in shaping the growing influence of the Parsi community in India during the British colonial period. It also highlights the impact of the economic integration of the Parsis into Indian society on the disintegration of their traditional social structure.

Key words: Parsis, Zoroastrianism, social organization, Anjuman, Panchayat, priests, colonization of India

Научный руководитель Вишневецкой А. В. – Балабанова М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ ИНСТИТУТОВ КНДР В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1970-х ГОДОВ

А. С. Бобрышова

НИУ «ВШЭ» – Санкт-Петербург
(asbobryshova@edu.hse.ru)

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению особенностей формирования и трансформации государственных и партийных органов КНДР в конце 1940-х – начале 1970-х гг. В процессе государственного строительства в Северной Корее были созданы институты, традиционно ассоциирующиеся с демократиями: многопартийная система, разделение власти на законодательную, судебную и административную ветви, выборы на разных уровнях. Центральный вопрос исследования связан с мотивами создания этих номинально демократических институтов, а также с влиянием институциональных выборов на характер политической системы в указанный временной период. В результате анализа были выявлены особенности и причины структурных изменений партийных и государственных органов КНДР. Изначально государственное строительство реализовывалось в рамках концепции стран народной демократии по продвигаемой СССР модели. Внутренние и внешние условия, в том числе фракционные инциденты внутри ТПК, КПСС и КПК, советско-китайский раскол, ухудшение советско-северокорейских отношений, оказали влияние на выбор институционального дизайна, что привело к усилению центральной власти и ее концентрации в руках президента КНДР к началу 1970-х гг.

Ключевые слова: КНДР, государственное строительство, институты власти, Трудовая партия Кореи (ТПК), Ким Ирсен, трансформация политических структур.

В результате череды событий первой половины XX в. на Корейском полуострове были разрушены старые институты власти, и процесс государственного строительства начался вновь. Если на Юге в этом приняли участие США, то на Севере основным помощником и примером стал Советский Союз, что привело к частичному заимствованию советской системы социалистического государства и образованию Корейской Народно-Демократической Республики в 1948 г. Государственное строительство в КНДР осуществлялось в рамках особого понимания демократии. В результате, и на сегодняшний день в КНДР сохраняются такие демократические институты, как выборы, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, многопартийная система, существование гражданских организаций. Несмотря на то, что режим является авторитарным, с момента образования государства эти институты постоянно трансформируются: одни исполнительные и законодательные органы сменяются другими, вносятся поправки

в Конституцию, Устав Трудовой Партии Кореи и другие важные документы, определяющие особенности политического строя страны. Однако, чем можно объяснить продолжающийся процесс институциональной трансформации? В чем его смысл и логика динамики? В данном исследовании предпринята попытка проанализировать эти процессы.

На сегодняшний день существует значительное количество исследований, посвященных формированию политической системы КНДР. Некоторые авторы освещают эволюцию северокорейского режима в контексте общего исторического процесса развития государств Корейского полуострова [Курбанов, 2018], [Торкунов, 2008], [Ванин, 2016], в то время как А. З. Жебин [Жебин, 2006] и В. И. Денисов [Денисов, 2007] концентрируются именно на трансформации органов власти и партии в качестве объекта исследований. В дополнение и зарубежные исследователи обращаются в своих работах к данной теме. Например, Ли Чонсик анализирует, почему Ким Ирсен укрепил позиции своего сына Ким Ченира и привел его к власти. Автор утверждает, что данный вопрос следует рассматривать в более широком контексте проблем,

стоящих перед ТПК в 1970–1980-х гг.: необходимости одновременного осуществления модернизации и сохранения революционного рвения народа [Lee, 1982].

Тем не менее, в современной литературе об авторитарных режимах институциональные предпочтения политических лидеров и логика институционального дизайна стали предметом серьезного и систематического изучения сравнительно недавно. Более того, интерес представляет взаимосвязь структурных изменений во власти одной страны, в данном случае КНДР, с событиями, происходившими внутри сопредельных государств (в первую очередь КНР и СССР). Попытка осуществить подобный анализ будет предпринята в данной работе, что обуславливает новизну исследования.

Формирование государственной системы Северной Кореи началось после Второй мировой войны и первое время происходило в рамках деятельности советской администрации. Уже после образования КНДР государственное строительство осуществлялось в рамках концепции стран народной демократии. Она была принята СССР в первые послевоенные годы и стала частью внешней политики Советского Союза для того, чтобы направить страны Восточной Европы и некоторые другие восточные государства на социалистический путь развития не такими революционными методами, как это произошло в самом Советском Союзе. Продвижение данной концепции происходило в контексте освобождения стран от фашизма, восстановления национальной независимости, необходимости обеспечения демократических свобод населению. В первые годы после войны данное понятие было сформулировано не очень явно, однако после 1948 г. оно стало более определенным: подчеркивалась важность марксизма-ленинизма и советского опыта [Rosa, 1949. С. 490–491]. Таким образом, советские концепции и методы планирования переносились на Северную Корею, и система управления формировалась по образу и подобию СССР.

Если на теоретическом и идеологическом уровнях государственное строительство осуществлялось в рамках описанной выше концепции, то на практике участие в управлении государством первое время принимали граждане советского союза – этнические корейцы. Они прибывали в КНДР группами с 1945 г., когда только начинала работу Советская гражданская администрация – временный орган исполнительной власти на Севере. Основной контингент прибыл в 1946–1948 гг. [Ким, 2021. С. 19] По словам Ж. Г. Сон, к концу 1940-х гг. от 400 до 500 советских корейцев работали в КНДР [Сон, 2015. С. 153]. Они занимали

важные посты как в органах административной власти, так и в Трудовой партии Кореи, а также являлись членами Верховного народного собрания. Таким образом, функционирование системы советского типа в рамках теории было выражено в концепции стран народной демократии, а на практике осуществлялось гражданами советского союза, «носителями» советской модели.

Согласно упомянутой ранее концепции народной демократии, в КНДР была установлена многопартийная политическая система. Однако фактически власть в стране принадлежала Трудовой Партии Кореи. ТПК с момента своего создания претерпела некоторые изменения, которые отражались в ее уставе. Однако в период 1950–1970-х гг. внесенные поправки существенно не затрагивали партийную структуру.

В соответствии с Уставом 1956 г. ТПК построена на принципах демократического централизма [Устав, 1956. С. 10], который был представлен в работах В. И. Ленина. Государственное устройство, основанное на данном принципе, по логике названия совмещает характеристики демократии и централизма, при которых органы власти избираются народом и ответственны перед ним, и одновременно с этим решения вышестоящих структур власти обязательны для нижестоящих, а местное самоуправление подчиняется центру. Таким образом, организационная структура ТПК состояла из трехуровневой системы: общий съезд на высшем уровне, провинциальные конференции, а также городские (районные) и уездные партийные конференции.

Формально Съезд партии является ее высшим органом: он отвечает за пересмотр устава ТПК, решение основных вопросов, касающихся политики партии. Тем не менее, обычно отмечается, что Съезд скорее выполняет формальную функцию утверждения решений, принимаемых Центральным Комитетом партии. ЦК действует как высший руководящий орган, контролирующий деятельность партии в периоды между съездами посредством проведения пленарных заседаний. В случае необходимости в промежутках между съездами ЦК имеет право созывать партийные конференции – своего рода мини-съезды, на которых рассматриваются наиболее насущные и неотложные задачи, стоящие перед партией.

Кроме того, важными структурами ТПК являются также Центральная ревизионная комиссия, Политбюро, Секретариат и Цензурный комитет. В подчинении секретариата существуют различные специализированные отделы. В дополнение, помимо местных отделений ТПК во всех возможных организациях, учреж-

дениях и хозяйствах при условии наличия не менее трех членов создаются первичные партийные организации, которые занимаются разъяснением политики партии населению, а также культурно-просветительной работой среди членов трудовых коллективов и т. п.

Развитие партии привело к снижению значимости партийного Съезда: изначально он был высшим органом, но затем стал выполнять преимущественно формальные функции, в основном занимаясь утверждением решений Центрального Комитета партии. В свою очередь, ЦК стал высшим руководящим органом, контролирующим всю деятельность ТПК. Это означало переход к более централизованной системе управления внутри партии, что стало фактором, способствующим дальнейшей концентрации власти в руках ограниченного круга лиц. На Рисунке 1 представлена схема основных органов Трудовой партии Кореи в 1950–1970-х гг.

Согласно Конституции 1948 г. высшим исполнительным органом являлся Кабинет министров, а главой правительства – Председатель Кабинета Министров. Однако данная система претерпела изменения после принятия Социалистической Конституции в 1972 г. Во-первых, была учреждена должность президента, который избирался ВНС сроком на четыре года, являлся главой государства и контролировал новые органы исполнительной власти: Центральный Народный Комитет (ЦНК) и Административный совет. Президент также занимал пост Верховного главнокомандующего вооруженными силами КНДР и председателя Государственного комитета обороны, входившего в состав ЦНК, а также имел право издавать и подписывать приказы, помиловать, вести переговоры по договорам с иностранными государствами и решать дипломатические вопросы. Во-вторых, впервые учрежденный Центральный Народный Комитет не имел аналогов в других государствах со схожими политическими режимами: «ЦНК не присутствует ни в советской, ни в китайской организации власти, подчиненные ему структуры имелись на каждом локальном уровне, он состоял, в основном, из членов Политбюро ЦК ТПК и контролировал судебные органы» [Асмолов, 2017. С. 81]. Наконец, Административный совет, возглавляемый президентом и ЦНК, стал выполнять функции упраздненного Кабинета министров, а его отраслевыми исполнительными органами стали министерства.

Согласно Конституции 1948 г. местные органы исполнительной власти были представлены Народными комитетами. Однако в результате внесения поправок 1972 г. возникла система органов местного само-

управления, состоящая из организаций двух типов – Народных и Административных комитетов. Народные собрания в рамках своих полномочий принимают необходимые постановления, а Народные комитеты организуют работу Народных собраний, обеспечивают выполнение принятых постановлений, руководят нижестоящими Народными комитетами, органами государственной власти и предприятий на своей территории. Для конкретной практической работы использовались Административные комитеты, избираемые Народными комитетами всех уровней, а для организации деятельности Народных собраний использовались Народные комитеты, и одновременно с этим они выполняли ряд функций исполнительной власти. В. И. Денисов отмечает, что наличие Народных комитетов являлось «отличительной особенностью государственного механизма КНДР» [Денисов, 2007. С. 715]. Схематично изменения в исполнительной власти КНДР в 1950–1970-х гг. представлены на рис. 2.

Социалистическая Конституция 1972 г. фактически превратила КНДР в президентскую республику, где президент был наделен широким спектром высших полномочий, в том числе он являлся главой государства, председателем Центрального Народного Комитета и Главнокомандующим Вооруженными Силами. Кроме того, как отмечает К. В. Асмолов, «прописанного механизма подотчетности президента Верховному Народному Собранию не было, а вице-президент не являлся автоматическим наследником президента в случае его смерти или отставки и просто помогал ему в работе. Не оговаривалась и процедура смены президента» [Асмолов, 2017. С. 80]. Таким образом, данный период формирования исполнительных органов завершился концентрацией всей полноты власти в руках одного человека, занимавшего ключевые посты как в партии, так и в высших исполнительных органах.

Верховное народное собрание (ВНС) является высшим органом законодательной власти КНДР, созданным в марте 1947 г. в ходе съезда народных комитетов. ВНС состоит из депутатов, избираемых гражданами сроком на четыре года на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Исключительные права ВНС перечислены в ст. 37 Конституции 1948 г. и ст. 76 Конституции 1972 г. Помимо основных прав в обоих вариантах, таких как утверждение конституции (и поправок к ней), установление основных принципов внешней и внутренней политики, утверждение важнейших законов, государственного бюджета и народнохозяйственного плана, назначение ключевых должностей судеб-

ной ветви власти, Социалистическая Конституция 1972 г. добавила ВНС некоторые новые права, связанные с введением новой должности в правительстве

(Президент КНДР) и структуры административного аппарата (Административный совет), так как они были ответственны непосредственно перед ВНС.

Рис. 1. Структура партийных органов КНДР во второй половине XX в. Составлено автором по данным из источников [Устав, 1956]

Рис. 2. Трансформация органов исполнительной власти КНДР в конце 1940 – начале 1970-х гг. Составлено автором на основе источников [Конституция, 1956], [Социалистическая Конституция, 1986]

Что касается местных представительных органов власти, то, до 1972 г. ими являлись местные народные собрания, однако Социалистическая конституция 1972 г. установила разделение местных законодательных органов на народные собрания и народные комитеты. Как было отмечено ранее, наличие народных комитетов было особенностью северокорейской политической системы: они составляли подсистему органов государственной власти, которые формировались представительными органами (народными собраниями) и занимались выборами, работой с депутатами и т. п.

Таким образом, в период с конца 1940-х до начала 1970-х гг. в структуре органов законодательной власти КНДР существенных изменений не произошло. Структура законодательных органов власти КНДР в 1950–1970-хх гг. представлена на рис. 3.

Выше были рассмотрены структурные изменения во власти Северной Кореи, однако для понимания логики данных трансформаций необходимо учитывать более широкий контекст. Это связано с тем, что Корея в силу своего географического положения и цивилизационных особенностей традиционно находилась в зависимости от событий, происходящих за ее пределами. В связи с этим невозможно рассматривать ситуацию внутри страны в отрыве от событий, происходящих на международной арене. В первую очередь,

необходимо проанализировать особенности внутренней политики сопредельных стран социалистического блока, а также их отношения друг с другом. Здесь требуется учесть три измерения: внутривнутриполитическое положение в СССР и КНР, а также особенности двусторонних отношений этих государств.

Говоря о влиянии внутренних событий в Советском Союзе, нельзя не упомянуть XX Съезд КПСС 1956 г., на последнем дне которого, 25 февраля, Н. С. Хрущев выступил на закрытом заседании с докладом «О культе личности и его последствиях». В нем с большим размахом критиковались политические решения И. В. Сталина, открыто обсуждались ошибки, и в целом негативно оценивался культ его личности. Также упоминалось нарушение И. В. Сталиным принципов коллективного руководства. Подобный ревизионизм был негативно воспринят в Китае, Северной Корее, Албании и Румынии в том числе из-за потенциальной дестабилизации власти, которую он мог вызвать. Это и произошло в КНДР в том же 1956 г., когда фракционная борьба внутри ТПК достигла своей крайней точки и вылилась в попытку сместить Ким Ирсена с руководящих постов. Данная ситуация стала толчком к усилению концентрации власти в руках Ким Ирсена и трансформациям партийных и государственных органов КНДР в дальнейшем. Кроме того, в 1957

г. в СССР произошла аналогичная попытка сместить Н. С. Хрущева со стороны «антипартийной группы» Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова и Д. Т. Шепилова. Этот случай, очевидно, не остался незамеченным в Пхеньяне и еще раз продемонстрировал Ким Ирсену опасность рассредоточенности власти и наличия нескольких претендующих на нее группировок внутри элиты.

Далее, необходимо рассмотреть особенности внутриаполитической ситуации в КНДР в период правления Мао Цзэдуна. В 1950–1960-х гг. в Китае также постепенно происходила концентрация власти в руках Мао. Основным соперником считался Лю Шаоци – видный политический деятель и второй человек в Коммунистической партии Китая (КПК) после Мао.

Рис. 3. Изменения в структуре представительных органов власти КНДР в 1950–1970-х гг. Составлено автором на основе источников [Конституция, 1956], [Социалистическая Конституция, 1986]

Политика Мао Цзэдуна как в сфере идеологии и культуры, так и в экономическом секторе была непоследовательной. Так, например, начавшаяся в 1957 г. кампания «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» была направлена на повышение гласности и позволяла критиковать КПК, однако целью последующих кампаний стала широкая борьба против правых элементов не только в правительстве и партии, но и в обществе в целом, вследствие чего политическому преследованию подверглось большое количество человек.

Кроме того, экономические реформы также были непоследовательными, что привело к катастрофическим последствиям: результатом так называемого «большого скачка» стали голод и кризис, повлекшие за собой гибель миллионов людей. Подобные перегибы дестабилизировали положение Мао Цзэдуна, а Лю

Шаоци стал восприниматься как угроза его власти. В итоге эта напряженность привела к началу Культурной революции в 1966 г. Несмотря на то, что официально она была начата ради культурных и социальных изменений, многие полагают, что данная политика осуществлялась с целью борьбы с оппозицией власти Мао. В результате, в 1968 г. Лю Шаоци был обвинен в контрреволюционной деятельности, исключен из партии и снят со всех государственных постов. Его ближайшие соратники также столкнулись с репрессиями во время Культурной революции. Более того, как в Пхеньяне, так и в Пекине внимательно следили за событиями, разворачивающимися в Советском Союзе, и были недовольны ревизионистскими заявлениями Н. С. Хрущева, рассматривая их как еще один фактор потенциальной дестабилизации политической системы.

Таким образом, внутренняя ситуация в Китае послужила для Ким Ирсена еще одним предостережением относительно того, как борьба за власть может повлиять на стабильность в стране, и, вероятно, осуществленные им в 1960–1970-х гг. структурные изменения, отражали понимание этих факторов. Аналогичное мнение выражает российский кореевед К. В. Асмолов: говоря об укреплении власти президента он предполагает, что в этом процессе «роль сыграл учет конфликта между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци и недопущение создания соперничающих центров власти, создающих возможность фракционной борьбы» [Асмолов, 2017. С. 80].

Наконец, китайско-советский раскол имел серьезные последствия для внутривластного состояния многих стран социалистического блока. Ухудшение отношений также связано с заявлениями, выдвинутыми на XX съезде КПСС, в первую очередь критикой И. В. Сталина и концепцией мирного сосуществования с капиталистическими странами. В Пекине подобные заявления воспринимались как отголоски империализма и ревизионизма. Ухудшались не только личные отношения Мао Цзэдуна и Н. С. Хрущева: уже во время «большого скачка» началась открытая конфронтация, следствием которой стало уменьшение финансовой помощи Китаю со стороны СССР, сокращение торговли, отзыв советских специалистов из КНР. Также на усиление раскола повлияла нейтральная позиция Москвы в индийско-китайских конфликтах 1959 и 1962 гг. Советско-китайская конфронтация сопровождалась провокациями и территориальными столкновениями вдоль границы двух государств, апо-

геем которых стало открытое военное столкновение в 1969 г. из-за территориальных притязаний на остров Даманский.

Раскол между Пекином и Москвой имел последствия и для других социалистических стран: перегруппировка альянсов, политическая напряженность, экономические сложности привели к усилению авторитарных тенденций в некоторых государствах в первую очередь с целью стабилизации внутривластного политического положения. Таким образом, данная конфронтация также могла повлиять на сделанные Ким Ирсеном институциональные выборы, которые в дальнейшем привели к концентрации власти и стабилизации политической системы в период турбулентностей как внутри северокорейской элиты, так и на международном измерении.

Таким образом, на начальном этапе формирования системы власти при Ким Ирсене структурные изменения были связаны с борьбой с фракциями внутри правящей элиты. Однако в дополнение к этому существовали и иные факторы, повлиявшие на институциональные выборы Ким Ирсена, они обнаруживаются при анализе более широкого контекста событий, происходящих не только внутри, но и вне государства.

Тем не менее, период 1950–1970-х гг. – это лишь начальный этап формирования и укрепления институтов власти в КНДР, которые в дальнейшем претерпевали более значительные трансформации, поэтому существует необходимость расширить данное исследование анализом ситуации во второй половине XX – первой четверти XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конституция Коре́йской Народно-Демократи́ческой Респу́блики (Принятая на первой сессии Верховного Народного Собрания 8 сентября 1948 года, с изменениями и дополнениями, принятыми на VI, VIII, IX сессиях Верховного Народного Собрания КНДР). Пхеньян: Издательство «Новая Корея», 1956. 31 с.

Социалистическая Конституция Коре́йской Народно-Демократи́ческой Респу́блики (27 декабря 1972 года) // Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 27 (январь – декабрь 1972 г.). Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1986. С. 618–644.

Устав Трудовой партии Кореи: (Принят III съездом ТПК в апр. 1956 г.). Москва: Издательство Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. 22 с.

Асмолов К. В. Коре́йская политическая культура: Традиции и трансформация. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 704 с.

Ванин Ю. В. Советский Союз и Северная, 1945–1948. Москва: ИВ РАН, 2016. 225 с.

Денисов В. И. Политические системы государств Корейского полуострова (РК и КНДР) // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А. Д. Воскресенского. Москва, 2007. С. 695–730.

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. Москва: Русская панорама, 2006. 214 с.

Ким Г. Н. Советские корейцы в номенклатуре Северной Кореи // Наука. Общество. Оборона. 2021. № 2(27). С. 14–28.

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. 744 с.

Сон Ж. Г. Советские корейцы в Северной Корее в 1946–1948 годах // Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. Москва: ИДВ РАН, 2015. С. 153–158.

Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. Москва: Олма Медиа Групп, 2008. 544 с.

Lee Ch. S. Evolution of the Korean Workers' Party and the Rise of Kim Chŏng-il // Asian Survey. 1982. Vol. 22. Pp. 434–448.

Rosa R. A. The Soviet Theory of 'People's Democracy' // World Politics. 1949. Vol. 1(4). Pp. 489–510.

FEATURES OF THE FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE STATE AND PARTY INSTITUTIONS OF THE DPRK IN THE LATE 1940S AND EARLY 1970S

A. S. Bobryshova

Higher School of Economics (Saint Petersburg)
(*asbobryshova@edu.hse.ru*)

Abstract. The research is devoted to identifying the features of the formation and transformation of state and party bodies of the DPRK in the late 1940s – early 1970s. In the process of state building in North Korea, institutions traditionally associated with democracies were created: a multi-party system, separation of powers into legislative, judicial and administrative branches, elections at different levels. The central question of the study is related to the motives for the creation of these nominally democratic institutions, as well as the influence of institutional choices on the political system. As a result of the analysis, the features and reasons for the structural changes in the party and state bodies of the DPRK were identified. Initially, state building was implemented within the framework of the concept of people's democracies according to the model promoted by the USSR. Internal and external conditions, including factional incidents within the WPK, CPSU and CPC, the Sino-Soviet split, and the deterioration of Soviet-North Korean relations, influenced the choice of institutional design, which led to the strengthening of central power and its concentration in the hands of the DPRK president by the early 1970s.

Key words: DPRK, state building, institutions of power, Workers' Party of Korea (WPK), Kim Il-sung, transformation of political structures.

Научный руководитель Бобрышовой А. С. – Самсонов Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры корееведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

СИ ЦЗИНЬПИН: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КИТАЯ (1953–2002)

О. А. Басова

Воронежский государственный университет
(olga.basova.2004@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни и деятельности Си Цзиньпина, Председателя Китайской Народной Республики, на протяжении первых пятидесяти лет. В работе рассматривается происхождение и влияние семейного наследия на становление будущего лидера страны. Особое внимание уделяется процессу «культурной революции» и его последствиям для семьи Си Цзиньпина. Анализируется карьерный рост Си Цзиньпина до вхождения в ЦК КПК в 2002 году, включая его деятельность на постах руководителя ряда провинций Китая.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Коммунистическая партия Китая, культурная революция, региональное управление в Китае.

Сегодня Си Цзиньпин является не просто лидером одной из крупнейших стран мира, но и фигурой, чьи решения оказывают глубокое влияние на дальнейшее развитие мирового порядка, делая его одной из ключевых фигур XXI века. Этот человек проделал долгий путь от местных партийных должностей до вершин власти и признания одним из ведущих политиков современности. Данная статья посвящена исследованию жизненного пути и рассмотрению ключевых этапов его карьеры, способствовавших развитию управленческого опыта нынешнего руководителя Китая.

Его отец, Си Чжунсюнь, родился в 1913 году в уезде Фупин, деревне Дань (провинция Шэньси). Начав обучение в начальной деревенской школе, в 1921 году он смог поступить в школу Личэн, основанную революционером-демократом Ху Цзини. Его жизнь как активного сторонника коммунистических идей началась в 13 лет со вступления в Коммунистический союз молодежи Китая, а с 15 лет он уже был членом Коммунистической партии Китая, что привело к его непродолжительному аресту после начала расправ над коммунистами со стороны Гоминьдана. После освобождения Си Цжунсюнь продолжил активную деятельность, возглавив партком Коммунистического союза молодежи и занимаясь созданием партизанских отрядов [Нечаев, 2025. С. 34].

Мать Си Цзиньпина, Ци Синь, была уроженкой провинции Хэбэй, округа Гаоян. Во время войны с Японией она была вынуждена с сестрой переехать в провинцию Шэньси, где стала ученицей школы, созданной Яньаньским антияпонским военно-политическим университетом. Ци Синь участвовала в боях в городах Иньчэн и Сихуо, в 1941 году стала ученицей Центральной школы КПК, а затем – колледжа Яньаньского университета. Знакомство родителей Си Цзиньпина произошло в 1943 году [Нечаев, 2025. С. 36].

После провозглашения Китайской Народной Республики Си Чжунсюнь стал видным политическим деятелем КПК, далее будут перечислены только некоторые посты, которые он занимал в разное время: руководящий пост в Шэньси-Ганьсу-Нинсянский пограничном районе, а затем – Синцзянь, в 1952 году он получил должность руководителя отдела пропаганды ЦК КПК и заместителя руководителя Совета по делам культуры и образования Административного совета КНР [Нечаев, 2025. С. 39], в 1954 году стал одним из тех, кто разрабатывал проект Конституции, а после – Генеральным секретарем Государственного совета КНР [Нечаев, 2025. С. 41].

После получения должности в столице семья переехала в Пекин, где 15 июня 1953 года в семье появился сын по имени Цзиньпин. Иногда местом его рождения указывается родина отца – Шэньси [Тавровский, 2018. С. 31].

«Белая полоса» в жизни семьи Си закончилась в 1962 году, когда отца семейства обвинили в «контрреволюционном извращении истории» за разрешение

на публикацию романа «Лю Чжидань», где якобы пытались «пересмотреть дело антипартийных элементов», связанном с критикой «Большого скачка», в ходе рассмотрения которого одним из обвиняемых был маршал Пэн Дэхуай, а также изображали северо-восток страны как источник революции, тогда как основная деятельность товарища Мао больше была связана с центральными областями страны [Нечаев, 2025. С. 55]. Сначала Си Чжунсюня выслали в Лоян, на пике «культурной революции» он был арестован и посажен в тюрьму [Зуенко, 2024. С. 20]. Си Цзиньпин в январе 1969 года с тысячами других молодых людей в ходе т. н. движения «Вверх в горы, вниз в села» по распоряжению «великого кормчего» был направлен в отдаленные районы для трудового воспитания [Зуенко, 2024. С. 22].

В 1974 году обвинение Си Чжунсюня получило более мягкую формулировку, что позволило его сыну, уже давно предпринимавшему попытки, но получавшему отказ из-за того, что был сыном «контрреволюционера», вступить в КПК, стать секретарем партийной ячейки в деревне Лянцзяхэ, а после освобождения отца поступить в престижный университет Цинхуа [Тавровский, 2024. С. 31] по квоте «представителей крестьянских, рабочих и солдатских масс» на химико-технологический факультет [Нечаев, 2025. С. 67]. Получивший реабилитацию Си Цжунсюнь вновь стал занимать видные должности (секретарь парткома, губернатор, политкомиссар военного округа), но теперь в провинции Гуандун, кроме того, стал инициатором создания свободной экономической зоны Шэньчжэнь, расположенной неподалеку от Гонконга [Тавровский, 2018. С. 46].

Жизненный путь Си Цзиньпина на ранних этапах представляет собой сочетание личной истории и масштабных политических событий в Китае XX века. Семья, с ее революционным прошлым и последовавшей опалой, за которой вновь пришел взлет, сыграла ключевую роль в формировании его личности. Несмотря на трудности, связанные с попаданием его отца под «каток репрессий», Си Цзиньпин сумел получить образование, вступить в КПК и начать политическую карьеру. Опыт, приобретенный в молодости, как в сельской местности, так и в университете, несомненно, оказал влияние на его дальнейшие решения и политическую деятельность.

После окончания университета Си Цзиньпин попадает на службу в Военный совет ЦК КПК, где становится секретарем Гэн Бяо – вице-премьера Госсовета и будущего министра национальной обороны

КНР [Нечаев, 2025. С. 70]. Так был получен опыт работы в одном из высших партийных органов.

С марта 1982 [Тавровский, 2024. С. 35] по июнь 1985 года [Тавровский, 2024. С. 39] Си Цзиньпин пребывал в должности сначала заместителя секретаря, а затем и секретаря уезда Чжэндин провинции Хэбэй [Тавровский, 2024. С. 35], где развернул бурную деятельность по развитию региона. Так, небольшой заводик превратился в современное производство традиционной косметики «Дабао», известной по всему Китаю. Для съемок сериала на основе событий романа «Сон в красном тереме» был сооружен городок с постройками в стиле династии Цин. Этой же площадкой впоследствии пользовались и для съемок множества других фильмов и сериалов, также она используется как популярное туристическое место [Тавровский, 2024. С. 38]. Кроме того, политика «реформ и открытости», проводимая Дэн Сяопином, после того как он стал фактически руководителем страны, позволяла местным партийным чиновникам проводить «эксперименты» для повышения производительности и т. п. Си Цзиньпин уменьшил продовольственный налог с крестьян, внедрил некоторые меры экономического стимулирования [Нечаев, 2025. С. 84], впервые в провинции была испытана практика семейного подряда на землю [Очерк..., URL].

Следующим местом службы стал Сямэнь провинции Фуцзянь. В общей сложности работе в Фуцзяни Си Цзиньпином было посвящено 17 лет, с 1985 по 2002 год, а высшим постом для него стал губернаторский [Зуенко, 2024. С. 29]. Здесь им было возглавлено создание Xiamen International Bank, ставшего первым китайским банком с привлечением иностранных капиталовложений [Очерк..., URL]. Во время трехлетней работы в Ниндэ были построены 65 поселков для рыбаков, которые традиционно занимались своим промыслом в прибрежных районах округа [Нечаев, 2025. С. 100], дорога и электростанция для обеспечения нужд местных жителей [Нечаев, 2025. С. 101]. Это было реализовано в рамках осуществления лозунга «идти в низы», который формулировал новую систему взаимодействия партийного аппарата с местными жителями и включал в себя несколько положений: жалобы и предложения принимаются напрямую, выработка наиболее приемлемых решений происходит в ходе постоянно созываемых совещаний, политическая и экономическая ситуация подвергаются постоянному мониторингу, и все это сопровождается активизацией идеологической деятельности. Также проводилась активная борьба с коррупцией в комитете

партии, в ее рамках были рассмотрены дела 400 сотрудников [Тавровский, 2018. С. 54].

В 1990 году Си Цзиньпин продвинулся дальше по карьерной лестнице и стал секретарем парткома Фучжоу, административного центра провинции Фуцзянь, которая была крупным промышленным центром [Тавровский, 2018. С. 54], а в 2000 году, как уже было сказано выше, был назначен председателем народного правительства [Нечаев, 2025. С. 102]. В 1992 году была выдвинута программа среднесрочного и долгосрочного планирования под названием «Фучжоу 3–8–20» [Тавровский, 2018. С. 54]. Она стала его вторым по счету и вновь успешным проектом определения стратегических задач развития на многие годы после «Стратегии социально-экономического развития города Сямэнь в период 1985–2000 годов» [Нечаев, 2025. С. 86]. В ходе осуществления сценария развития региона Фучжоу, как части Специальной экономической зоны, по решению партийного руководства было разрешено привлечь иностранное финансирование, с поддержкой которого удалось реализовать несколько крупных проектов по созданию современной промышленной базы [Тавровский, 2024. С. 49].

На XVI Всекитайском съезде КПК ноября 2002 года власть генерального секретаря перешла к Ху Цзиньтао. Си Цзиньпин, достигший к тому времени

49 лет, и рассматривавшийся как один из возможных «наследников», вошел в состав ЦК КПК [Нечаев, 2025. С. 109], получил пост заместителя, а потом – исполняющего обязанности губернатора Чжэцзяня [Нечаев, 2025. С. 112], развитой приморской провинции, по уровню ВВП занимавшей 4-е место в стране [Тавровский, 2024. С. 56], а также он возглавил постоянный комитет Собрания народных представителей провинции [Нечаев, 2025. С. 112].

Таким образом, жизненный путь Си Цзиньпина является отражением сложных исторических процессов, происходивших в Китае во второй половине XX века. Родившись в семье высокопоставленного коммуниста, пережившего репрессии и последующую реабилитацию, будущий лидер КНР прошел путь от сельского руководителя партийной ячейки до высших руководящих постов в стране. Реформы и экономические инициативы, предпринятые Си Цзиньпином на местном уровне, легли в основу его дальнейшей политической стратегии, сформированной под воздействием богатого опыта, накопленного при работе ряде провинций и на различных должностях от главы партийной организации в одной из деревень Центрального Китая до секретаря канцелярии Военного совета и губернатора провинций. Этот путь демонстрирует переплетение личного опыта Си Цзиньпина и эпох радикальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зуенко И. Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. Москва: АСТ, 2024. 304 с.
 Нечаев С. Ю. Си Цзиньпин. Москва: АСТ, 2025. 381 с.
 Очерк: реформатор Си Цзиньпин. URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2024/0313/c31521-20144750.html>
 (дата обращения: 06.10.2025).
 Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин – вождь Китая. Москва: Э, 2024. 284 с.
 Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин : новая эпоха. Москва: Э, 2018. 382 с.

XI JINPING: THE FORMATION OF CHINA'S POLITICAL LEADER (1953–2002)

O. A. Basova

*Voronezh State University
 (olga.basova.2004@mail.ru)*

Abstract: This article examines the life and work of Xi Jinping, President of the People's Republic of China, during his first fifty years. The paper examines the origins and influence of his family heritage on the development of the country's future leader. Particular attention is given to the process of the «Cultural Revolution» and its consequences for Xi Jinping's family. Analysis is given of Xi Jinping's career path before joining the CPC Central Committee in 2002, including his tenure as governor of several Chinese provinces.

Key words: Xi Jinping, Communist Party of China, Cultural Revolution, regional governance in China.

Научный руководитель Басовой О. А. – Шишкина И. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. В. Завирюхин

Воронежский государственный университет
(dima_zav.bgr@mail.ru)

Аннотация. В работе предпринята попытка концептуального осмысления культурно-ценностных особенностей самоидентификации молодежи и её влияния на стратегическое целеполагание власти в современной России. Рассматриваются особенности молодежных ценностей и их восприятие желаемого образа будущего России. Доказывается, что у молодежи представлены такие образы будущего страны, которые удовлетворяют их потребность в самореализации и отвечают ценностям патернализма. Анализируется государственная политика в контексте удовлетворения потребностей молодежи, где возможно проследить удовлетворение «спроса» молодежи на создание благоприятных экономических и социальных условий со стороны политической власти.

Ключевые слова: молодежь, российские ценности, образ будущего, Россия.

Как объект исследования, молодежь представляет собой уникальную социальную группу, обладающую рядом специфических особенностей, отличающих её от других элементов социальной структуры [Дьяков, 2005. С. 132–133]. С одной стороны, молодежь выступает наиболее динамичной частью общества. С другой стороны, представители молодежи нередко пребывают в состоянии перехода от одного социального статуса к другому, где изменяются базовые потребности, интересы и ценности. Важно принимать во внимание тот факт, что молодежь является лишь относительно самостоятельной общностью. Во многом она расчленена на различные группы: в соответствии с этапами взросления, по социальному положению или по роду занятий. Все это усложняет, но в то же время актуализирует особенности изучения молодежи как социальной группы.

Исследование молодежи в рамках российского случая обусловлено спецификой общества и социально-политических процессов, протекающих в нем. Российское общество обладает рядом свойств трансформационного общества, где могут проследиваться кризис самоидентификации, ценностей и норм пове-

дения. В этом смысле российскую молодежь необходимо рассматривать с точки зрения социокультурных и исторических оснований политической культуры. Роль политической культуры сложно не учитывать, поскольку она «формирует партийно-политические пристрастия людей, степень лояльности к действующим институтам, характер поддержки или оспаривания государственных решений» [Соловьев, 2021. С. 263]. Существующая в российских условиях политическая культура во многом опирается на глубокие исторические корни. Так, политолог А. В. Селезнева справедливо указывает на пять характерных особенностей отечественной политической культуры [Селезнева, 2024. С. 189–192]:

1) основной смысловой доминантой выступает «государственность», где она трактуется не столько как форма государственной власти, сколько как наличие сильной, крепкой власти в обществе. Другими словами, «государственность» переплетается с «властецентричностью»;

2) «надивидуальный тип бытия», то есть превалирование концептов МЫ-мировоззрения, коллективизма, соборности над индивидуальностью, Я-мировоззрения;

3) наличие социокультурных расколов, обусловленных инверсионным характером российской политики со свойственными ей чертами модернизацион-

ных процессов и традиционалистских «откатов», что приводило к насаждению если не взаимоисключающих, так противоположных ценностей;

4) мессианское понимание национальной самобытности русского народа, где внешнее позиционирование общества основывается на наличии «определенной миссии» России;

5) особое место «справедливости» в основе российского мировоззрения, где в ценность закладываются не просто юридические, но морально-нравственные и социально-экономические аспекты.

В рамках данного исследования, мы предлагаем использовать аксиологический подход к изучению российской молодежи, где мы предпримем попытку соотношения вышеописанных культурно-ценностных особенностей российского общества с текущим состоянием мировоззренческой матрицы молодежи. Актуальность аксиологического подхода обусловлена тем, что современная российская молодежь выросла в относительно уникальных условиях, отличных от более возрастных поколений. В этом контексте российская молодежь нередко рассматривается с точки зрения процессов глобализации и может интерпретироваться через призму оппозиционности коллективной идентичности современной России. Определение ключевых политических ценностей молодежи позволит ответить, подтвердить или опровергнуть тезис об их оппозиционности.

Наконец, немаловажным подходом к изучению российской молодежи мы определяем наработки поколенческой теории в интерпретации российского социолога В. В. Радаева. С точки зрения теории поколений, мы можем представить российское общество через призму следующих исторических периодов [Радаев, 2023. С. 49]:

1) «советские» поколения: «мобилизационное» (1938 года рождения и ранее), «оттепели» (1939–1946 гг. рождения) и «застоя» (1947–1967 гг. рождения);

2) «постсоветские» поколения: «реформенное» (1968–1981 гг. рождения), «миллениалов» (1982–2000 гг. рождения) и «зумеров» (2001 года рождения и позднее).

По мнению В. В. Радаева, поколение «миллениалов» не являлось переходным с точки зрения социальной структуры. Водораздел проходил вдоль «реформенного поколения», которое возросло в период преобразования советского строя в постсоветский. Это значит, что период взросления «миллениалов» пришелся на относительно стабильный период развития российской политики и социально-экономических

процессов, что предопределило особенности их ценностного мировоззрения и соотношения себя с коллективной идентичностью. «Зумеры» же возросли в период наиболее ярких глобализационных тенденций, что будет рассмотрено нами позднее.

Попробуем обобщить вышеприведенный методологический инструментарий. В контексте изучения российской молодежи мы предлагаем использовать аксиологический подход и теорию поколений в интерпретации В. В. Радаева. Это позволит нам классифицировать российскую молодежь по возрастным группам и по периоду взросления, а также объективно представить ценностную матрицу её мировоззрения, чтобы впоследствии сформулировать ключевые образы желаемого будущего России.

Идентифицируем роль внешней среды в контексте формирования ценностной матрицы российской молодежи. В самом общем виде мы предлагаем разделить нынешнюю молодежь в соответствии с теорией поколений, то есть на «миллениалов» (1982–2000 гг. рождения) и «зумеров» (2001 года рождения и позднее). По мнению социолога В. В. Радаева, формирование ценностей у человека приходится на период взросления [Радаев, 2023. С. 48]. Соответственно, в рамках изучения «миллениалов» и «зумеров» нас интересует период с 2000 по 2020 гг., где в обозначенный временной промежуток эти два поколения вступили в общественно-политическую жизнь.

Период «нулевых» в современной российской политике был ознаменован коллективным запросом на безопасность и наличие сильного государства, что предопределило легитимацию деятельности В. В. Путина в рамках его первого президентского срока. Начало 2000-х было связано со второй чеченской кампанией, серией террористических актов в российских городах, а также укреплением «вертикали власти». В рамках последнего аспекта важно заметить, что экономические и негосударственные акторы, ранее активно влияющие на процесс принятия государственных решений, либо должны были принять новые «правила игры» и выйти из политического процесса, либо их ожидали санкции со стороны государственных институтов.

Итак, в обозначенный выше период сложился неформальный социальный контракт между обществом и властью, основанный на превалировании экономических прав над политическими [Сосунов, Завирухин, 2023. С. 60]. Базовой ценностной основой «миллениалов» являлась потребность в безопасности и наличие возможностей для социального роста, экономического благополучия. Сырьевая модель напол-

нения федерального бюджета, обусловленная притоком ресурсов из-за экспорта нефти и газа, фактически удовлетворяла запрос общества на наличие социально-экономических благ. В то же время итогом двух президентских сроков В. В. Путина стала относительно стабильная политическая система с выстроенной «властной вертикалью», что удовлетворяло спрос общества на безопасность и наличие сильной власти.

В этот же период начинают рождаться «зумеры», которых социологи впоследствии назовут поколением «тучных нулевых». По сравнению с предыдущими поколениями, данный молодежный сегмент вырос фактически в уникальных условиях: относительно безопасной среде и профиците товаров, услуг. Из-за того, что «зумеры» родились в цифровой среде, это предопределило их глобализм мышления, где границы между национальными государствами стираются в интернет-пространстве. Итак, новые поколения россиян не принимали непосредственное участие в принятии неформального социального контракта между властью и обществом, что предопределило запрос этого сегмента общества на политические перемены. Апострофом этих культурно-ценностных представлений стали протесты на Болотной площади в 2012 году и стремительный рост популярности несистемной оппозиции в 2018 году. Данные события прямо соотносятся с «миллениалами» и «зумерами», где представители поколений стали субъектами политического действия в соответствии с периодом своего взросления.

Таким образом, на культурно-ценностные основы мировоззрения современной российской молодежи решающее воздействие оказывала внешняя среда: социум и нормы поведения в нем, большие события и дефицит чего-либо (например, безопасности у «миллениалов» или политических свобод у «зумеров»).

Образ желаемого будущего может рассматриваться с нескольких позиций: как стратегия развития общества или как совокупность представлений граждан о пути развития страны. В самом общем виде мы можем фиксировать взаимозависимость данных подходов к определению образа будущего, где политическая власть использует инструменты и технологии замера общественного мнения относительно образов желаемого будущего, чтобы впоследствии конвертировать социальный запрос в политическую повестку дня. Данная мысль находит свое подтверждение в непосредственном анализе представлений молодежи о пути развития страны и тех предложений, которые дают государственные институты, удовлетворяя «спрос» молодого поколения.

По данным проведенных фокус-групп под руководством В. С. Комаровского и Л. Е. Ильичевой, в образе желаемого будущего России в представлениях молодежи прослеживаются нарративы, связанные с развитием высоких технологий, социальной сферы и человеческого капитала [Комаровский, Ильичева, 2021. С. 93]. Следовательно, желаемая Россия будущего в глазах молодежи – страна с инновационной экономикой, в которой реально существует социальное государство. Это соотносится с ценностной матрицей мышления российского молодого поколения, представленного в исследовании А. В. Селезневой и Т. В. Евгеньевой, которые фиксировали запрос на патернализм со стороны государства в совокупности с идеалом свободы выбора, свободы предпринимательства [Селезнева, Евгеньева, 2024. С. 654].

В то же время, это подтверждает личные наблюдения автора в контексте проведения деловых игр в средних общеобразовательных учреждениях г. Воронежа, где участникам предлагается представить коммуникационные стратегии современных политических партий, представленных в парламенте, а впоследствии проголосовать за ту команду, которая лучше всех справилась с задачей. В 9 из 14 деловых играх побеждали команды, которые строили свою коммуникационную стратегию вокруг ценностей свободы, представления равных возможностей для социального и экономического благополучия. Любопытно, что чаще всего подобную стратегию выбирала команда, которой предстояло выступать за партию «Новые люди». Политическая программа партии, построенная на деидеологизации и технократизации, на наш взгляд, положительно отражается на восприятии молодым поколением образа идеальной политической силы.

Вышеописанные замечания в контексте образа желаемого будущего России со стороны молодежи необходимо соотнести с конкретными видами «предложения» со стороны правящих элит. В настоящее время мы можем фиксировать увеличение финансирования молодежных проектов и инициатив, направленных на сохранение исторической памяти и поддержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Данные темы позволяют интегрировать молодое поколение в политическую систему, связывая её самоидентификацию с коллективной идентичностью российского общества.

В рамках общественно-политической сферы ключевой особенностью управленческой активности государства на данном контуре является технократизация деятельности политических институтов и конвертация их политической деятельности в социальную.

Например, соответствующие структуры при Администрации Президента РФ подготавливают ключевые показатели эффективности для глав регионов, которые становятся в большей степени региональными операторами, чем политическими субъектами. В то же время нельзя не заметить комплементарность высшего политического руководства к политической партии «Новые люди», демонстрирующей в политическом дискурсе вопросы технократизации и внедрения инновационных технологий. Так, на встрече с депутатами фракции «Новые люди» в Государственной Думе ФС РФ председатель Правительства М. В. Мишустин отметил их высокую квалифицированность в подготовке законодательных инициатив и тесным взаимодействием с правительственными структурами в процессе доработки законопроектов. Наконец, в контексте российской общественно-политической сферы наблюдается трансформация поля политической борьбы, где политические технологии, по мнению руководства страны, должна сменить социальная архитектура. Анонсированный первым заместителем главы Администрации Президента РФ С. В. Кириенко конкурс социальных архитекторов направлен на смену парадигм мышления в ходе избирательных кампаний, где кандидаты должны быть нацелены не на политическую победу, а на решение социальных проблем. С одной стороны, это доказывает технократичный подход властей к решению социально-значимых проблем. С другой стороны, это может трактоваться как создание институциональных возможно-

стей для трансформации политической системы страны, где вопросы экономического благополучия и развитых технологий находятся в приоритете политической повестки дня.

Резюмируя вышеизложенное, современная политическая элита создает концептуальные рамки стратегического развития страны, где образ желаемого будущего прямо соотносится с молодежным запросом на Россию как страну возможностей и передовых технологий.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на то, что современная российская молодежь имеет противоречивую, если не противоположную, ценностную матрицу восприятия, в большинстве своем она соотносит свое будущее с Россией, где они ожидают от страны развитых технологий, экономических возможностей и социальной ориентированности государства. В свою очередь, политическая элита удовлетворяет данный «спрос» со стороны молодого поколения, развивая институциональные аспекты политического процесса: создание социально-значимых проектов и стимулирование современных политических сил, склонных к системности, технократизация публичного управления и так далее. С одной стороны, это оказывает решающее влияние на изменение политико-партийного ландшафта страны в целом. С другой стороны, это демонстрирует способность политического режима изменяться в соответствии с вызовами и предлагать необходимый ответ для их преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дьяков А. П. Российская молодежь в контексте социальной трансформации // Социальные конфликты в условиях системных трансформаций. Воронеж, 2005. С. 132–143.
- Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с.
- Соловьев А. И. Конфликтные грани культурного поля российской политики // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 6. С. 263–271.
- Сосунов Д. В., Завирухин Д. В. Политическая самоидентификация молодежи в контексте образа будущего России // Россия и АТР. 2023. № 4. С. 50–63.
- Комаровский В. С., Ильичева Л. Е. Образ желаемого будущего России в представлениях студенческой молодежи // Образ будущего России глазами молодежи. Москва, 2021. С. 88–106.

THE ROLE OF CULTURAL AND VALUE REPRESENTATIONS OF YOUTH IN SHAPING THE IMAGE OF THE FUTURE OF MODERN RUSSIA

D. V. Zaviryukhin

*Voronezh State University
(dima_zav.bgr@mail.ru)*

Abstract. The article attempts to conceptualize the cultural and value characteristics of youth self-identification and its impact on the strategic goal-setting of government in modern Russia. The features of youth values and their perception of the desired image of the future of Russia are considered. It is proved that young people have such images of the country's future that satisfy their need for self-realization and meet the values of paternalism. The article analyzes public policy in the context of meeting the needs of young people, where it is possible to trace the satisfaction of the "demand" of young people for the creation of favorable economic and social conditions on the part of the political authorities.

Key words: youth, Russian values, image of the future, Russia.

Научный руководитель Завирюхина Д. В. – Сосунов Д. В., кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии.

АНАЛИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ДОСРОЧНЫХ ВЫБОРАХ В БУНДЕСТАГ 2025 ГОДА

И. В. Шугайкин

Воронежский государственный университет
(ivan.shugajkin@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются предвыборные программы пяти политических партий, прошедших 5% барьер и попавших в Бундестаг. Проводится сравнение по таким ключевым темам как «безопасность», «миграция», «экономика», «климат», «социальные выплаты» и «образование» и их соответствие повестке дня. В частности рассматриваются причины провала СДПГ и «Зеленых», факторы успеха АдГ и ХДС/ХСС.

Ключевые слова: выборы в Бундестаг, политические партии, Германия, предвыборная программа.

Прошедшие 23 февраля 2025 года досрочные выборы в Бундестаг кардинально изменили расстановку политических сил в парламенте. Партия бывшего канцлера Германии Шольца СДПГ стала только третьей, христианский союз ХДС/ХСС выиграл выборы, «Зеленые» также провалились и стали четвертыми, СвДП не прошли 5% барьер, а АдГ с фурором стали вторыми. Еще в 2021 году предыдущий электоральный цикл проходил в обстановке напряженности ввиду пандемии коронавируса и связанной с ним социальной и экономической политикой, а также ухудшением внутренней безопасности в частности из-за ситуации с мигрантами (которая началась еще при Меркель в середине 2010-х).

На правительстве Шольца остались все проблемы, появившиеся при Меркель и пришлось начало СВО России в Украине. Окончательно усугубил ситуацию внутриправительственный кризис коалиции «светофор» между лидером партии СвДП и по совместительству министром финансов Кристианом Линднером и Олафом Шольцем, что привело к выходу либералов из правительства и переходу в оппозицию, образованию правительства меньшинства и последующему вотуму недоверия.

Обилие социально-экономических и политических проблем в обществе и на мировой арене, а также наличие полной палитры идеологических представителей дали возможность политическим партиям затронуть обширный пласт проблем в своих предвыбор-

ных программах. Таким образом, были проанализированы предвыборные программы следующих партий: ХДС\ХСС, АдГ, СДПГ, «Зеленые» и «Левая» в порядке их итоговых результатов на выборах.

Стоит также отметить и то, что проблеме исследования электоральных процессов в Германии уделяли внимание такие известные немецкие авторы как Рюдигер Шмитт-Бэк [Rüdiger, Staudt, 2024, URL], Экхард Джесси [Jesse, 2022, URL] и Маркус Кляйн [Klein, Springer, Kühling, 2022, URL]. В силу своего возраста авторы смогли застать процесс объединения Германии и ее современную политическую историю, а также в рамках их исследований постоянно находятся политические партии и электоральные циклы. Так как суть работы заключается в исследовании предвыборных программ партий, то логичным видится использование метода контент-анализа, который поможет полноценно их раскрыть.

Предвыборная программа христианского блока под названием «Politikwechsel für Deutschland» [Christlich Demokratische Union, 2025, URL] (Изменение политики Германии) была представлена на 82 страницах с фокусом внимания на экономику, внутреннюю безопасность и «зеленую» политику. В предвыборной программе экономический аспект включает как мировую экономику, так и экономику федерального, регионального и местного уровней. Затрагиваются вопросы помощи в трудоустройстве и борьбе с безработицей. Ключевые пункты: возвращение взносов по социальному обеспечению до 40%; освобождение от налогов тех, кто работает сверхурочно; создание «агентства по трудоустройству и проживанию» для иностранных квалифицированных рабочих.

Не менее актуальные для немецкого общества вопросы защиты климата и выбора энергетических ресурсов партия предлагает решать через «рыночную экономику». Программа включает снижение налогов на электроэнергию и сетевые сборы, поддержку развития ядерной энергетики, термоядерных электростанций, работу с «торговлей выбросами». Примечательно, что в своей программе партия также хочет отменить ряд указов бывшей коалиции «Светофор» в области энергетики и защиты климата.

В социальной сфере партия настаивает на формировании государства всеобщего благосостояния и предлагает сделать ряд шагов для достижения цели. Это отмена «гражданского пособия» и налога на богатство, введение активной пенсии (налоговая льгота для пенсионеров: заработок до 24 000 евро в год не облагается налогом с 2026 года).

Вопрос внутренней безопасности и миграции описан следующим образом: ужесточение уголовного законодательства и ускорение судебных процессов, ужесточение хранения IP-адресов, отмена закона о каннабисе (также закон «Светофора»). В своей предвыборной программе христианский союз называет миграцию нелегальной и призывает к ее немедленной регламентации следующими методами: усиление пограничного контроля, депортация нелегальных мигрантов обратно в Сирию и Афганистан, прекращение всех программ добровольного приема. Кардинально меняющим ситуацию является и предложение партии ввести обязательную военную службу и сохранить расходы на НАТО в размере 2% от ВВП.

Модернизацию системы образования представители партии видят через следующие нововведения: обязательное тестирование языка в дошкольном возрасте, поддержка развития профессиональных училищ.

Немецкая правопопулистская политическая партия «Альтернатива для Германии» опубликовала 177 страницную программу «Zeit Für Deutschland» [Alternative für Deutschland, 2025, URL] (Время для Германии) и акцентировала внимание на уже классических для себя темах: миграция и внутренняя безопасность, евроскептицизм и «зеленая» экономика. В экономическом секторе из интересных идей можно выделить общее снижение налогов в разных отраслях хозяйства и отказ от выплат пособий по безработице в целях стимулирования безработных к поиску нового места работы.

Как и на предыдущих выборах, руководство АдГ отрицает как «зеленую» политику страны, так и такое явление как «глобальное потепление», считая его

лженаучным. Вследствие чего предлагается выйти из Парижского соглашения от 2015 года, а вопрос получения энергии возложить не на «зеленую» энергетику, на уже использовавшиеся давно атомные станции, уголь и газ.

В социальной сфере предполагается сокращение различных выплат и пособий, в том числе снижение и ограничение социальных льгот для мигрантов.

И снова основной акцент предвыборной программы правых пал на вопросы безопасности и миграции. Из большого массива предложений можно выделить возврат срочной военной службы и увеличение затрат на ВПК и оборону в целом, снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет, отмену системы ЕС о предоставлении убежищ.

Будущую систему образования АдГ видит в отказе от Болонской системы. В целом по всей предвыборной программе правых можно понять, что она носит антисистемный характер и имеет наибольшее количество реформистских идей.

Соцдемы испытали свои шансы сделать снова чудо с Шольцом и предвыборной программой «Mehr für Dich. Besser für Deutschland» [Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands, 2025, URL] (Больше для тебя. Лучше для Германии) на 68 страниц и примечательно, что каждый отдельный параграф начинается со слов «Wir kämpfen für...» (мы боремся за...). Ничего похожего не встречается ни у одной другой партии.

Экономику партия предлагает улучшать за счет потока новых инвестиций (в частности в «зеленую» энергию) и приема квалифицированных мигрантов.

Проблемы поиска энергетических ресурсов предлагается решать через расширение использования возобновляемых источников энергии и продвижение развития «зеленой» энергии. Партия также не отрицает и глобальное потепление, видит в нем угрозу всему миру и призывает к соблюдению условий Парижского соглашения.

В социальной сфере партия предлагает установить МРОТ в размере 60% от медианного дохода страны, а также к концу 2026 года определить почасовую оплату труда не менее 15 евро. Также соцдемы хотят, чтобы у 95% населения чистый доход был больше валового (а это более 54 тысяч долларов в год). Партия отвергает повышение пенсионного возраста и поощряет тех, кто рано стал работать, более ранним выходом на пенсию.

В вопросах миграционной политики и внутренней безопасности партия менее критична и апеллирует к «гуманитарным соображениям». Для партии индивидуальное право человека на убежище и международ-

ное право беженцев являются основой формирования миграционной политики государства.

В образовании основной проблемой видится нехватка квалифицированных специалистов, что предлагается решить через более раннюю узко-профильную подготовку на этапе подросткового обучения.

Предвыборная программа одной из самых либеральных и самой «зеленой» партии вышла на 160 страниц под названием «Zusammen wachsen» [Die Grünen, 2025, URL] (Растем вместе). В свойственной партии манере основной акцент был сделан на зеленую политику и формирование эко-экономики. Проблемы экономики и трудоустройства партия планирует решить через увеличение поддержки малого и среднего бизнеса, реформ налогового законодательства и улучшения положения женщин на рынке труда.

Энергетическая повестка дня и защита климата в очередной раз стали лицом предвыборной программы «зеленых». Партия делает ставку на масштабное расширение возобновляемых источников энергии и продвижение водородных технологий. Цель – сделать энергоснабжение климатически нейтральным и в то же время модернизировать его социально ответственным способом. Здесь международная цель партии – стать первым климатически нейтральным континентом (Европа в рамках ЕС и Парижского соглашения) к 2050 году.

В социальной сфере «зеленые» стремятся к более справедливому распределению общественных благ и их общему увеличению. Это включает в себя реформы в области разделения доходов между супругами, меры по обеспечению доступного жилья и повышение уровня социального обеспечения. В сфере здравоохранения основное внимание уделяется комплексному уходу, сокращению неравенства в уходе и улучшению финансирования услуг по уходу.

Большой в немецком обществе вопрос миграции партия обыгрывает через важность формирования единой миграционной политики на уровне ЕС. Партия отвергает любые попытки сократить как социальные выплаты и пособия мигрантам, так и против ужесточения процедур по интеграции мигрантов в страну. Партия выступает против концепции «третьей безопасной страны» (процесс на уровне ЕС, когда просителя убежища отправляют в страну, где он может найти защиту, но не в страну заявителя) и отстаивает право на рассмотрение каждого случая на прошение убежища и принцип невыдворения.

В образовании «Зеленые» видят светлое будущее немецкого общества, поэтому хотят поднять расходы в данной сфере до 3,5% от ВВП и ставят цель доми-

нирования Германии на мировой арене в таких сферах как ИИ и технологии постиндустриального общества.

Наследница СЕПП и бывшая ПДС, самая крупная партия из Восточной Германии и единственная представительница социалистического лагеря «Левая» партия представила свою предвыборную программу «Alle wollen regieren. Wir wollen verändern» [Die Linke, 2025, URL] (Все хотят управлять. Мы хотим перемен) на 60 страниц с акцентом на темы социальной справедливости, экономического перераспределения и доступной жизни для всех.

В духе социализма партия хочет ввести более жесткие налоги для богатых и ослабить налоговое законодательство для представителей среднего и низшего класса. По их расчетам введение дополнительных налогов для примерно 1% самых богатых граждан Германии позволит получить дополнительные 300 миллиардов евро, которые были бы перераспределены через социальные пособия и выплаты.

«Левая» партия выступает за социально справедливую защиту климата. В дополнение к ускоренному расширению использования возобновляемых источников энергии, по их мнению, необходимо ввести «климатические» деньги в размере 320 евро на человека в год. Цены на энергоносители должны быть социально ступенчатыми и финансироваться за счет «энергетического налога» для высокодоходных слоев населения. Партия также призывает ввести налог на сверхприбыль в размере 90 % для компаний, которые получают непропорционально большую прибыль в период различных кризисов.

В вопросах миграции и безопасности партия настаивает на сохранении права на убежище, социальных выплат и пособий. Она отвергает экспорт оружия и увеличение оборонного бюджета и призывает к созданию европейской архитектуры безопасности без зависимости от НАТО.

Партия хочет сделать образование и уход за детьми бесплатными для всех возрастных групп. Расширение системы ухода за детьми в течение всего дня и модели гибкого рабочего времени должны способствовать совмещению семьи и карьеры. Одним из ключевых проектов является введение базового детского пособия, состоящего из базовой суммы и надбавок для нуждающихся семей.

Подводя итог анализу пяти предвыборных программ политических партий, которые прошли электоральный барьер и попали в Бундестаг, можно сделать следующие выводы. Христианский блок ХДС/ХСС воспользовался кризисным положением СДПГ и за счет статуса «народной» партии увеличил часть электора-

та соцдемов со схожими интересами. Свою же предвыборную программу они сделали по принципу центризма. В ней наиболее острые для немецкого общества вопросы расписаны в «умеренном» стиле и, например, вопрос миграции для них не уходит из крайности «полностью запретить» в крайность «мультикультуризм – основа немецкого общества». Предвыборная программа АдГ как всегда представляет собой не меняющийся вот уже 12 лет шорт-лист тем миграции, евроскептицизма и безопасности и лучше всего сработала на Востоке страны, где партия выиграла во всех 5 землях, кроме столицы. У СДПГ, как у второй «народной» партии, программа также не бросается из крайности в крайность, а итоговый третий результат это совокупность факторов, из-за которых состоялись досрочные выборы. «Зеленые» как наиболее леволиберальная политическая партия в очередной раз представили свою предвыборную программу с акцентом на «свободу», «зеленую политику» и «мультикультурализм» и с 2017 года наряду с АдГ являются наиболее фрагментированными партиями, предвыборные программы которых наиболее ярко отражают их идеологические предпочтения. Что касается предвыборной программы «Левой» партии, то она была ориентирована на концепцию «социальной справедливости». Практически во всех тематических блоках фигурируют слова «справедливо» или «социальная справедливость» и после АдГ и «Зеленых», «Левая» также отчетливо продолжает отождествлять себя с идеологией социализма, хотя по некоторым вопросам тяготеет к центристским тезисам народных партий.

И все же главный вывод, насколько предвыборные позиции агитируемые партиями соответствовали ожиданиям немецкого электората перед выборами? Согласно опросу, проведенному ZDF [Warum Deutschland so gewählt hat, 2025, URL] за несколько дней до выборов, более половины опрошенных немцев считали «мир и безопасность» наиболее важной повесткой (51%), далее идет «экономика» (40%) и «социальная справедливость» (34%). Тема миграции (28%) обогнала важность вопросов выплат пенсий (22%) и защиты климата (20%). Здесь же стоит обратить внимание на то, что практически для половины опрошенных респондентов именно ХДС/ХСС является единственным ключом к решению первых двух проблем, которые и формировали повестку выборов.

Интересно рассмотреть кейс АдГ и «Зеленых», двух самых периферийных партий по идеологическому признаку. У «Альтернативы для Германии» есть еще одна интересная особенность, многими немцами она рассматривается как «выражение протеста» всем остальным партиям, притом, что официального кандидата от правых Алису Вайдель на посту канцлера Германии хотели бы видеть только 18% опрошенных (у Шольца 19%). «Зеленые» же помимо внутриправительственного скандала сменили кандидата на пост канцлера с Бербок на Хабэка и не могли опираться на тему защиты климата ввиду ее неактуальности в обществе. Примечательно, что Роберта Хабэка на посту канцлера хотели видеть также только 18% опрошенных. Исторически партия является удобным коалиционным партнером и ее успех в 2021 году был во многом связан с кризисом ХДС/ХСС и актуальностью темы энергоносителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Eckhard J. Die Bundestagswahl 2021 im Spiegel der repräsentativen Wahlstatistik // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2022. Vol. 53. No. 1. S. 53-74. URL: <https://www.jstor.org/stable/27300377> (дата обращения: 18.03.2025).
- Klein M, Springer F, Kühling C. „Last Man Standing“: Zur Bedeutung der Kanzlerkandidaten für das Ergebnis der Bundestagswahl 2021 // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2022. Vol. 53. № 1. S. 17–38. URL: <https://www.jstor.org/stable/27300375> (дата обращения: 18.03.2025).
- Schmitt-Back R, Staudt A. Voters, Media Biases, and Rolling Cross-Sections: Persuasive Effects of TV News on Party Evaluations in the 2005 to 2017 German Federal Elections // Foundations of Canadian Political Behaviour: Stability and Change in the Twenty-First Century. Toronto: University of Toronto Press, 2024. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3138/jj.21874073> (дата обращения: 18.03.2025).
- Alternative für Deutschland. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 23. Februar 2025. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf (дата обращения: 18.03.2025).
- Christlich Demokratische Union. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 23. Februar 2025. URL: https://www.csu.de/common/download/Bundestagswahl_2025/wahlprogramm-von-cdu-csu-kurzfassung.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

Die Grünen. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 23. Februar 2025. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20250205_Regierungsprogramm_DIGITAL_DINA5.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

Die Linke. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 23. Februar 2025. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_Langfassung_Linke-BTW25_01.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 23. Februar 2025. URL: <https://mehr.spd.de/custom-static-assets/documents/Regierungsprogramm.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

Warum Deutschland so gewählt hat. Wahlanalyse zur Bundestagswahl von Forschungsgruppe Wahlen. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/bundestagswahl-2025-wahlanalyse-100.html> (дата обращения: 18.03.2025).

ANALYSIS OF THE ELECTION PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES FOR THE EARLY ELECTIONS TO THE BUNDESTAG IN 2025

I. V. SHUGAJKIN

*Voronezh State University
(ivan.shugajkin@mail.ru)*

Abstract. The article examines the election programmes of five political parties that passed the 5% barrier and entered the Bundestag. A comparison is made on key topics such as "security", "migration", "economy", "climate", "social benefits" and "education" and their compliance with the agenda. In particular, the reasons for the failure of the SPD and the Greens, the factors of the success of the AfD and the CDU/CSU are considered.

Key words: elections to the Bundestag, political parties, Germany, election program.

Научный руководитель Шугайкина И. В. – Черникова В. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии.

НОВАЯ ЭРА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ: НЕЙРОСЕТИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

А. С. Саласина

Воронежский государственный университет
(iana.salasina@mail.ru)

Аннотация. В данной статье подробно рассматривается влияние искусственного интеллекта на современные избирательные процессы. Развитие цифровизации поспособствовало появлению новых инструментов для ведения избирательных кампаний, однако применение нейросетей не только открыло новые горизонты в данной сфере, но и поставило весь мир перед новым вызовом доверия и прозрачности в электоральных процессах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательные кампании, электоральные процессы, цифровизация, нейросети.

Достижения в области цифровых технологий не перестают удивлять: появляется всё больше новых инструментов, которые способны во многом облегчить жизнь человека. Более того, ИИ не ограничивается решением рабочих задач, но и вносит вклад в организацию досуга, предлагая разнообразные развлекательные функции. Но вместе с тем появилась необходимость в тщательном отслеживании того, как нейросети постепенно начинают захватывать избирательные кампании. Очевидно, что различные инструменты, которые появились во владении каждого человека, например, чат-боты, генерация видео и фото по описанию – плавно перешли и на политическую арену, где использовать новые технологии возможно в самых разнообразных целях. Разумеется, очевидно, что цифровизация – наше будущее, и внедрять новые технологии во все сферы деятельности и правда необходимо, однако необходимо понимать, что данный процесс особо остро нуждается в контроле и регуляции. В политическом контексте достаточно давно ведутся разговоры об электронном голосовании ввиду его очевидных преимуществ – быстрый подсчет голосов и более высокая безопасность. [Крейнор, 1996. С. 12–16, URL]. Со вторым пунктом часто спорят, но важно понимать, что система электронной защиты данных продолжает свое совершенствование, и определенные методики уже не могут быть сравнимы с системой бумажного голосования. Теперь электоральные про-

цессы, особенно избирательные кампании столкнулись с новыми, достаточно дискуссионными практиками, где главный вопрос: сильно ли нейросети изменят правила игры?

В целом, оценки гипотетического широкомасштабного влияния нейросетей на электоральные процессы – самые разнообразные. Результаты одного из многочисленных исследований, показали, что ИИ не совсем справляется с предоставлением пользователям актуальной информации по избирательным участкам: более 40% ответов разных моделей чат-ботов были расценены как «вредоносные», как раз из-за предоставления устаревших данных [Энгвин, Нельсон, Палта, 2024. С. 45–51, URL]. Однако иные инструменты, которые можно использовать в избирательных кампаниях, – могут даже представлять определенную угрозу. Например, сервис «Deepfake» уже стал обозначаться в качестве одного из «политических орудий», как раз из-за большой концентрации дезинформации во время избирательных кампаний [Хани, 2024, URL]. Данная технология позволяет набрать кандидату дополнительные баллы, так и нанести репутационный вред своему политическому конкуренту. Автоматизация производства контента, включая фото, видео и тексты, позволяет достигать масштабов влияния, ранее немыслимых. Многие исследователи испытывают беспокойство на этот счет, ведь это не только усложняет усилия по обеспечению прозрачности избирательных процессов, но и создает так называемую цифровую репутацию кандидата, которая может быть разрушена в любой момент. По

сути, искусственный интеллект может буквально демократизировать дезинформацию, как раз предоставляя возможности использования своих инструментов даже самому среднестатистическому человеку, заинтересованному в продвижении своего кандидата. Людям больше не нужно быть экспертами по дизайну или видеомонтажу; они могут просто использовать передовые технологии для распространения нужных им меседжей. В этом смысле теперь любой может стать создателем политического контента и попытаться повлиять на мнение избирателей или СМИ.

Электоральная волна 2023–2024 годов во многом как раз была связана либо с использованием нейросетевых технологий, либо с повышенным вниманием к ним. Например, в Польше в 2023 году праволиберальную партию «Гражданская платформа» подвергли резкой критике за запуск предвыборных роликов, где нейросетью были сгенерированы поддельные высказывания тогдашнего премьер-министра Матеуша Моравецкого, который якобы зачитывал слитые в сеть электронные письма одного из своих коллег. Руководство партии пыталось защитить свой рекламный ролик, сославшись на то, что их целью было продемонстрировать напряжённость внутри партии «Право и Справедливость» [Notes from Poland, 2023, URL]. Интересным кейсом является и один из многих случаев в США в предвыборный период: в штате Нью-Гэмпшир многим гражданам звонил якобы Джо Байден, с просьбой проигнорировать праймериз в Штате, ведь ноябрьские выборы будут гораздо важнее. В ходе расследования выяснилось, что ответственным за звонки был один из политических консультантов Демократической партии США, который хотел привлечь внимание общественности к опасности искусственного интеллекта посредством сервиса «Deepfake» [Чон, 2024, URL]. Разнообразные виды контента, такие как автоматизированные звонки и публикации в социальных сетях, могут и, безусловно, будут продолжать распространяться даже без использования сгенерированного контента. Однако, несмотря на многочисленные опасения экспертов о том, что электоральные циклы в 2024 году были под угрозой из-за современных технологий – этого не произошло. Нейросетевые скандалы в 2023 году как раз сделали следующий год намного спокойнее, ибо появилось множество сервисов для защиты от дезинформации. В этот период наиболее заметным применением искусственного интеллекта во многих странах было создание разнообразного контента, происхождение которого не скрывалось. Подобные публикации открыто распространялись политиками и их сторонниками в развле-

кательном контексте. Во время избирательной кампании по выборам Президента США в 2024 году, политические мемы и вирусные видеоролики варьировались от отфотошопленных изображений и вырванных из контекста фрагментов выступлений оппонентов, до созданных с помощью искусственного интеллекта портретов-карикатур вице-президента Камалы Харрис, а также чернокожих американцев, выражающих поддержку Дональду Трампу [Российская газета, 2024, URL].

Но следует отметить, что за последний год информационное пространство фрагментировалось, загоняя пользователей социальных сетей в некоторое подобие камерного пространства в зависимости от их идеологических предпочтений, где особенно выделяется разная степень внимания к модерации контента. И хотя некоторые платформы стали больше полагаться на краудсорсинговые решения, их не вполне можно считать эффективными для решения проблем в этом пространстве, особенно учитывая определенную сложность обнаружения контента, сгенерированного искусственным интеллектом. Эта проблема, вероятно, станет еще более острой, поскольку нейросети продолжают развиваться и выдавать более убедительные результаты. Вместе с тем, важно отметить положительную роль искусственного интеллекта в избирательном процессе. Например, алгоритмы искусственного интеллекта могут существенно повысить оперативность и точность обработки данных, в частности мнений собственного электората [Гундарин, Олешко, 2023]. Искусственный интеллект обеспечивает очень точный таргетинг аудитории, что имеет решающее значение в избирательных кампаниях [Киран, 2020, URL]. Очевидно, что кандидаты часто стремятся заручиться поддержкой определенного количества колеблющихся избирателей, которые и могут определить исход фактических выборов. Кроме того, инструменты, которые предоставляет искусственный интеллект, также могут помочь кампаниям с меньшими ресурсами оставаться конкурентоспособными наравне с сильными игроками. Таким образом, при решении проблем, связанных с использованием сгенерированного контента, ключевое значение имеет оценка реального вреда, а не установление факта создания материалов с помощью ИИ.

На данный момент не существует быстрого технического решения или целенаправленного регулирования, которое может нейтрализовать проблему дезинформации. Самой важной задачей сейчас является улучшение информационной среды, а не полная демонизация искусственного интеллекта [Лебович, 2022,

URL]. Разумеется нельзя говорить о том, что нейросети равно дезинформация. Первоначальная проблема заключалась в том, что люди предпочитают источники, которые подтверждают их мировоззрение, и менее скептически относятся к контенту, который как раз соответствует их мировоззрению. На фоне сильной эмоциональной вовлеченности, особенно во время предвыборных кампаний, новые технологии действительно могут выступать в качестве основного инструмента вовлечения и убеждения. Искусственный интеллект может разрабатывать сообщения, нацеленные на определенную аудиторию или электорат, в зависимости от их политических предпочтений и приверженности кандидату, или партии. Современные модели машинного обучения помогают избирательным кампаниям с высокой точностью прогнозировать, какие избиратели поддержат конкретных кандидатов, а кого следует убедить. Это дает возможность настраивать месседжи и рекламу с максимальной персонализацией, стремясь повысить эффективность при минимальных затратах собственных усилий. Иными словами, вопрос целесообразности ИИ зависит от того, кто использует данные инструменты. Достижения в сфере искусственного интеллекта могут существенно повлиять на избирательный процесс. Эти цифровые новшества предоставляют новые возможности для повышения эффективности избирательных кампаний и увеличения вовлеченности избирателей, однако также порождают волнения о возможных злоупотреблениях данными технологиями. Более ком-

плексный подход к контенту, который генерирует искусственный интеллект, делает дезинформацию более убедительной и эффективной, особенно когда необходимо вызвать определенные эмоции у какой-либо социальной группы. Подобный контент теперь легче создавать, но все сложнее обнаруживать и противостоять ему.

Многочисленные эксперты высказывают мнения по поводу того, что привлечь системы искусственного интеллекта к ответственности на данном этапе невозможно. Поскольку основная часть процесса принятия решений при помощи нейросетей и иных технологий происходит в «закулисье», и кроме того, основана на сложных алгоритмах, как избирателям, так и политическим деятелям бывает сложно выяснить, как принимаются эти решения и почему определенные люди получают конкретные рекламные сообщения. В ответ на развитие технологий политики в первую очередь, разумеется, сосредоточены на минимизации влияния дезинформации на выборах. Но проблема в том, что порой выдвигаются слишком радикальные предложения, которые сильно ограничивают искусственный интеллект и нейросети в целом. Однако более чем очевидно, что технологии искусственного интеллекта уже являются неотъемлемой частью жизни современного общества, поэтому и политическим лидерам, и гражданам следует адаптироваться к ним, а также научиться эффективно их использовать, избегая чрезмерных запретов, которые, скорее всего, не принесут ожидаемого результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гундарин М. В., Олешко П. А. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 57–67.
- Киран В. Алгоритмы искусственного интеллекта для избирательной кампании. URL: <https://politicalmarketer.com/artificial-intelligence-algorithms/> (дата обращения: 17.04.2025).
- Крейнор Л. Электронное голосование: компьютеризированные опросы могут сэкономить деньги и защитить конфиденциальность. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/332159.332163> (дата обращения: 17.04.2025).
- Лебович С. Фейковые новости, ложь и другие знакомые проблемы. URL: <https://knightcolumbia.org/content/fake-news-lies-and-other-familiar-problems> (дата обращения: 17.04.2025).
- В США появились созданные ИИ фейковые фото Трампа с чернокожими избирателями // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/04/v-ssha-poiavilis-sozdannye-ii-fejkovye-fototrampa-s-chernokozhimi-izbirateliami.html> (дата обращения: 16.04.2025).
- Хани Ф. Дипфейки на Президентских выборах в США в 2024 году. URL: <https://farid.berkeley.edu/deep-fakes2024election/> (дата обращения: 15.04.2025).
- Чон Ю. Расследование автоматических звонков в Нью-Гэмпшире. URL: <https://www.npr.org/2024/01/22/1226129926/nh-primary-biden-ai-robocall> (дата обращения: 16.04.2025).
- Энгвин Д., Нельсон А., Палта Р. Поиск достоверной информации о выборах и недоверие к ИИ. URL: https://www.ias.edu/sites/default/files/Angwin-Nelson-Palta_SeekingReliableElectionInformationDontTrustAI_2-27-24.pdf (дата обращения: 16.04.2025).

Notes from Poland: Оппозицию раскритиковали за использование искусственного интеллекта в предвыборной рекламе Польши. URL: <https://notesfrompoland.com/2023/08/25/opposition-criticised-for-using-ai-generated-deepfake-voice-of-pm-in-polish-election-ad/> (дата обращения: 16.04.2025).

A NEW ERA OF ELECTION CAMPAIGNS: NEURAL NETWORKS IN THE POLITICAL ARENA

A. S. Salasina

*Voronezh State University
(ana.salasina@mail.ru)*

Abstract. This article examines in detail the impact of artificial intelligence on modern electoral processes. The development of digitalization has contributed to the emergence of new tools for conducting election campaigns, however, the use of neural networks has not only opened up new horizons in this area, but also posed a new challenge to the whole world of trust and transparency in electoral processes.

Key words: artificial intelligence, election campaigns, electoral processes, digitalization, neural networks.

Научный руководитель Саласиной А. С. – Зюзина Е. Б., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК АРЕНА ДЛЯ КОНФЛИКТОВ

К. В. Игнатьева, А. В. Репина

Санкт-Петербургский государственный университет
(st118062@student.spbu.ru, st118044@student.spbu.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли социальных сетей как возможной арены для конфликтов и обострения общественной поляризации. В ходе данного исследования тщательному анализу были подвержены различные аспекты взаимодействия пользователей в онлайн-пространстве, включая их психоэмоциональное состояние и реакцию в условиях возникновения и развития конфликтных ситуаций. Авторы выявляют ключевые факторы, способствующие эскалации конфликтов и их деструктивным последствиям, подчеркивая значимость понимания этих процессов для более эффективного улучшения Интернет-коммуникации. В дополнение к этому, работа содержит ряд практических рекомендаций, направленных на стимулирование конструктивного диалога и более позитивного взаимодействия между участниками. Эти рекомендации могут включать создание благоприятных условий для общения, улучшающих качество коммуникации между пользователями и снижающих вероятность возникновения конфликтов в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, Интернет-пространство, конфликты, виртуальное пространство, конфликтные ситуации, цифровые платформы.

В современных условиях социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни. По данным статистики, в мире насчитывается 5,17 млрд пользователей социальных сетей, что составляет 63,7% населения Земли [Бегин, 2024, URL].

Эта цифра актуализирует значимость таких медиа как основного канала коммуникации и передачи информации в современном обществе. Однако, с ростом их популярности возникают и проблемы, связанные с конфликтами и разногласиями, которые могут развиваться в виртуальном пространстве. Анонимность и доступность этих платформ создают условия для противоречий, провокаций и даже проявлений агрессии, что делает социальные сети ареной для различного рода конфликтов.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе сущности конфликтов, возникающих в рамках цифровых платформ, и изучении их влияния на психоэмоциональное состояние пользователей. В работе предполагается определить и систематизировать ключевые теоретические понятия, такие как «социальные сети» и «конфликт», а также рассмотреть возможные факторы возникновения и развития конфликтных ситуаций в Интернет-пространстве.

При этом, наше исследование направлено на выявление не только негативных сторон взаимодействия на цифровых платформах; оно также призвано акцентировать внимание на возможностях конструктивного общения, которое может способствовать профилактике конфликтов и улучшению взаимодействия между пользователями. Таким образом, полученные результаты могут быть использованы для разработки методов, способствующих смягчению негативных эффектов, связанных с использованием социальных сетей.

М. Филь описывает социальную сеть как «техническую платформу, на основе которой может размещаться любой контент и возможности которой могут быть использованы в самых разных целях, в зависимости от воли действующего субъекта» [Филь, 2016. С. 45]. Исходя из этого можно сделать следующий вывод: социальные сети, будучи открытыми и гибкими структурами, предоставляют пользователям широкие возможности для самовыражения и обмена информацией. Однако именно эта открытость и отсутствие строгого контроля за контентом создают условия для возникновения и развития конфликтов.

Согласно общефилософскому подходу, социальная сеть рассматривается как множество социальных объектов и отношений между ними [Патаракин, 2007. С. 14]. Таким образом, цифровые платформы – это сложноустроенные системы взаимодействия, в рамках которых пересекаются интересы, ценности и убежде-

ния различных групп пользователей. Используя социальные сети, пользователи могут беспрепятственно обмениваться мнениями, что, с одной стороны, способствует разнообразию взглядов, однако с другой – создает почву для недопонимания и конфронтации. Поэтому именно эти характеристики формируют условия, способствующие возникновению конфликтов в социальных сетях.

Конфликт же, по мнению Р. Дарендорфа, – это всякое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные (латентные) или субъективные (явные) противоположности [Дарендорф, 1994. С. 142]. Исходя из этого, можно заключить, что социальные сети, являясь одним из основных каналов коммуникации в современном мире, генерируют ряд латентных и явных противоречий, способствующих конфликтам между индивидами.

Однако, также существует иная точка зрения, в большей мере заостряющая внимание на психологическом аспекте социального конфликта. Исследователи А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов понимают под конфликтом «наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу» [Анцупов, Шипилов, 2006. С. 158]. В данном контексте удивительно следующее: социальное взаимодействие в Интернете, ввиду ряда факторов, может приобретать деструктивную окраску, способствуя возникновению и эскалации конфликтов в медиапространстве.

Среди основных факторов, лежащих в основе конфликтов, протекающих в цифровой среде, можно выделить следующие: анонимность, культурные и политические различия, алгоритмическая фильтрация («информационные пузыри»), быстрое распространение информации, и, как следствие этого, увеличение дезинформации.

Далее рассмотрим каждый из факторов более подробно. Анонимность имеет первостепенное значение в механизме зарождения конфликтных ситуаций в социальных сетях. Следует сказать, что она, по сути своей, предоставляет людям возможность действовать свободно в рамках Интернет-коммуникации, «без угрозы раскрытия личности» [Ивлиев, 2019. С. 6]. Такого рода неограниченность действий является неким «краеугольным камнем» в процессе возникновения конфликтов.

Политические и культурные различия – следующий фактор, формирующий основы восприятия,

ценности и коммуникационные стили пользователей. Необходимо понимать, что каждая культура имеет свои уникальные нормы, традиции и способы общения, что может приводить к недопониманию в цифровом пространстве. Различия в политических убеждениях и идеологиях, в свою очередь, приводят к росту ненависти и агрессии в общественных дискуссиях, что может провоцировать конфликты в социальных сетях как наиболее доступных площадках для массового обмена мнениями.

«С появлением Интернета и присущих ему платформ (браузеров, социальных сетей) человек остался жить в своем информационном поле и не стремится преодолеть его границы» [Новокшенова, Тарасенко, 2021. С. 1098]. Вследствие чего индивиду становится тяжело осознать, что кто-то мыслит иначе, и он всячески отвергает альтернативные точки зрения. Такого рода ограниченность восприятия придает миру оттенок однобокости и враждебности. Длительное нахождение людей в «информационном пузыре» негативно сказывается на коммуникации пользователей, а крах данного алгоритмического механизма может привести к противодействию между участниками взаимодействия и, как следствие, конфликту.

Наконец, следует взять во внимание следующее: «большую часть знаний о мире, в том числе о политике и социально-экономических процессах, люди получают из социальных сетей, также с помощью них они могут быстро делиться своими мыслями с другими» [Ганюшкина, 2024. С. 84]. Этому во многом способствует стремительное, массовое распространение информации, что создает как возможности, так и риски в Интернет-пространстве. С одной стороны, социальные сети способствуют расширению кругозора и повышению осведомленности о событиях реальной жизни, а с другой – в условиях быстрой передачи информации существует риск распространения дезинформации и искажения фактов. В результате, вместо конструктивного диалога и обмена мнениями, в социальных сетях может возникать атмосфера антипатии и недопонимания среди пользователей.

Важно отметить, что вышеперечисленные факторы дополняют друг друга, сосуществуя в тесной взаимосвязи. Эта связь создает сложную динамику, в которой каждый из факторов может усиливать негативные последствия других, формируя таким образом почву для возникновения конфликтов. В результате это может привести к созданию замкнутого круга, где конфликты становятся все более интенсивными и частыми явлениями.

Необходимо учитывать, что конфликты на цифровых платформах могут порождать ряд негативных последствий для пользователей, среди которых: эмоциональное и психическое напряжение, чувство беспокойства, а также неудовлетворенность собой, влияющие на общее благополучие участников. Более того, конфликты оказывают негативное воздействие на психоэмоциональное состояние и могут привести к сокращению продолжительности жизни пользователя из-за интенсивных переживаний.

Ввиду наличия негативных последствий стоит также упомянуть о возможных рекомендациях, нацеленных на предупреждение и профилактику конфликтных ситуаций на арене социальных сетей.

В первую очередь, следует отметить важность осознанного и конструктивного взаимодействия в Интернет-пространстве. Навыки медиаграмотности (в частности – умение критически воспринимать информацию и анализировать источники) позволят отличать истинные факты от субъективных установок других пользователей. Как следствие – человек ограничит себя от участия в конфликтах в социальных сетях, которые в большинстве своем базируются на дезинформации или недопонимании.

Помимо этого, важно помнить, что за каждым комментарием или сообщением стоит живой человек с собственными чувствами, переживаниями и эмоциями. Умение быть тактичным и избегать агрессивной риторики может существенно помочь предотвратить эскалацию споров и сократить вероятность потенциальных конфликтов. Следует проявлять эмпатию к собеседнику, понимая, что различия во мнениях могут быть обоснованы индивидуальным опытом и убеждениями.

При этом, каждый пользователь имеет право на защиту и отстаивание личных границ. Поэтому в случае возникновения конфликтной ситуации, как правило, полезно сделать паузу и обдумать свои слова до их публикации, апеллируя разумом, а не чувствами. В конечном итоге, активное применение предложенных рекомендаций поможет пользователям социальных сетей выстраивать более гармоничную и продуктивную коммуникацию, что, в свою очередь, может минимизировать количество конфликтов и их негативные последствия. Таким образом, создание более безопасной цифровой среды обеспечит общее благополучие как отдельных пользователей, так и Интернет-сообщества в целом.

Проведенное исследование подтвердило, что социальные сети служат ареной для конфликтов: они существенным образом влияют на общественное мнение и взаимодействие между пользователями. Анонимность и разнообразие представленных точек зрения способствуют поляризации мнений, что создает условия для эскалации споров и противоречий. В ходе исследования также были упомянуты рекомендации, нацеленные на предупреждение и профилактику конфликтных ситуаций в Интернет-среде. В целом, понимание механизмов конфликтогенеза в социальных сетях способствует разработке эффективных стратегий управления конфликтными ситуациями в цифровой среде. Кроме того, полученные результаты могут стать основой для дальнейших исследований, направленных на изучение влияния структурированной коммуникации на динамику конфликтов и их урегулирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 530 с.
- Бегин А. Статистика соцсетей в мире // Инклиент. – URL: <https://incliient.ru/global-social-networks-stats/> (дата обращения: 18.02.2025).
- Ганюшкина Е. С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп. 2024. № 2. С. 84–89.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
- Ивлиев П. А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–2. С. 6–8.
- Новокионова П. Н., Тарасенко Т. В. «Информационный пузырь» и медиапотребление // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2021. Т. 3. С. 1098–1100.
- Патаракин Е. Д. Социальные сервисы Веб 2. 0 в помощь учителю. 2-е изд. Москва: Интуит.ру, 2007. 64 с.
- Филь М. Социальные сети: новые технологии управления миром. Москва: Университет Синергия, 2016. 187 с.

SOCIAL NETWORKS AS AN ARENA FOR CONFLICTS

K. V. Ignateva, A. V. Repina

Saint Petersburg University
(*st118062@student.spbu.ru, st118044@student.spbu.ru*)

Abstract. The article is devoted to the study of the role of social networks as a possible arena for conflicts and exacerbation of social polarization. In the course of this study, various aspects of user interaction in the online space were thoroughly analyzed, including their psycho-emotional state and reaction to the emergence and development of conflict situations. The authors identify the key factors contributing to the escalation of conflicts and their destructive consequences, emphasizing the importance of understanding these processes for more effective improvement of Internet communication. In addition, the work contains a number of practical recommendations aimed at stimulating constructive dialogue and more positive interaction between participants. These recommendations may include creating an enabling environment for communication that improves the quality of communication between users and reduces the likelihood of conflicts on social media.

Key words: social networks, Internet space, conflicts, virtual space, conflict situations, digital platforms.

Научный руководитель Игнатьевой К. В., Репиной А. В. – Пинкевич А. Г., кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Басова Ольга Алексеевна** (olga.basova.2004@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Бобрышова Анжелика Сергеевна** (asbobryshova@edu.hse.ru) – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Институт востоковедения и африканистики, магистратура, 2 курс.
- Василенко Алина Сергеевна** (alina13v20@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Вишневецкая Акси́нья Вадимовна** (aksinya34ru@yandex.ru) – Волгоградский государственный университет, Институт истории, международных отношений и социальных технологий, бакалавриат, 3 курс.
- Генералова Ника Александровна** (miniya123451@gmail.com) – Себряковский филиал Волгоградского государственного технического университета, бакалавриат, 2 курс.
- Завириухин Дмитрий Вадимович** (dima_zav.bgr@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, магистратура, 2 курс.
- Игнатьева Ксения Вадимовна** (st118062@student.spbu.ru) – Санкт-Петербургский государственный университет, факультет философии, бакалавриат, 3 курс.
- Калентьева Светлана Борисовна** (wilsoncast@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Куянецв Александр Олегович** (alekuyancev2004@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 3 курс.
- Лисин Семён Олегович** (semen.lisin2019@yandex.ru) – Воронежский Государственный Университет (ВГУ), исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Максимов Иван Максимович** (ivmax2710@yandex.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, 2 курс.
- Медведева Анна Юрьевна** (uAREmalady@yandex.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Мешкова Мария Михайловна** (masameskova25020@gmail.com) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Просви́рин Алексей Михайлович** (alestikk@yandex.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, магистратура, 1 курс.
- Репина Анастасия Владиславовна** (st118044@student.spbu.ru) – Санкт-Петербургский государственный университет, факультет философии, бакалавриат, 3 курс.
- Розмысл Егор Викторович** (erogrozmysl@gmail.com) – УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», факультет истории, коммуникации и туризма, магистратура, 2 курс; учитель истории Государственного учреждения образования «Средняя школа №26 имени А. Н. Сивачева г. Гродно», Республика Беларусь.
- Саласина Алана Сергеевна** (lana.salasina@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, магистратура, 2 курс.
- Скородумова Мария Дмитриевна** (mskorodumova03@gmail.com) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, бакалавриат, 4 курс.
- Тареева Полина Александровна** (tareeva2003@mail.ru) – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт теологии, бакалавриат, 2 курс.
- Ширяева Анастасия Андреевна** (nastya.shiryayeva.03@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, магистратура, 1 курс.
- Шугайкин Иван Витальевич** (ivan.shugajkin@mail.ru) – Воронежский государственный университет, исторический факультет, магистратура, 2 курс.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

- Балабанова Мария Афанасьевна** (mary_balabanova@mail.ru) – Волгоградский государственный университет, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений.
- Гончаров Владимир Александрович** (vg01011978@gmail.com) – Воронежский государственный университет, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира.
- Горошков Николай Павлович** (nikgoroshkov@yandex.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.
- Гришаев Олег Викторович** (grishaev@vsu.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России.
- Демичева Таисия Максимовна** (t.demicheva@spbu.ru) – Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени.
- Захарова Елена Юрьевна** (ez@hist.vsu.ru) – Воронежский государственный университет, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира.
- Зюзина Елена Борисовна** (elenaborisovnavgu@mail.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии.
- Кубракова Елена Ивановна** (kubrakovaeleni@yandex.ru) – Себряковский филиал Волгоградского государственного технического университета. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
- Нечухрин Александр Николаевич** (anech@grsu.by) – Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и славянской истории факультета истории, коммуникации и туризма.
- Пинкевич Анна Георгиевна** (a.pinkevich@spbu.ru) – Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии института философии.
- Писаревский Николай Петрович** (pisarevskiy1@rambler.ru) – Воронежский государственный университет, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и истории древнего мира.
- Самсонов Денис Анатольевич** (dsamsonov@hse.ru) – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, доцент кафедры корееведения Института востоковедения и африканистики.
- Солодовникова Светлана Викторовна** (solodovnikova_sv@mail.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.
- Сосунов Денис Владимирович** (den_sosunov@mail.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии.
- Черникова Виктория Владимировна** (victoriacher@list.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии.
- Шишкина Ирина Борисовна** (shi-alte@mail.ru) – Воронежский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения.

Научное издание

НОВИК

Выпуск 25

Сборник научных работ студентов
и молодых ученых

Под ред. И. Б. Шишкиной

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 11.06.2026. Формат 60×84/8.
Усл. п. л. 11,7. Тираж 50 экз. Заказ 99

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3